

CONAN

THE
GUARDIAN
BY
ROLAND
GREEN

Annotation

В древнем Аргосе, Конан из Киммерии обнаруживает, что за фасадом законности, интриги благородных домов могут быть не менее смертоносным, чем войны которые он оставил позади. Крупный купец может якшаться с колдовством, а помыслы дворян таят ложь и коварство. Но желающие причинить зло тому, кого киммериец поклялся защищать, пожалеют, что столкнулись с Конаном.

В бумажном издании автором романа ошибочно указан Л. Карпентер.

- [Путь воина](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

Путь воина

ПРОЛОГ

Аргос располагается рядом с Офиром, рядом с древнейшей из всех земель, населенных людьми, с тех пор как океанские волны поглотили Атлантиду. Аргос, конечно, не столь древний, но все же отличается почтенной старостью.

Во времена, когда темная империя Ахерон, казалось, вот-вот сметет все, что стояло у нее на пути, люди, бежавшие из Офира, добрались до отличной гавани на берегах моря Запада. Некоторые продолжили бегство, уплыв на кораблях за пределы обитаемых земель, да и вообще за пределы человеческого мира.

Другие решили, что убежали достаточно далеко. Там, где холмы и болота помогают успешно отбивать написк врагов, переселенцы выстроили господствующую над гаванью крепость. Если орды Черного Ахерона не научатся плавать, то порт позволит снабжать крепость припасами хоть до скончания времен.

Прошли века. Ахерон погрузился во тьму, которую клятвенно обещал другим. Древняя крепость теперь высилась над городом, имевшим собственные стены и башни. Он также носил и собственное имя — Мессантая. (Предания расходятся по вопросу о том, была ли госпожа Мессана дочерью или же любовницей первого коменданта крепости.)

После того как сменило друг друга еще немало поколений, на берегу больше не осталось места. Люди селились все дальше и дальше от моря, нашли хорошую землю, богатые строевым лесом и дичью леса, реки и озера, где в изобилии водилась рыба. Хутора разрослись в деревни, а деревни — в городки. Вся страна от Мессантии и в глубь материка, насколько считали нужным сами жители, стала носить название Аргос.

Вокруг Аргоса сложились другие королевства — Зингара, Немедия, Коф и Шем, все имели с ней общие границы. Но ни в одном из них не было столь удачливых и оборотистых купцов. Они умели найти подход к простому ремесленнику из Асгалуна или к кузнецу из Шема и заставить их платить двойную цену за слитки из меди, добытой на холмах Боссонии.

Со временем потомки купеческих семей стали правителями Аргоса. Правили они не столь твердой рукой или по крайней мере с меньшим произволом, чем короли соседних стран. Поэтому Аргос был отнюдь не легкой добычей, когда монархи, чья жадность превышала разум, пытались захватить его.

Аргосийцы обучались владеть оружием с детства. Не такие уж грозные на бранном поле, укрывшись за собственными стенами, они могли одержать победу над любым врагом, кроме разве что могучих войск Аквилонии. А в мирные времена купцы набирали наемников, людей, выбранных жребием служить определенный срок в войсках. Во время этого срока воины стерегли границы, охраняли поселки и городки от разбойников, а города — от воровских шаек. Если возникала надобность, их выставляли в поле против вторгшихся захватчиков, пока собирались в армию аргосийские ополченцы.

Пять раз бойцы расплачивались своей кровью, чтобы выиграть нужное время. Трижды они дрались так хорошо, что захватчики не дожидались, пока соберутся граждане, а бежали с пустыми руками, не способные похвастаться иными достижениями, кроме кровавых ран.

Когда у одного кузнеца в далекой, продуваемой всеми ветрами Киммерии родился сын по имени Конан, прошел уже почти целый век с тех пор, как кто-то пробовал завоевать Аргос. Несомненно, капитаны во всех странах передвигали по картам деревянные фигурки, показывая, как они могли бы покорить эту страну. Наверно, когда они бывали достаточно пьяны, то даже верили в свои планы.

Но победу всегда одерживали люди трезвые, и Аргос оставляли в покое.

Однако никакая страна не может сделаться столь старой, как Аргос, без того чтобы не обрасти тайнами, словно пень древнего дуба — мхом. И некоторые из этих тайн таковы, что мудрые люди говорят о подобных делах только шепотом или вообще молчат.

На тот момент, когда Конан-киммериец бежал из Турана, чтобы стать командиром Вольного Отряда, большинство этих тайн было известно в Аргосе только одному человеку. Он называл себя князем Скироном, хотя мать дала ему имя, отнюдь не похожее на Скирон. И было почти столь же определенным, что равным образом лицо он носил отнюдь не то, какое ему дала природа.

Акимос из Перама задрожал от влажного холода в пещере и поплотнее закутался в парчовый халат из китайского шелка. Халат был подбит ватой, так же как и надетая под ним туника. Но против холода пещеры одежда казалась такой же тонкой, как прозрачные покрывала танцовщицы.

Скирон определенно завел его далеко под землю, глубоко в лабиринт туннелей, некогда служивших мессантайцам последним прибежищем. Сюда никогда не проникал яркий свет, за исключением мерцающего пламени факелов, сражающегося в неравной битве против темноты. Они могли оказаться и под озером Гиркса, или под рекой Хорот, или даже под самым морем!

Последняя мысль заставила Акимоса беспокойно посмотреть вверх, словно скальный потолок мог вдруг рассыпаться и потоки зеленой воды хлынуть в туннель.

Услышав легкий кашель, Акимос опустил взгляд. Скирон стоял у бронзовой жаровни, со слабой улыбкой на тонких губах. Рядом с ним на коленях замер безъязыкий, глухой раб, тащивший поклажу князя.

Акимос покраснел, поняв, что Скирон знал о беспокойстве своего нанимателя. Чтобы больше не выдавать себя, купец попытался придать голосу намеренную грусть:

— Ну, любезный, приступай к делу! Или у тебя есть чары от ревматизма и воспаления легких, которые я, наверно, здесь точно подхвачу, если буду ждать еще?

— Будь осмотрительней. Обращаясь ко мне, называй меня Скироном. А если ты сможешь еще приспособить свои уста и для произнесения слова "князь", то так будет намного лучше.

Он сделал над жаровней несколько странных жестов. От углей, извиваясь, заструился прозрачный красный дым. Струи дыма сгостились и неожиданно обрели странную форму. Акимос с ужасом увидел некое подобие собственного лица. Сначала его венчала корона, выполненная в совершенно неузнаваемом стиле, густо унизанная огранеными в вендиjsкой манере рубинами и изумрудами.

Вслед за тем он увидел себя с непокрытой головой. Затем его лицо приобрело выражение охваченного самой страшной мукой человека. Рот открыт, безмолвные вопли, казалось, отзывались эхом в черепе живого человека.

И наконец, Акимос узрел свою отрубленную голову, с выклеванными птицами глазами и гниющую на колу, проткнувшем ее насеквозд от шеи до макушки. Он с трудом подавил приступ тошноты.

— Думаю...

— Ты думал, что можешь позволить себе проявить нетерпение, уважаемый Акимос. И я решил показать тебе, куда может привести нетерпение.

— Благодарю за урок, князь Скирон!

Акимос решил, что с удовольствием назовет этого типа Царем Солнца и Луны, если это ускорит сегодняшнюю работу.

Но Скирон уже переходил к другим делам. Повелительный жест, и раб вручил ему два пузырька с порошком цвета засохшей крови. Еще один жест — в жаровне пылают новые угли.

Скирон начертил в воздухе загадочный знак. Почти сразу же поднялись волны жара. С Акимоса и раба закапал пот, но на Скирона жар, казалось, не подействовал, при всем том что он находился к жаровне ближе всех.

Последний жест колдуна, и раб принес простую бронзовую шкатулку, в какой женщина не слишком высокого положения могла хранить губную мазь и пудру. При виде столь обыкновенного предмета Акимосу невольно захотелось рассмеяться. Желание это тут же прошло, когда взор Скирона обратился в его сторону.

Не умел ли этот человек читать чужие мысли? Акимос знал множество легенд о колдунах других стран, способных на телепатию. Но всех обладавших такими силами выкинули из Аргоса три поколения назад, во времена правителя Гиппароса Великого. А Скирон родился в Аргосе.

Руки колдуна задвигались с быстротой жалящих гадюк. Два пузырька с малиновым порошком,казалось, так и прыгнули в жаровню. Акимос задержал дыхание, ожидая следующих по пятам за жаром огромных, ревущих облаков дыма.

Вместо этого, исчез даже жидкий серый дым от углей, будто его всосал чей-то огромный рот. У Акимоса от удивления отвисла челюсть. Даже запах гари пропал. Вместо него возник едкий аромат: словно десяток трав и приправ смешали, хорошоенько погноили, а потом подожгли. Акимос поспешил закрыть рот и поборол порыв прижать к лицу ладонь.

Руки Скирона снова метнулись под жаровней. На сей раз они бросили на угли бронзовую шкатулку. Но вместо того чтобы упасть на них, она плавно опустилась, словно мыльный пузырь. На ширину ладони от углей шкатулка остановилась.

— Для уличного представления — это вполне прилично, князь Скирон.

Акимос говорил подобную глупость ради того, чтобы унять волну животного ужаса. Колдун, расставив ноги в стороны и сцепив за спиной длиннопальые руки, зловещей фигурой возвышался над жаровней. На худощавом лице чародея возникло нечто среднее между улыбкой и презрительной гримасой. Он поднял обе руки над головой, резко опустил их вниз, а затем выкрикнул единственное слово на языке, которого Акимос не знал, да и не желал узнать.

Шкатулка вдруг странным образом трансформировалась. Сперва она в мгновение ока разбухла и продолжала расти, пока не стала размером с пастушью хижину. Она изменила цвет с желто-коричневого на аквамариновый, а потом на опаляющий взор изумрудный окрас, который, казалось, так и пылал, затем на полуночно-черный. Шкатулка стала такой черной, что даже сумрак пещеры мог показаться ярким полднем.

Акимос попытался заглянуть в эту черноту, но тут же почувствовал, как душу, словно клещами, вытягивает из тела, и плотно зажмурил глаза. Кошмарное ощущение, что его высасывают, исчезло.

Купец облизнул пересохшие губы и открыл глаза. Шкатулка вновь обрела свой нормальный цвет, однако размеры остались такими же нелепыми. Она еще вырисовывалась на уровне человеческого роста, и теперь по ее поверхности на змеиный манер извивались странные знаки и еще более странные фигуры. Акимос боролся со страхом, без большого успеха пытаясь подобрать названия магическим знакам и фигурам. Но вот колдун произнес знакомое проклятие на древнекофском, и тогда купец понял, что Скирон выпустил здесь на волю. Выпустил на волю по его побуждению...

Последние знаки и фигуры, извиваясь, сползли со шкатулки, на мгновение зависли в воздухе, а затем исчезли. Когда они пропали, Скирон снова крикнул. Дикий возглас без слов — страшный мяукающий звук, словно кошка вопит в предсмертной агонии.

Прямо на глазах у Акимоса шкатулка раскрылась и у крышки выросли зубы. Зубы, по сравнению с которыми и львиные показались бы карликовыми, зубы длиной в полруки Скирона.

Чародей сделал очередной магический жест. Шкатулка подпрыгнула в воздух, обрушилась

на раба и вонзила кошмарные зубы ему в шею.

В пещере царила предельная тишина, тишина загробного мира. Раб не мог издать ни звука, хотя алая кровь струилась у него из разорванных вен.

Скирон подождал, пока Акимос не перестал слышать даже собственное дыхание. А затем, словно отзывая от гостя сторожевого пса, он подошел к шкатулке и шлепнул по ней обеими ладонями.

Та раскрылась, выпустив раба, несчастный рухнул к ногам хозяина. Затем, прежде чем кто-либо успел сделать вздох, шкатулка уменьшилась до своих прежних размеров и с лязгом упала на грязный пол.

Скирон провел обеими ладонями над жаровней, вытягивая облачко голубоватого дыма величиной с голову младенца. Держа его так, словно оно было яичной скорлупой, он отнес его к распостертым рабу и дал облаку упасть на окровавленную шею.

Раны от жутких зубов и даже кровь на коже исчезли. Раб открыл глаза, пощупал шею и, казалось, собрался снова упасть без чувств.

— Встать, дурак! — приказал Скирон. — Если мне самому придется нести поклажу, то в следующий раз я, возможно, дам тебе истечь кровью. — Чародей произнес эту фразу специально для Акимоса, рабу же он все передал специальными жестами.

Бедняга тут же вскочил на ноги, бросился гасить и собираять колдовские инструменты хозяина в кожаный мешок. Скирон остановился перед Акимосом. В одной руке он держал шкатулку.

— Определенно эти иллюзии лучше тех, что показывают уличные фокусники, — сказал торговый магнат.

Скирон улыбнулся как кот мышке:

— Иллюзия, говоришь? Ты ведь самый богатый человек в Аргосе. Посмотри на эту шкатулку, как посмотрел бы на свою амбарную книгу или долговую расписку.

Акимос посмотрел — и его пальцы сами собой сложились в отгоняющий злые силы знак. У шкатулки по-прежнему имелись зубы, и кончик каждого из них блестел от свежей крови.

— Когда тебе желательно, чтоб я начал работу? — спросил колдун. — И в каком Доме?

— Сперва у госпожи Ливии, — решил купец. — Там лишь девчонки да старики, слабые духом и телом.

— Я не слыхивал, чтобы такое говорили о госпоже Ливии, — усомнился Скирон.

— Ты зарабатываешь свое золото в качестве колдуна, а не советника, — отрезал Акимос. — Допускаю, что госпожа Ливия не дура. Но что может сделать одна девушка, когда ее домочадцы в панике? Что может сделать мудрец, окруженный глупцами?

Скирон глянул, готов ли раб к уходу, а затем снова посмотрел на купца:

— Акимос, думаю, тебе лучше никогда не узнать ответа на этот вопрос.

Он повернулся и зашагал следом за рабом, прежде чем к Акимосу вернулась способность соображать, не говоря уж о даре речи.

Скирон позволил себе расхохотаться, лишь когда оказался далеко в Туннелях на пути к своему дому у ворот Менефраноса. Вот тогда он опустился на влажный камень и хохотал, пока ребра у него не заболели так, словно его лягнул мул.

Какой глупец этот Акимос, если сомневается в его силах! Какой ужас испытал жалкий торгащ, когда увидел магию в действии! И какая судьба дожидается этого толстого болвана, когда Скирон перестанет нуждаться в нем.

Однако какое-то время он еще понадобится. Мысль о требовавшемся времени отрезвила Скирона. Времени, нужного Акимосу для подчинения полулюдины своих соперников, чтобы

стать самым крупным торговым магнатом Аргоса. Времени, нужного ему для того, чтобы сделать ручными архонтов и хранителей. Времени, нужного для того, чтобы эти подающие надежды отроки — да и отроки-цы, — которые поступят в эту школу, усвоили то, чему с удовольствием научит Скирон. А потом Скирон и его ученики вернут в Аргос колдовство. Люди, владеющие лишь искусством звенеть монетами, уступят им дорогу. И колдуны Кофа, посоветовавшие Скирону: "Иди и научись сам чему можешь", будут вынуждены признать, что он исполнил их совет, и не без эффекта.

Они, конечно, к тому времени все перемрут, те люди, чей отказ признать его способности оставил в душе Скирона все еще незажившие шрамы. Но они будут наблюдать из теней, как он правит Аргосом, и поймут, что ошибались.

Скирон снова тихо рассмеялся и сделал знак рабу. Они вместе поднялись последние пятьдесят шагов туннеля, до трещины в скале. Раб пролез через трещину, в то время как Скирон обернулся, поднял сжатый кулак и произнес три коротких слова.

Вокруг следов на полу заплясала и закружила пыль. Миг спустя не осталось никаких признаков, что этим путем когда-либо проходили люди. Тьма поглотила туннель, когда Скирон исчез в трещине, с фонарем в руке.

Глава 1

— Капитан! На дороге вооруженные люди!

Эльгиос, капитан Воителей Дома Оссертес, тяжело вздохнул и подобрал со стола караульного помещения шлем. Нахлобучив шлем на лысеющую голову, он высунулся в окно.

Часовой не соврал. По Великому Мосту через реку Хорот неторопливо двигалась пестрая толпа. Похоже, она состояла из представителей всех хайборийских племен, у которых имелись только драная одежда, нечесаные волосы да готовый к бою клинок в руке.

Среди них выделялся один парень, и не только потому, что на полголовы был выше других. Парень отличался богатырским телосложением и двигался с гибкой грацией молодого льва. Длинные черные волосы падали на широченные плечи, затянутые кольчугой. На боку у него висел видавший виды меч в кожаных ножнах.

Эльгиос решил, что вряд ли перед ним шайка разбойников. По крайней мере, широкоплечий парень не походил на разбойничьяго атамана. Впрочем, не походила на вожака бандитов и огнегривая деваха Карела, хотя весь Офир с недавних пор так и гудит рассказами о ее подвигах. Наверно, это отряд наемных бойцов...

— Посты! — крикнул Эльгиос.

Капитан услышал, как его приказ передали по цепочке через мост на другую сторону. Ворота на обоих концах моста захлопнулись. Лучники забрались по лесенкам в гнезда на крышах караулок, ругаясь, когда щепки рвали кожу и одежду. В тени под мостом десяток людей с маслом и трутом спешно приготовились поджечь деревянный пролет моста.

Эльгиос не настолько постарел, чтобы отрастить брюшко, и потерял свои волосы не без некоторых забот о своем долге. Наступай к мосту хоть все рати Аквилонии, они не застанут Эльгиоса сына Артрадеса неспособным защитить Великий Мост.

В планы Конана из Киммерии совсем не входило приближаться к границам Аргоса в компании четырех десятков головорезов. Хоть ему еще не исполнилось и двадцати четырех лет, солдат он был опытный и к тому же отнюдь не дурак. Ему было известно, что Аргос не шибко нуждался в отрядах вольных мечей.

Однако у вояки-одиночки и вдобавок опытного капитана, шансы могли оказаться лучше. Получив место в доме какого-нибудь купца, он смог бы обеспечить работой и тех из парней отряда, какие лучше всего подойдут.

Некоторые подойдут точно. Новые правители Офира очищали свою страну от вольных мечей безжалостной рукой. Увидит ли Конан снова ребят, которых оставил тем далеким утром на склонах дымящегося Аль-Киира, где нашел место своего последнего упокоения злобный демон. Когда Конан встретит ребят, то отряд снова выступит в поход, под новыми знаменами, но опять став силой, с которой придется считаться.

Не успел Конан покинуть очередное, залитое кровью поле боя больше чем на две лиги, как уже оказался не один. К нему присоединились братья-близнецы, почти мальчишки, служившие в отряде Блезиуса. В их глазах киммериец увидел голод, страх и память о погибшей родне. Эти пацаны слишком многое пережили, они видели, как по приказу Искандриана Орла их товарищей сажали на кол.

Он не мог послать этих ребят назад, туда, где их ждала казнь, так же, как не смог бы убить женщину. Применив хорошо усвоенное и хорошо запомнившееся умение, он украл на каком-то хуторе курицу и дал им первый раз за несколько дней прилично поесть. На следующее утро они

встали с петухами и отправились дальше втроем.

Четыре дня спустя отряд Конана уже насчитывал семнадцать человек. А еще через четыре дня их набралось уже три десятка. И через пару дней Конан сердито смотрел на них, когда они пожирали мясо олена подстреленного в заповедном королевском лесу и зажаренного на костре из королевского хвороста.

— Кром! А я-то думал проскользнуть в Аргос незамеченным. Теперь буду лезть всем в глаза, как борода у евнуха!

Парни рассмеялись, но быстро отрезвили, когда киммериец продолжил речь.

— Итак, теперь мы не больше чем в трех дневных переходах от аргосийской границы. Орлу не нравится, что пограничье кишит отчаянными мужиками, как шкура шакала блохами. Поэтому дальше мы пойдем как отряд вольных мечей, связанных присягой. Поклянитесь выполнять мои приказы и берегать своих товарищей так, как вам хотелось бы, чтобы берегали вас. Поклянитесь тем, во что верите, или не приведи Кром застать мне вас здесь на рассвете.

Чтобы свершить клятву, потребовалось припомнить всех богов, каких знал Конан, и еще нескольких, которых он не знал. Но присягу бойцы принесли, и лишь двое отсутствовали, когда отряд Конана тронулся в путь к границе.

Путь им никто не преграждал, по крайней мере солдаты Искандриана Орла. Возможно, это было вызвано осмотрительностью Орла, не рискувшего двинуть крупные силы к границе с Аргосом, пока корона Офира еще непрочно сидела на юной голове Морантеса II.

У самих-то аргосийцев имелись лишь небольшие дружины да крепкие городские стены, но у их друзей в других странах было сил побольше, намного больше. Они не замедлят привести в движение солдат и ручейки золота, дабы сорвать планы о菲尔цев, — и, возможно, вырвать несколько клочков земли из неопытных рук Морантеса.

Конан более чем наполовину желал, чтобы Искандриан совершил подобную глупость. Тогда аргосийцы могли бы проглотить свою неприязнь к вольным мечам, проглотить ее несоленой и нежареной. А их союзники наверняка дали бы ему место в войсках, наступающих на Офир.

Тогда киммериец мог бы свести кое с кем кровные счеты за собратьев-капитанов и товарищей, уже посаженных на кол. У Конана осталось мало добрых воспоминаний об о菲尔ских князьях, которые использовали наемников как фишки в своих кровавых играх. Половина из них ценила жизнь солдата ниже жизни своих охотничьих собак.

Но к ночи на трети сутки, когда впереди уже виднелась граница, Конан решил пока смирить гнев и на время отложить планы мести. На рассвете четвертого дня он приказал своим парням привести себя в порядок, чтоб не пугать разбойничьим видом мирных поселян. Приказ выполнили с умеренным успехом, и северянин повел отряд с холма по дороге к Великому Мосту через Хорот.

Дракон не принадлежал к числу ни самых древних, ни самых крупных представителей своего вида. Но, несомненно, принадлежал к числу самых голодных.

Когда могучие маги покинули Аргос, исчезли и чары, поддерживающие жизнь в громадном теле рептилии. Дракон два века проспал в иле на дне Хорота.

И вот теперь слабая аура колдовской энергии, которую столь вольно расходовал Скирон, ненароком коснулась воды и вместе с речным потоком добралась до спящего чудовища. Дракон проснулся и обнаружил, что зверски голоден. Пойманная рыба удовлетворила зуд у него в желудке, но не зуд в крошечном мозгу.

Дракон прекрасно помнил теплокровную двуногую добычу. Как легко он тащил жертвы на дно, когда эти двуногие плескали, переходя брод, или слишком далеко наклонялись со своих хрупких лодочонок. Память о былых пиществах увлекла его вверх по течению, туда, где он когда-

то таился, поджиная добычу.

Однако за прошедшие годы что-то изменилось. В лодках плавало не так много добычи, и никто не пытался перейти реку вброд. Там, где разгуливалась добыча, высилась чудовищная куча камня, заставлявшая течение закручиваться самым немыслимым образом.

Дракон шнырял вверх-вниз по реке и время от времени закусывал играющим слишком близко к воде ребенком или стирающей белье женщиной. С ними он разделялся одним щелчком клыкастых челюстей.

Наконец, устав от поисков обильной поживы, чешуйчатый гигант затаился под мостом.

— Стой, кто идет? — крикнул Конану один из часовых на мосту. Одетый в красную тунику с нагрудником и в бронзовый шлем с высоким гребнем, солдат направил на Конана жало длинного копья.

Киммериец упрямо шагал вперед, пока копье едва не ткнулось ему в грудь. Копейное жало замерло буквально в нескольких дюймах от широченной груди северянина. Конан невозмутимо положил массивную ладонь на лезвие и толкнул оружие вниз.

— Конан, капитан вольных мечей, и его кондатта, — проговорил он, словно спрашивая цену за комнату на постоялом дворе.

За спиной у него парни громко рассмеялись при виде той рожи, которую скорчил опешивший часовой. Конан бросил в их сторону косой взгляд, и ребята притихли. Конан успел заметить, что через мост к ним приближаются новые караульные во главе с верховым капитаном.

Капитан подъехал к отряду киммерийца, и Конан поднял руку в официальном приветствии:

— Честь и слава тебе, капитан. К кому я имею честь обращаться?

— Эльгиос сын Арантеса, капитан мостовой стражи из Воителей Оссертеса, приветствует тебя, э...

— Он говорит, что его имя Конан, — вмешался часовой.

Конан нахмурился, и часовой испуганно отступил на два шага — взгляд у северянина был таким же тяжелым, как и кулаки.

— Я привык говорить правду, капитан Эльгиос.

— Так же как и я, капитан Конан, — отозвался Воитель. — И посему я тоже скажу вам — в Аргосе нет места для вольных мечей. Определенно нет, когда у нас мир, и редко, когда у нас война. Покуда Воители выполняют свой долг...

К тому времени когда Эльгиос закончил свою маленькую речь, Конан так и не узнал ничего нового. Киммериец услышал, как кондотьеры у него за спиной зароптали. Он пожал плечами, затем скрестил руки на массивной груди:

— Ну, в таком случае, капитан Эльгиос, мы готовы войти в Аргос поискать другую работу, законную в глазах богов и людей.

— Да, вы можете войти, если кто-нибудь из аргосийцев даст залог за каждого из вас, ручаясь, что вы не станете нищими или ворами.

— Капитан, — обратился к нему Конан, словно к малому ребенку. — Из моих людей едва ли кто вообще когда-либо бывал в Аргосе, не говоря уж о том, чтобы стать известным его гражданам.

— По крайней мере известными как люди, достойные поручительства, — поправил его Эльгиос. Он окинул взглядом разношерстный отряд киммерийца. — У жителей Аргоса найдется лучшее применение своему золоту, чем отдавать его в залог ради немытого киммерийца и его нищих головорезов.

Не оборачиваясь, Конан жестом заставил стихнуть раздавшееся у него за спиной гневное

рычание. Он давно приметил лучников, расставленных во всех башнях моста и на противоположной стороне Хорота. Одно слово, и трусливый капитан вместе со своими воинами отправятся в Хорот на корм рыбам. Но наемникам не вкусить всех радостей победы.

Конан возблагодарил Крома, что поставил четырех бойцов в кустах на огирском берегу. Они сейчас видят и слышат все, что происходит на мосту, и сумеют рассказать о случившемся другим кондотьерам, если те будут искать убежища в Аргосе. В конце концов надо хоть что-нибудь сделать для собратьев-наемников, спасающихся от палачей Орла.

— Конечно, люди вроде вас, неплохо жившие в качестве кондотьеров, — Эльгиосу почти удалось сохранить серьезное выражение лица, — не настолько бедны, какими вы желаете казаться. Равно законно и вносить залог за самих себя.

— В самом деле, — молвил Конан. Человека, вымогающего взятку, он мог учурять и за лигу против ветра. Вонь выгребной ямы кажется сладким ароматом по сравнению с таким ублюдком. Но никогда не вредно спросить у человека его цену. — И каков же залог?

— Две драхмы с человека, и четыре для вас лично, без права носить сталь. Если же вы желаете носить оружие...

— Мы что, похожи на подносчиков кирпичей? — крикнул кто-то.

— Попридержи язык, капиташка, а не то, клянусь бронзовой задницей Эрлика, я тебе живо его вырву!

— Молчать! — рявкнул Конан, а затем посмотрел на Эльгиоса: — Не обижайтесь на воина, капитан Эльгиос, он привык выражаться просто и без затей!

— Семь драхм с человека. Пять в казну, две — в пользу Дома Воителей. У меня есть права проводить сбор для Дома.

Конан еле-еле сдержал смех, что само по себе было уже подвигом. Его бойцам это удалось с меньшим успехом.

— Вы, должно быть, думаете, что воздух Аргоса — нектар, а вода — сладкое вино, раз просите столько за пропуск честных людей.

— Мы думаем, что Аргос — мирная страна, — веско ответил Эльгиос. — И намерены сохранить ее такой.

— Тогда нам не о чем спорить, — сказал Конан. Выплатить требуемую сумму большого труда киммерийцу не составило бы, даже если б Эльгиос запросил куда большую мзду. Драгоценных камней из добычи Карелы северянину хватило бы и на покупку небольшого города. Конан давно уже уяснил: никогда не показывай вида, что у тебя водятся деньжата. Капитан не удовольствовался бы обычной взяткой, если б кто-то дал ему возможность легко приобрести целое состояние. Конан обернулся к своим бойцам:

— Отлично! Похоже, у аргосийцев отошли кошельки и они хотят пополнить их за наш счет. Вы наверняка отложили на черный день по несколько монет, если, конечно, достойны кожи на сапогах! Я могу выделить немного из своей доли, чтобы набралось на залог за любого, кому и правда не повезло. Поэтому, ребята, подходи и плати, кто сколько сможет. Закончите с этим, и к вечеру уже будете лакать приличное вино под настоящей крышей.

Некоторые из бойцов не тронулись с места, а многие принялись поминать имена богов, перемежая их отборными ругательствами. Бедолагу Эльгиоса буквально испепелили гневные взгляды наемников. Воитель же сидел в седле с беззаботной улыбкой, как будто обстряпал вполне привычное дело. Впрочем, так оно и было.

Конан пристально следил за своими головорезами, когда те, один за другим, отдавали деньги самодовольному аргосийцу. Кое за кем проследить не помешает, а не то сорвиголовы наверняка как-нибудь темной ночью попытаются перерезать Эльгиосу глотку. Несколько лет назад Конан и сам, не раздумывая, выкинул подобную штуку, однако время меняет человека, и

Конан уже не был похож на того юношу-варвара, который вступил в отряд турецких наемников, решив попробовать горького солдатского хлеба...

Кучка монет на мостовой у копыт коня Эльгиоса все росла. Конан уж начал думать, что ему, возможно, придется показать едва ли не самый маленький из драгоценных камней, грубо ограненный опал, украшавший некогда, по словам Карелы, какого-то идола в Күше. (Впрочем, в рассказах Карела проявляла почти такую же буйную фантазию, как и в постели.)

Подошел один воин по имени Траттис, протягивая пустой кошелек и хлопая себя по драной одежде. И воин, и одежда выглядели так, словно их использовали для чистки свинарников.

— Простите меня, милостивые государи, — заскулил Траттис, — но мне выпала такая невезуха...

— Как же, невезуха, дери тебя в задницу! — крикнул кто-то позади Конана. Кричавший грубо оттолкнул киммерийца в сторону, надвигаясь на Траттиса. — Я видел, как ты пересчитывал жемчуг, той ночью, после того как присоединился к...

— Жемчуг? — переспросил Эльгиос. Он посмотрел на Траттиса и на выросшего теперь перед ним воина с секирой. Наемник называл себя Ральдос. Глаза у Воителя расширились, он одним движением выхватил меч и крикнул: — Взять его!

К несчастью для Эльгиоса, но к счастью для Траттиса, приказ не дал другим стражникам никакого намека на то, кого именно следует хватать. Пока они пялились то на одного, то на другого наемника, Траттис выхватил нож и отрыгнулся назад. Ральдос бросился на него и напоролся животом на острове лезвие. Эльгиос нелепо взмахнул оружием, но его парадный меч плохо подходил для конного боя. Клинок лишь рассек пустой воздух.

Траттис кинулся к перилам моста, запрыгнул на них и сиганул вниз. Конан добрался до перил как раз вовремя, чтобы увидеть, как беглец чисто вошел в воду и исчез. Северянин отстегнул пояс с мечом и принялся расстегивать кольчугу, не спуская глаз с водной глади в ожидании, когда Траттис выплынет. Ни один человек не мог навеки задержать дыхание или уплыть под мост против сильного течения Хорота.

К тому времени, когда Конан сбросил сапоги, стало понятно, что воздух в легких у Траттиса вряд ли остался. Не пошел ли парень пряником ко дну и погрузился в ил, как наковальня? Может киммерийцу померещилось, или же на самом деле в воде под мостом промелькнула тень, словно у самой поверхности двигалось что-то крупное?

Померещилось или нет, жемчуг не достанется Хороту. Конан вскочил на перила, нацелился как раз на то место ниже по течению, где исчез Траттис, и нырнул.

Дракон на краткий миг поразился, когда падающее тело пробило поверхность воды почти прямо над ним. Ощущение это прошло настолько быстро, насколько вообще что-либо могло пройти в неповоротливом уме чудовища. Нога упавшего человека задела гребень дракона, и монстр сообразил, что завтрак болтается у него прямо под носом. Дракон перевернулся на спину, открыл пасть и ринулся к нему.

В легких у Траттиса почти не осталось воздуха, поскольку перед прыжком наемник не вдохнул как следует, да в придачу сильно ударился о поверхность воды. И все же Траттис попытался завопить, когда из мутной воды прямо у него перед грудью появилась оскаленная пасть. Но только наглотался воды и потому уже практически не чувствовал, как зубы величиной с палец пронзили ему сердце и легкие.

Дракон несколько раз сильно встряхнул жертву. Похоже, этот двуногий еще не пригоден для еды. Дракон, однако, вспомнил, что время разрешит эту проблему. Теперь надо найти местечко, где можно будет спрятать добычу, и оставить ее там на время, нужное для...

Вода наверху забурлила вновь, в реку погрузился еще один двуногий. Без помощи колдовской

силы дракон видел весьма посредственно, но, чтобы различить баламутящие воду человеческие ноги, острое зрение не требовалось.

Этот двуногий наверняка живой. Если позволить ему оставаться таковым, то он, чего доброго, спасется. Мысль о возможности заполучить достаточно мяса, чтобы действительно заполнить голодный желудок, вытеснила из головы дракона все остальное.

Монстр разинул пасть, и труп Траттиса свободно поплыл по течению. А затем чешуйчатая морда повернулась к Конану.

В отличие от Траттиса, Конан нырнул в воды Хорота с запасом дыхания и не теряя способности соображать. И мгновение спустя пожалел, что оставил на мосту верный меч.

Чудище, появившееся из зеленовато-коричневой глубины, было столь же отвратительно, как и те твари, с которыми он дрался в Вендии, Кхитае и в других краях Великой Хайбории. Вряд ли хватит пальцев на руках, чтобы сосчитать. Однако животное было огромным, и Конан ни чуточки не сомневался: тварь окажется очень живучей, не важно даже, какие силы ее породили — магические или природные. По крайней мере в этом-то она мало чем отличалась от киммерийца.

Конан сгруппировался и выхватил кинжал. А затем с силой пнул по чешуйчатой морде, чтобы отвлечь зверя и оттолкнуться от него. Должно быть, киммериец угодил зверю в какое-то чувствительное место, вода взбаламутилась, тварь, извиваясь, отпрянула в сторону. Конан увидел, что чудовище перевернулось на спину. Открывшийся участок тела выглядел не только чувствительным, но и уязвимым — широкий отрезок морщинистой белой кожи под горлом. Кинжал Конана прорвал кожу, вонзаясь в плоть чудища, вода затуманилась от темной крови, а зверь забился пуще прежнего.

Киммериец хотел было всплыть на поверхность, но тут дракон резко перевернулся брюхом вниз и снова ринулся в атаку. Страшные клыки разодрали киммерийцу одежду и оставили на коже несколько кровавых отметин.

Едва увернувшись от оскаленной пасти, Конан сумел ухватиться одной рукой за гребень на здоровенной башке чудовища. Другой рукой он вонзил кинжал глубоко в налитый ненавистью глаз дракона.

С таким же успехом Конан мог прыгнуть в жерло подводного вулкана. Предсмертная агония зверя была ужасающей. Киммериец что есть силы вцепился в гребень и рукоять кинжала, зная, что если разожмет пальцы, то молотящие лапы или хвост чудовища переломают ему все кости в мелкое крошево.

Зверь бился в конвульсиях так долго, что Конан уже несколько раз считал себя утопленником. И вообще, ждал, что сейчас наступит конец света. И каково же было удивление, когда зверь перестал биться, а у киммерийца в легких еще оставался воздух. Одно мощное движение ног вынесло его на поверхность. Нет, мир не рухнул, не погиб! Здесь, наверху — тепло и свет. Конан жадно вдохнул полной грудью, потом еще, а затем протянул руку за ножнами кинжала.

— Кром!

Ножны исчезли. Так же как и то, что было зашито в них, — драгоценные камни из Офира. Драгоценные камни, которые могли купить право на въезд в Аргос целой армии вольных мечей, не говоря уж о небольшом отряде!

Конан завернул витиеватое разбойничье ругательство, но затем бросил сквернословить. Кром давал человеку ум для того, чтобы составлять планы, и смелость, чтобы выполнять их, если, конечно, повезет. Суровый бог не давал человеку права распускать сопли, если мир вел себя не всегда так, как хотелось бы.

Самоцветы пропали. Но если у Траттиса действительно имелся жемчуг — а судя по тому, как он бросился бежать от Ральдоса, это казалось возможным, — то самым лучшим, что можно найти после ножен, — тело Траттиса.

Это заняло некоторое время. Но когда Конан отыскал труп наемника, выяснилось, что происшедшем интересуется еще кое-кто. Течение вынесло беднягу Траттиса на галечный пляж в нескольких сотнях шагов от моста. Там столпилось никак не меньше полдеревни простолюдинов.

Как только Конан поднялся из вод Хорота, словно некое морское божество, глазевшие селяне на редкость дружно обратились в бегство. Единственными, кто остался из всей толпы, оказались маленький мальчик, который споткнулся и упал, и девочка чуть постарше, вернувшаяся обратно помочь пареньку подняться.

Когда киммериец двинулся к ребятишкам, возвышаясь словно осадная башня, девочка сгребла грязной ручонкой горсть гальки и оскалила зубы:

— Тронешь моего брата или меня, будешь...

— И что же я буду? — улыбнулся Конан.

— Будешь вытаскивать гальку из собственных глаз, верзила! — И девчонка разразилась тирадой, намекая, что в число предков Конана входили самые разнообразные животные, в основном нечистые.

Наконец северянин не выдержал и расхохотался. Девочка резко умолкла.

— Сударыня, это плохая благодарность мне за борьбу с речным чудовищем.

Девочка разинула рот. Она сначала окинула взглядом киммерийца, на боку у которого кровоточили следы от драконьих зубов, потом взглянула на изувеченный труп Траттиса. А затем посмотрела на реку:

— Ты сражался... ты сражался с речным демоном? Ты один?

Конан ткнул большим пальцем через плечо в сторону мертвого наемника.

— Его вины тут нет, но он был не в состоянии особо помочь. Что же касается демона, то я не только сражался с ним, а готов поручиться хорошим мечом, что убил его. Если сомневаешься в моих словах и желаешь понырять, то поищи дохлую гадину чуть ниже по течению от Великого Моста...

Девочка закатила глаза и грохнулась в обморок. Ее братишко завыл, как потеряная душа. На берег, размахивая косами и вилами, прибежали несколько селян, приготовившихся спасти детей от демона, вылезшего посреди бела дня из реки.

Конану пришлось потратить несколько утомительных минут на объяснение, что он действительно убил тварь, которую местные жители называли речным демоном, и что он не колдун и к магии не прибегал.

— Я не чародей. Всего лишь воткнул нож гадине в глаз, — проворчал северянин. — Магический там зверь или нет, но этот прием годится для любой зверюги с гляделками где-нибудь поблизости от мозга. И значит, вам, дуракам, мало что грозит, поскольку одному Кому известно, есть ли у вас мозги.

Через некоторое время Конан понял, что селяне не дураки, а всего лишь ошеломлены внезапной гибелью злобного речного демона. А также, наверно, сомневались, что с чудовищем можно было покончить без колдовства. Значит, дракон, скорее всего, порожден черным колдовством.

Все это было бы несущественно, за исключением того, что Конан терпеть не мог колдовства и сильно не доверял ему. Для него часть очарования Аргоса заключалась в том, что в этой стране магии почти не знали, не говоря уж о занятиях ею. Выходит, киммериец еще слишком мало знал об Аргосе.

Потребовалось некоторое время, для того чтобы убедить селян позволить ему изучить тело Траттиса. Селяне настаивали, чтобы над жертвой речного демона пробормотал ритуальные слова какой-то деревенский знахарь, а потом труп нужно было сжечь с травами, собранными при лунном затмении седьмым сыном седьмого сына... и еще какая-то подобная чушь. Конан плевать хотел, как селяне поступят с телом наемника, пусть хоть зажарят его для деревенского пира, лишь бы сперва позволили поискать жемчуг.

Примерно к тому времени когда селяне позволили северянину приблизиться к телу, подъехал Эльгиос с двунадесятью стражниками, а за ним на небольшом расстоянии следовали бойцы Конана. Киммериец встретил их на берегу и коротко поведал о приключении в Хороте.

Услышав рассказ, стражники все как один попятались. Все, за исключением Эльгиоса, который не позволил бы деревенщине увидеть, как капитан Воителей выказывает страх. Но Конан заметил, что лицо капитана побледнело, и в приречной тени он потел больше, чем на залитом солнцем мосту. Пальцы аргосида сложил особым знаком, отгоняющим зло. К тому времени когда Эльгиос кое-как совладал со страхом, Конан успел обшарить труп Траттиса. К северянину присоединился десяток его воинов. На этот раз он не выругался, хотя причин для этого было не меньше, чем раньше. Жемчуг исчез столь же окончательно, как и огирские самоцветы. Драгоценности несомненно покоились на дне реки или в лучшем случае в утробе мертвого зверя.

Конан представлял себе, что скажет Эльгиос, если попросить его выудить чудовище со дна Хорота, а потом разрешить Конану порыться в его внутренностях. Но ничего другого из того, что мог предоставить этот человек, он попросить у Эльгиоса не мог.

— Капитан Эльгиос, — обратился Конан. — У вас набрались деньги на наш залог?

— У вас не хватает, о, по меньшей мере двух драхм за каждого, — прикинул Эльгиос.

"Как раз такая сумма, какая прилипнет к твоим рукам", — подумал киммериец. Он пожал плечами:

— Как пожелаете. Но я бы хотел вам напомнить вот о чем. Зверь, которого я убил...

— Это вы так говорите.

— ...которого я убил, — повторил Конан. Его тон лучше всяких слов рассказал о дальнейшей судьбе Эльгиоса, если тот снова в лицо назовет киммерийца лжецом.

— Зверь, которого я убил, — продолжал Конан, — похоже, неплохо порезвился среди ваших здешних прибрежных жителей. Они не забудут моей услуги и не останутся неблагодарными. К тому же я пролил толику своей крови, а один из моих бойцов погиб.

— Погибший был обычным вором, за его голову объявлена награда еще до того, как он присоединился к шайке Карельы! — проворчал Эльгиос.

— Мне об этом ничего не известно, — вежливо ответствовал Конан. Эльгиос, похоже, ведать не ведал о связях с Карелой Рыжей Ястребом самого киммерийца, и казалось самым лучшим и дальше оставить его в неведении.

— Но мне известно-таки, что этот человек был связан со мной клятвой, и я ему пусть кое-чем да обязан. Что вы скажете, если я предложу списать убийство зверя в счет залога, за меня и весь мой отряд?

— Скажу, что вы оскорбляете законы Аргоса, — отрезал Эльгиос. — Они простые, но строгие.

— Так же как и представления селян о справедливости, — заметил Конан. — Они прослышили о том, что нас выгнали взашей, словно нищих, после избавления их от чудовища. Им это не понравится, они станут рассказывать об этом всякому, у кого есть уши. Так что скоро в Аргосе услышат о капитане Эльгиосе и Воителях с Великого Моста. Думаете, вашему Дому придется по вкусу слушать такое?

Жадность и здравый смысл вступили в отчаянную битву, попеременно сменяя друг друга на широком лице капитана Эльгиоса. Наконец он хлопнул ладонью по луке седла. Вид у него был такой, словно он с удовольствием плюнул бы под ноги Конану, но не посмел.

— Отлично, — согласился он наконец. — С деньгами вопрос решен. Но предупреждаю вас: в пределах одного года со дня вашего въезда в Аргос вас вполне могут счесть задолжавшими залог. И могут также запретить заниматься определенными видами работ.

— Как пожелаете, — отозвался Конан. — Но если так, то я попрошу еще кое-что. Любой из моих людей, кто пожелает остаться здесь в деревне, может так и поступить.

Киммериец прекрасно видел, какими взглядами провожают некоторые кондотьеры деревенских бабенок, и знал, что найдутся желающие остаться. А также знал, что если они останутся, то окажутся в хорошем месте для получения любых новостей из Офира и передачи их по Большой Дороге дальше в Аргос.

Эльгиос покачал головой, полусердясь, полу забавляясь:

— Капитан Конан, я думал, что у киммерийцев весь ум в мече. Никак не думал увидеть одного из них торгующимся, как купец на базаре в Шеме!

— Вы сомневались и в том, что киммерийцы моются! — ответил Конан. — Может, мне оставаться и растолковать вам еще что-нибудь насчет моего народа?

Эльгиос по крайней мере обладал умением посмеяться над собой.

— Сомневаюсь, что мое достоинство выдержит подобные уроки. Соберите своих людей, тех, что направляются в Аргос, и приготовьте их, пока мой писец оформит грамоту о залоге.

Конан сделал иранистанский жест уважения, подняв открытую ладонь.

— Слушаюсь и повинуюсь, капитан Эльгиос.

Глава 2

Госпожа Ливия, глава и наследница Дома Дамаос, проснулась с ощущением, что случилась беда.

Она не знала, что именно, и заливавший ее спальню серый свет ничего не показывал ей. Она зарылась под легким стеганым одеялом, пока из-под него не остались видны только глаза, а затем снова обвела быстрым взглядом спальню.

Это было не мелкой задачей. Хозяйская спальня во дворце Дамаос сошла бы за большой зал для жилищ поменьше. Покрытый фресками, изображавшими облака и орлов, потолок поднимался столь же высоко, как мачта рыбачьей лодки. Выходившие в сад окна закрывали ширмы из вендинского тика, инкрустированные не только слоновой костью с Черного Побережья, но и более редкой костью снежных демонов из Ванахейма. Там, где пол не скрывали иранистанские ковры, виднелась сложная мозаика, изображавшая сотнями привлекавших и удерживающих взгляд красок цветы, никогда не произраставшие, и зверей, неизвестных природе.

Ливия предпочла бы уютные удобства комнаты в малом крыле дворца, где она провела свое детство. Вместо того чтобы заставить ее почувствовать себя истинным главой Дома Дамаос, переселение в эту гулкую гробницу спальни только напомнило ей, что она едва ли больше чем ребенок.

— Я должна забыть это, чтобы выполнять свой долг главы нашего Дома, — убеждала она Резу, главного дворецкого, — разве не разумней будет позволить мне остаться там, где я чувствую себя удобно, так, чтоб я могла сохранять самообладание?

— Злые языки примутся болтать, что теряете самообладание, — заверил Реза с фамильярностью старого слуги. — И это лыко поставят вам в строку, наряду с вашей молодостью.

— Мне полных девятнадцать лет, возраст вполне достаточный для главы Дома, — отрезала Ливия.

Реза чуть улыбнулся:

— Но вы ведь только что сказали, сударыня, что вы только-только вышли из детского возраста.

— Ах ты! — выпалила она, пытаясь найти слово, которое шокировало бы Резу. Миг спустя она поняла, что это бесполезно. Иранистанца по рождению, служившего некогда сержантом в турецкой кавалерии, Резу не могло шокировать ни одно слово, каким его могла обозвать благородная дама Аргоса.

В конечном итоге она поступила так, как, по мнению Резы, требовало достоинство Дома Дамаос, и осталась в этой громадной спальне. Она даже спала в постели, служившей ложем ее отцу, хотя и холодновато было там спать одной молодой женщине, в постели, где места хватало для шестерых.

Выглядывая из-под стеганого одеяла, Ливия завершила изучение всего пространства спальни, какое ей позволяли видеть занавески на постели. И как раз пришла к выводу, что ее подозрения были необоснованными, когда ее заставил оцепенеть скрежет металла на мозаике.

Теперь рассвет позволил видеть ей сквозь занавески. В ногах постели стояло большое серебряное зеркало в раме из позолоченной бронзы. И теперь это зеркало двигалось, качаясь и скрежеща, но неуклонно приближаясь к правой стороне постели.

Ливия не могла поверить собственным глазам. Чисто инстинктивно рука ее нырнула под шелковую подушку. Сначала Ливия вытащила оттуда ночную рубашку из светло-желтого льняного полотна, а затем кинжал с крепким толстым турецким лезвием, насыженным на

специально выделанную рукоять.

Только две ее главные горничные знали, что Ливия спала обнаженной, с кинжалом под подушкой. Чего Реза не знал, о том он спросить не мог.

Ливия поднялась. Волосы ее длинными светлыми прядями спадали на плечи. Ливия сжала кинжал в правой руке, левую же обмотала ночной рубашкой. Так ее научил обращаться с оружием один из старых отцовских стражников.

Зеркало продолжало свое неуклонное продвижение. Ливия почувствовала, что ладони у нее становятся скользкими, слизнула пот с верхней губы. Теперь она знала: тут не просто что-то не так. Тут действовала магия.

Зеркало заскрежетало и остановилось. Ливия могла бы поклясться, что оно слегка поклонилось ей. Затем на его серебристую поверхность набежали тени, малиновые, кобальтово-синие и золотые. Тени эти были бесформенными, но они, казалось, настойчиво донимали разум Ливии, приглашая увидеть в них то, чего она сама желала в самой глубине души.

Не принимая никакой формы, тени потянулись из зеркала, словно ключья тумана. Занавески постели приподнялись, убираясь с их пути, словно возносимые сильным ветром. Ливия почувствовала, как кожу ей щекочут капли холодного пота, но воздух в спальне оставался неподвижен.

Магия, вне всякого сомнения! И созданная не каким-либо ее другом или другом Дома. Ливия не могла сказать, откуда ей это известно, но знала она это совершенно определенно.

Как же с ней бороться? Она вспомнила, как ее мачеха однажды ночью бормотала себе под нос, подыпив после выкидыша:

— Столько магии действует благодаря воображению. Если вообразить себе, что никакой магии вообще нет, то, вполне возможно, ее и не будет. Или по крайней мере так можно сильно ослабить ее действие.

Ее мачеха мало что сделала, чтобы ее жизнь или жизнь отца стала счастливее, но родственники этой женщины жили далеко в горах, на самой этой границе с Аквилонией. Тамошние деревенские жители сохранили свои исконные обычаи, куда более древние, чем обычаи царств, притязавших на власть над ними. Их мало волновали дела королей и архонтов и весьма занимали древние знания их знахарок.

На этот раз Ливия увидит, содержалась ли какая-то мудрость в бормотаниях ее мачехи.

Она закрыла глаза и сказала себе, что лежит в постели, находясь между сном и бодрствованием, и что в ее спальне ничего такого не происходит. Этого не происходит. Этого не произойдет...

Какая-то сила, находившаяся ни внутри ни вне ее, а в какой-то мере и там и там, приподняла ей веки. Разноцветные тени плясали у нее перед глазами, ближе и быстрее, чем раньше. Теперь они казались образами, нарисованными у нее в голове, а не перед глазами. Образы ее собственного лица, с остекленевшими глазами и бессильно отвисшей челюстью.

Тяжелая болезнь, может, даже смерть? Нет. Она ощущала покалывание в груди и животе. Хотя Ливия и была еще девственницей, она знала, что это означало.

Тени-образы показывали ее саму, утолившую страсть словно какое-то животное. Страсть, которую колдун и стремился сейчас заставить ее почувствовать. Страсть, которая, как он надеялся, дезорганизует ее рассудок и оставит ее ослабевшей для его следующей атаки.

Ливия не могла больше закрыть глаза, но тем не менее боролась с навязчивым образом. Вопреки желанию она вызвала перед мысленным взором картины пустой спальни — где двигалась только кружившаяся пыль — в огне от пола до потолка, и даже затопленной грязной водой из Хорота, хотя, чтобы затопить стоявший на холме дворец Дамаос, потребовалось бы наводнение не меньшее, чем погубившее Атлантиду.

Желание ни покидало ее, ни овладевало ею. Ей приходилось бороться с ним, но она могла это сделать. Способная теперь владеть своими руками и ногами, она слезла с постели и сделала два быстрых шага по богатому вендинскому ковру. Глубокий ворс окутал пальцы ступни успокаивающим теплом.

Ливия так никогда и не смогла бы сказать наверняка, сколько продолжалась эта битва. Она знала лишь, что серый рассвет превратился в розовый восход, когда тени внезапно покинули ее. Они исчезли словно дым, который так напоминали. Она пошатнулась и упала бы на ковер, если бы не схватилась свободной рукой за столбик кровати.

А затем снова закачалась, когда из глубины дома раздался взрыв криков и воплей. Ливия оттолкнулась от столбика кровати. Она сделала три неуверенных шага к двери, когда та распахнулась. В нее ворвались две горничные Ливии и растянулись на полу с задравшимися до коленей юбками.

Вслед за ними вкатилась тележка, на которой они везли завтрак. Никто даже пальцем до нее не дотронулся, однако тележка подкатилась к горничным, а затем проехала по ним. Катясь по извивающимся телам, тележка накренилась, надущенная травами горячая вода пролилась с подноса. Одна из горничных завизжала.

Тот же охранник, который научил Ливию орудовать ножом, научил ее также кое-чему по части боев: "Когда надвигается кто-то или что-то неизвестное, то первое, что надо сделать, — это остановить его. Тогда, может, и сумеешь догадаться, что же это такое".

Ливия кинулась к тележке, бросив против нее весь свой вес и силу. Женщина она была не малорослая, а благодаря частой верховой езде и плаванию к тому же не слабая.

Тележка задрожала и, казалось, сопротивляется ей. Ливия толкнула сильнее. Тележка задрожала еще сильней, а затем в один миг развалилась на кусочки. Завтрак Ливии пролился на горничных, которые снова завизжали и вскочили на ноги, хлопая себя по обваренным местам.

Ливия схватила ближайшую к ней горничную за руку.

— Что с вами, мозги куриные? — закричала она.

Горничная онемело уставилась на госпожу. Ливия занесла руку влепить ей оплеуху. Тут выскоцила вперед другая горничная:

— Госпожа. Вы не одеты!

— Да забери одежду тролли! — закричала Ливия. — Неужели магия поразила всех в этом доме немотой и тупоумием?

Горничная слегкнула:

— Значит, вы знаете?..

— Я боролась в этой спальне с магией с предрассветных часов. Звать кого-то я смогла лишь за несколько мгновений до того, как ворвались вы. Что происходит?

Вопрос этот могли бы услышать и вахтенные на борту кораблей в море. Ливия прожигала взглядом горничных, которые в ответ смотрели на нее разинув рты, словно дохлые рыбы; и тогда она повернулась к двери.

На ковры упала длинная широкая тень, и вошел Реза. Не выдав ни малейшим движением мускулов лица, что он осознает наготу госпожи, он вытянулся во весь рост, а затем свел ладони вместе:

— Госпожа Ливия! На этот дом и находящиеся в нем предметы навели чары. Некоторые из них были изменены внешне, а другие и внутренне с целью причинить вред неосторожному.

— Сколько пострадавших?

— Немного, и никому из них врачи, по всей вероятности, не понадобится. Страху эти чары нагнали немалого, и дом совершенно непригоден для приема гостей, но хуже этого мало что случалось.

Ливия обессиленно вздохнула. Потом, шатаясь, дошла до постели и села, закрыв лицо руками.

Казалось, прошла целая вечность, пока Ливия освободилась от накатившего оцепенения. И увидела, что рядом стоит Реза. А также осознала, что все еще оставалась нагой. Она щелкнула пальцами, подзывая горничных:

— Ночную рубашку и халат, живо!

Те, казалось, были в состоянии повиноваться. Пока они шарили в сундуках с платьями, она снова повернулась выслушать Резу.

— Я распорядился, чтобы раненых уложили в постели над старой конюшней. Земли, похоже, не пострадали, и поэтому я приказал подручным садовника помочь вынести поврежденное добро. На кухне некоторый беспорядок, но из еды, кажется, ничего не пропало и не испорчено. Если можно будет убедить поваров снова приступить к работе, то мы будем в состоянии принять госпожу Дорис из Дома Лохри и ее сына.

— Боги милостивые! — воскликнула Ливия. — Я же совершенно забыла про госпожу Дорис и господина Арфоса.

Лицо Резы красноречиво говорило и о том, чего он никогда бы не выразил словами: что он желал бы, чтобы они могли забыть про госпожу Дорис и ее неоперившегося сынка. Такое счастье Дому Дамаос не светило. Как самая богатая незамужняя женщина в Аргосе, Ливия также являлась самым лучшим брачным призом. С тех пор как годом раньше она стала совершеннолетней, уже едва хватало пальцев обеих рук для перечисления женихов или метящих в женихи.

Нескладный, прыщавый Арфос был всего лишь самым последним из них. Однако, в отличие от некоторых других, он явился с грозным союзником — своей матерью, госпожой Дорис. Арфос-то, может, и промолчит, если Ливия сегодня не примет его. А вот его мать — другое дело.

Она не только не промолчит, а будет задавать вопросы. И если не найдет ответов честными средствами, то не сочтет ниже своего достоинства прибегнуть к нечестным. Ливия ни чуточки не сомневалась, что Дорис сможет найти сходную цену для приличного числа ее слуг, наверно даже для всех, кроме Резы.

Поэтому выбор был прост. Принять госпожу Дорис и ее сына так, словно у них все хорошо. Отменить прием и сказать им правду или отменить прием и рассказать им какую-нибудь байку, которая через месяц наверняка будет разоблачена как явная ложь.

О последнем не приходилось и думать. Если она не примет их, госпожа Дорис ни за что не поверит, что магическая атака была сущей мелочью.

Не оставалось ничего, кроме как проводить встречу как договаривались. Если гости проявят любопытство, то госпожа Дорис, может, даже посоветует что-нибудь дельное. Никто в Аргосе никогда не называл ее глупой, хотя многие говорили, что ее единственный сын не унаследовал ума своей матери.

Она, конечно, ничего не станет советовать, не попросив за это определенную цену. Возможно, даже соглашение о помолвке, которую нельзя будет разорвать без уплаты большого количества золота и без еще большего скандала, чем из-за этой магии.

Ливия внезапно похолодела, вспоминая, что помолвка даст также Арфосу и постельные права. Холодок этот живо прошел, когда она вспомнила про желание, вызванное у нее чарами колдуна. Сможет ли она разделить ложе с мужчиной, с мужем, который не мог пробудить такого желания, — а затем удовлетворить его?

И сможет ли она быть готовой к приему госпожи Дорис и Арфоса, если и дальше будет тратить время, беспокоясь из-за того, с чем ничего нельзя поделать? Ливия посмотрела на тени на коврах и устало покачала головой:

— Реза, а моей ванной можно воспользоваться?

— Если вы оденетесь, сударыня, я вызову кого-нибудь и пошлю узнать.

— Отлично. — Ливия хлопнула в ладоши, а затем натянула поданную ей горничными длиннополую рубашку.

Госпожу Дорис и ее сына ожидали примерно в пятом часу. Благодаря тому что все в доме работали как галерные рабы, дворец Дамаос находился к тому времени в приличном состоянии; что с ним что-то не так, мог бы определить любой туриста, но он больше не выглядел так, словно в нем разбила на ночь свой стан шайка казаков.

Стоявшая в тени портика Ливия знала, что она многим обязана своей челяди. Забыв свой страх, слуги заняли свои посты, словно солдаты. Даже горничные Ливии так упорно трудились, приводя в порядок ее покой, что ей пришлось напомнить им, чтобы они сменили свои испачканные платья. А Реза — ну, для него у нее не хватало ни слов, ни наград.

Ливия подняла руку пригладить выбившийся завиток волос. Ее волосы, не уложенные на заре, теперь поднимались над головой на ширину двух ладоней, расчесанные до высшего блеска и удерживаемые крупными жемчугами и золотыми гребешками ее матери. Она надела платье из тончайшего голубого кхитайского шелка, с оттенком под цвет ее глаз, а на шее у нее сверкало рубиновое ожерелье Дома Дамаос, с висящей посередине Тайной Звездой величиной с детский кулечек.

Будет совсем не вредно напомнить госпоже Дорис, что Дом Дамаос не нуждался ни в каком союзе с ее Домом, равно как и с любым другим. Если бы она наотрез отказалась выходить замуж, то это не привело бы ни к каким последствиям, за исключением необходимости жить целомудренной жизнью. Такая жизнь будет не самой лучшей, так как она помнила сотрясавшее ее желание, но все лучше, чем зависеть от прихоти мужчины вроде Арфоса.

У подножия холма заиграла труба, а затем вторая. Им ответил рог привратника. После небольшого интервала, труба заиграла вновь. Казалось, звук ничуть не приблизился. Ливия чуть склонила голову набок и подумала, что расслышала крики, наверно проклятия, и уж определенно рев ослов и мычание коров.

Она прочла короткую лукавую молитву, чтобы госпожа Дорис до ночи застяла среди направляющихся на рынок селян, а затем позвонила, вызывая Резу.

— Все готово?

— Все, чего могут просить боги или люди, сударыня.

— Ах, но будет ли этого достаточно для госпожи Дорис? Она ведь не просто человек, и я иногда гадаю, какое уважение она воздает богам.

Лицо Резы выразило красноречивое неодобрение такому легкомыслию.

— Прости меня, Реза. Ты знаешь, что я больше дочь своего отца, чем своей матери.

— Они оба сделали вас тем, что у них получилось. — Благослови тебя боги за добрые слова, Реза, и — о Митра, вот они!

Через ворота проходил самый настоящий караван — четверо конных воинов, два паланкина, каждый из которых несло восемь рабов, четверо пеших слуг и еще четверо конных стражей, замыкающих шествие с тыла.

— А конюху сказали изучить лошадей, пока он кормит и поит их, не так ли? — настойчиво спросила Ливия. Узнай она, ездили ли охранники госпожи Дорис на своих лошадях или на взятых в наем и хорошо или плохо накормлены их собственные лошади, — это сказало бы ей о многом. То, что Дом Лохри клонился к упадку, не составляло тайны. Но вот насколько быстро происходил этот упадок и насколько далеко зашло дело, еще требовалось узнать, и лошади могли бы кое-что подсказать.

— Это был первый приказ, который вы отдали конюху, госпожа, — успокаивающе сказал

Реза.

Ливия хоть убей не могла припомнить, чтобы отдавала какой-то приказ. Она подозревала, что Реза сам отдал его, но если и так, его выполняют, словно он исходил от нее или и впрямь от самих богов.

Колдуны могли нагнать страху на ее слуг и устроить беспорядок в ее доме. Но людям пока неведомы чары, способные заставить кого-либо из дома Дамаос не подчиниться главному дворецкому.

Караван теперь двигался по извилистой дорожке к портику. Реза поднял руку, и с крыши подала свой сереброштанный голос еще одна труба. Лошади начали нервно прядать ушами и гарцевать, а всадники выглядели обеспокоенными.

Когда помощники конюха выбежали заняться лошадьми гостей, носильщики остановились и опустили свою ношу на землю. Первой выбралась госпожа Дорис. По закону главой Дома Лохри являлся ее сын, но госпожа Дорис мало считалась с законами и еще меньше — со злыми языками. Ее собственный язык был таким острым оружием, что даже те, кто называл себя другом юного Арфоса, не смели заикнуться бы о его правах, чтобы им не содрали заживо кожу, подобно разбойникам на Шелковом Пути в Кхитай.

Следующим на землю сошел Арфос. Как всегда, у него был такой вид, словно он, того и гляди, шмякнется ничком в пыль. Как всегда, он уберегся от этого недостойного падения. На этот раз, увидела Ливия, он сделал это не цепляясь за верх носилок, как утопающий за бревно. Он был, как всегда, коротко подстрижен, хотя такая прическа не шла к его длинному лицу, но туника, плащи и сапоги у него были не только новыми, но и почти в тон.

— Благословение нашего Дома вашему, госпожа Дорис, — церемонно поздоровалась Ливия.

Госпожа Дорис, припомнив о хороших манерах, неторопливо отвела взгляд от статуй за дорожкой, а затем поднялась на портик к Ливии. Ростом она уступала Ливии, но была довольно-таки полнее в бедрах и груди. В молодости она считалась одной из первых красавиц Аргоса, и даже теперь в ее иссиня-черных волосах не проглядывало ни одной седой нити.

Арфос подошел к двум женщинам, до такой степени не сводя глаз с Ливии, что чуть не споткнулся. Матери пришлось напомнить ему, что надо ответить на приветствие хозяйки. Ливия ненадолго отвернулась, неуверенная, что ей понадобится скрывать — слезы или улыбку. Мужчина из Арфоса был неважный, но никто не заслуживал пребывания под каблуком у госпожи Дорис, как пребывал там он!

— Я вижу, у вас есть одна из новых отливок "Бегуна" Полиэмиуса, — заметила госпожа Дорис. — Прекрасная работа для тех, кому по вкусу такие вещи.

Пальцы Ливии не совсем чтобы скрючились в когти. С тех пор как умер отец, ни одна встреча с госпожой Дорис не обходилась без какого-нибудь такого резкого замечания со стороны старшей женщины. Воистину Дом Дамаос владел одной из самых старых отливок шедевра Полиэмиуса, если вообще не оригиналом. Но госпожа Дорис предпочла бы скорее оказаться на дыбе, чем признать это, поскольку ее-то дом вот уж несколько лет был не в состоянии приобрести даже отливку менее известной статуи Полиэмиуса.

— О вкусах и многом другом мы можем побеседовать более неспешно и с большими удобствами в доме. И если на виду остался хоть один осколок фарфора, то да помилуют слуг боги, потому что Реза уж точно не помилует! Она подала руку Арфосу:

— Идемте, сударь. У нас есть вино нового урожая из Немедии, о котором мне бы очень хотелось узнать ваше мнение.

Пил-то Арфос мало, но должна же она была что-то сказать этому бедному шуту гороховому. Наградой ей была слабая улыбка Арфоса и широко раскрывшиеся глаза госпожи Дорис, когда

Арфос взял предложенную ему руку Ливии.

Глаза у госпожи Дорис нисколько не сузились и когда они проходили через потрепанный дворец. Ливия положилась на суждение Резы и руки слуг и не делала никаких усилий провести гостей через непострадавшие комнаты. Госпожа Дорис слишком часто здесь бывала, чтобы такое поведение не вызвало у нее подозрений.

Розовые Покой были настолько чисты, насколько требовалось, и устремлявшаяся спиралью к отверстию в центре потолка ползучая роза распустилась прошлой ночью пышными соцветиями. Их тонкий аромат без большого успеха боролся с терпким ароматом заморских духов госпожи Дорис.

Слуги принесли подносы с фруктами и печеньем и большим кувшином охлажденного в снегу немедийского вина. Ливия как раз взяла кувшин, но вдруг замерла, держа сосуд на расстоянии вытянутой руки.

У кромки охлаждающего сосуда отсутствовал кусок величиной с детскую ладонь. Один из кухонных слуг это проглядел, и даже Реза не мог быть везде.

А раз так, то Ливия поклялась не поднимать скандала. Но ее остановка привлекла взгляд госпожи Дорис.

— Ваши слуги, похоже, менее вышколены, чем я их помню, — сказала старшая женщина. — Неужели неудача с подысканием хороших слуг одолела наконец даже Дом Дамаос?

Судя по ее лицу и голосу, она казалась готовой станцевать на столе, если это так. Ответ же самой Ливии был столь же прохладным, как горные снега:

— Нет. Всего лишь ряд несчастных случаев, которые могли произойти с кем угодно, пока мы готовили дом к вашему приему.

— Я б сказал довольно-таки много несчастных случаев, — вставил Арфос. — Я видел, где прибрали, — прибрали-то отлично, но тем не менее...

Он оборвал фразу, когда Ливия позволила сорваться со своих уст одному словечку, которое дамам ее звания и положения и знать не полагалось, а затем нервно рассмеялся:

— Извините, Ливия. Если это нечто, о чем вы предпочитаете не говорить...

— Ничего позорного тут нет, — улыбаясь, успокоила его она. Это было самым умным, что она услышала от него за много лет, и теперь он действительно оправдывался перед ней — без побуждения со стороны матери и, судя по выражению ее лица, возможно, и без ее одобрения!

— Тогда сделайте одолжение, давайте поговорим об этом, — живо предложила госпожа Дорис. — Мы, представители архонтских домов, должны вместе противостоять глупости, а то наши дворцы рухнут нам прямо на головы.

Если бестолковые слуги когда-нибудь погребут госпожу Дорис под обломками дворца Лохри, то Ливия призовет устроить в тот день общественный праздник. Но поскольку эта женщина была жива и к тому же гостьей под ее крышей, она оставила эту мысль при себе.

Они проболтали, перебрав утомительную вереницу рассказов об уроненных вазах, подгоревших блюдах и пролитыхочных горшках.

— Хотелось бы мне знать, не замешана ли как-то во всем этом магия, чары, наведенные с целью затуманить рассудок нашим слугам? — заключила Дорис.

К счастью, сказала она это, повернувшись взять себе еще винограда, и потому не увидела, как вздрогнула Ливия. С усилием овладев своим голосом, младшая из женщин переспросила:

— Магия? С таким же успехом можно обвинить и атлантов!

— Магия была изгнана из Аргоса не так уж и давно, — ответила Дорис. — И когда я два дня назад ужинала у господина Акимоса, то случайно услышала, как Четвертый Архонт говорит, что он не хотел бы тратить народные деньги на наем ведьмоискателей.

— Кто? Господин Акимос или архонт?

— Архонт конечно. Хотя теперь, когда я вспоминаю об этом, кажется, господин Акимос придерживался того же мнения. Он явился в дом с таким видом, словно очень устал и приуныл, но...

К тому времени, когда госпожа Дорис закончила перечислять, что носил, ел и говорил каждый из гостей, Ливия уже откровенно ерзала, а Арфос сидел с таким видом, словно и он заерзал бы, если б посмел. Ливия снова улыбнулась ему, и он рискнул ответить ей тем же.

— Хотел бы я знать, а правы ли архонт с господином Акимосом, — сказал Арфос. — Был ведь и тот речной дракон, которого убили несколько дней назад у Великого Моста через Хорот. Рыбаки потеряли из-за чего-то десяток женщин и детей, но никто и не представлял, что это из-за речного дракона, первого увиденного на Хороте за целый век, или так во всяком случае я слышал.

— Невозможно услышать правду на попойке с капитанами воителей, — резко сказала госпожа Дорис.

— Но, мать, они определенно говорили так, словно это произошло. Зверя убил один капитан вольных мечей. Он нырнул в реку после того, как один из его людей упал с моста, и застал зверя пожирающим...

— Не забывай, что ты находишься за столом с дамой, Арфос, — прервала госпожа Дорис. — Вспомни, чему я тебя учила насчет того, о чем тут можно говорить.

У Ливии возникло сильное искушение снова употребить то неподобающее dame слово или даже несколько таких. Если госпожа Дорис онемеет от шока, то, возможно, Арфос снова обретет дар речи.

А возможно, и рак свиснет. А еще более вероятно, госпожа Дорис оправится, вновь обретя способность и говорить, и соображать, и станет гадать, почему это Ливия проявляет такое любопытство к этой истории с речным драконом.

Век назад было то время, когда магию выбросили из Аргоса, или так во всяком случае утверждали свитки. Век как без магии, так и без речных драконов, а теперь на протяжении нескольких дней в ее доме устроили беспорядок с помощью магии, а по Хороту шнырял речной дракон.

Она не станет терять зря дыхание, молясь о том, чтобы это оказалось всего лишь совпадением, вместо этого она поговорит с Резой. Тому редко требовалось покупать себе выпивку в одной из нескольких таверн, но если он это сделает, то иные языки могут развязаться. Наверно, он даже сможет поговорить с тем капитаном вольных мечей.

Ливия снова переключила свои мысли на гостей. Для госпожи Дорис-то хватило бы и половины ее внимания, но игнорировать бедного Арфоса было б все равно что пинать щенка.

Глава 3

Есть в Хайбории страны и пожарче, чем Аргос. А воздух на вершинах бывает и поразряженнее, чем тот, которым человек дышал на склонах Рабиийских гор. Попадается работа и тяжелее, чем рубить лес в этих горах.

В свое время Конан вынес все три подобных испытания, и вдобавок еще закованным в рабские кандалы. Но никогда не выпадали на долю киммерийца сразу три неприятности одновременно. Тем более тогда, когда ему требовалось возглавлять отряд бойцов или спасаться от погони.

Заработать дополнительные две драхмы залога представляло для Конана немалую трудность. За исключением горстки бойцов, оставшихся в деревне на Хороте, киммериец желал, чтобы парни держались вместе.

Он знал это выражение в глазах слишком многих аргосийцев; если хоть один из отряда попадет в беду, из-за этого пострадают все. Чем больше их находилось у него на глазах, тем меньше хлопот они создадут. Так во всяком случае считал Конан.

Он понял, что немногие аргосийцы найдут целый отряд вольных мечей. Мало у кого имелось столько золота, и еще меньшее число имело работу, которая требовала стольких свежих рук и продолжалась бы достаточно долго, чтобы позволить воинам заработать на свой залог.

День проходил за днем, а никакой работы на было. Но зато были капитаны Воителей (и не только Эльгиос), которые намекали, какой будет судьба отряда, если он вскоре не найдет работы.

— Для начала ты теряешь собственное серебро, — сказал Конану однажды вечером один такой капитан, за вином лишь немногим лучше уксуса. — А потом не придется долго ждать, прежде чем мы попросим вас сделать милость вернуться туда, откуда пришли.

Вернуться через границу Аргоса, в Офир, в пограничье, где бивачные костры воинов Искандриана сверкали теперь с вершин холмов в пределах видимости с Хорота. На этот раз Конану и его воинам не избежать обнаружения, даже если аргосийцы не станут любезно предупреждать офицеров об их приходе! Повидав теперь аргосийцев, Конан не доверил бы ни одному из них охранять честь своей сестры, если ему предложат продать ее в таверну по сходной цене.

— А если мы предпочитаем не умирать в Офире?

— Значит, вы предпочтете сделать то же в Аргосе, капитан Конан. Скольким Воителям вы можете дать бой?

— Гораздо большему числу, чем вы, похоже, думаете, если у вас хватит глупости навязать нам бой!

— А, но глупость-то эта будет тогда не наша. Или по крайней мере она будет разделена между нами. Что скажут об этом боги, я предоставлю узнать тебе. Ты, по всей вероятности, встретишься с ними раньше меня.

Конан боролся с желанием доказать, что по крайней мере в этом Воитель лжет, сломав ему шею на месте. Но если он это сделает, то больше двунадесяти воинов, присягнувших киммерийцу, умрут от медленного повешения или еще более медленного сажания на кол. У него лишь дернулись спазматически руки.

— Мы вместе выпили, киммериец, — продолжал Воитель. — И поэтому я могу оказать тебе услугу.

— На услугах аргосийцев быстро похудеешь, — проворчал Конан.

— Только не на этой, по-моему. Если твои ребята достаточно крепкие для трудной работы, то ищите ее в Рабийских горах.

— Что за работа?

— Добывать руду, ломать камень, подновлять дороги, валить лес, кто знает? Все меняется в зависимости от времени года, равно как от капризов купцов.

Этому-то Конан мог поверить. Его опыт знакомства с купцами привел его к убеждению, что по части капризов они могли потягаться за честь с самими богами. Что же касается остального — это имело столько же смысла, сколько все слышанное им в Аргосе.

Поэтому он купил еще вина и поблагодарил капитана, а на следующий день стал добиваться и получил право забрать своих людей в горы. Они ворчали и ругались, а двое дезертировали, но остальные по-прежнему оставались с ним, когда северный горизонт пронзили зазубренные пики, а по долам зазвучало эхо от тюкающих топоров.

Господин Акимос с кряхтением повернулся, тщетно пытаясь облегчить боль в спине и ягодицах. Он также распустил ремешок кавалерийского плаща, который, казалось, так и норовил спилить ему голову с плеч.

Ничто не могло изменить того факта, что он был слишком стар, чтобы вообще ездить по этим горам, не говоря уж о том, чтобы проделывать это надев на себя личину. Более того, не просто личину, а личину, которая требовала, чтобы он ездил с небольшим эскортом на лошадях, приобретенных у скупщиков кляч.

У него, однако, не было выбора. Если б поднялся шум вокруг того, что он поехал на север поговорить с драконобойцом, то эта новость дойдет до ушей Скирона скорее раньше, чем позже.

Тогда он может быстро оказаться в еще худшем положении, чем прежде. Скирон вполне мог повергнуть драконобойца в поединке чар. И даже если он потерпит поражение, у Акимоса по-прежнему будет только один колдун и он будет зависеть от милости этого человека, вместо того чтобы, имея двух, разыграть их мощь друг против друга.

Он натянул поводья и поднял руку, делая знак ехавшим за ним:

— Пора дать лошадям передохнуть. И, ради Митры, передайте мне флягу.

Вино, выпитое в количестве достаточном, чтобы притупить боль, опрокинуло бы его с коня. Но глоток-другой обмоют навязший у него в зубах песок и напомнят ему о мире за пределами этих гор.

Поднеся флягу ко рту, Акимос услыхал принесенный ветром звук тюкающих топоров. Затем вдруг тюканье сменилось гневными криками. Он сунул флягу за пояс и пришпорил коня. Они зашокали копытами, подымаясь по тропе, и охранники на скаку обнажали мечи и надевали тетивы на луки.

Конан не нуждался ни в каком предупреждении Талуфа-шемита, что близнецы дошли до точки. Он уже не один день наблюдал за ними, так же пристально, как и маленький мастер драться на ножах, которого он сделал своим сержантом.

Поэтому когда он услышал гневный крик Джаренза, то сразу обернулся. Когда он увидел этого юнца прыгающим на одной ноге держась обеими руками за окровавленную стопу и ругаясь, то двинулся вниз по склону. А когда увидел, что приближаются охранники, то бросился бегом.

Талуф бежал не отставая от него ни на шаг, но он кой-чему научился за те немногие дни, что пробыл сержантом: его нож все еще оставался в ножнах. Киммериец и шемит добрались до упавшего сверху дерева в тот же миг, когда брат Джаренза, Вандар, добрался до него снизу.

Охранники стремительно обернулись. Один поднял дубину, а другой — короткий кнут. Кнут рассек воздух на расстоянии вытянутой руки перед носом Вандара.

— А ну за работу! — прорычал охранник. — Мы сами позаботимся о твоем брате.

— Как позабочились о веревке, такой же гнилой, как пища в столовой? — выкрикнул Вандар. Его голос чуть не прервался от ярости, он шагнул вперед.

Кнут снова щелкнул, на этот раз огрев его по плечу. Вандар издал гортанный звериный рык и бросился на охранника.

Он так и не завершил своего броска. Когда он его начал, между ними нырнул Талуф, кинувшись под ноги Вандару. Высокий юноша растянулся на земле. Охранник поднял кнут огреть Вандара по спине.

Кнут так и не обрушился. Через плечо охранника метнулась длинная рука киммерийца, ловя кнут на лету. Быстрый выверт, и язык кнута обмотал массивную руку киммерийца.

Охранник быстро обернулся, и сапог Конана зацепил его ногу за голень. Он продолжал крутиться, потеряв равновесие, и грохнулся наземь, тогда как кнут остался болтаться на руке Конана.

— Я верну его тебе, когда ты научишься не применять его против свободных людей, — пообещал Конан.

— А кто сказал, что вы, обезьяны, свободны? — осведомился охранник с дубинкой. Он все еще стоял подняв дубинку, но отступил от боя на расстояние, которое он явно считал безопасным.

— Это было записано в свитке-обязательстве, — начал было Конан.

— Что? Ты умеешь читать? Киммериец, умеющий читать, такая же шутка, как и летающая корова! Сегодняшний день полон — ииих!

Конан поднял одной рукой охранника над землей, в то время как другой вырвал из его обмякшей руки дубинку.

— Сегодняшний день будет для тебя полон сломанных костей и недостающих зубов, если ты не укоротишь свой язык. Позови своего командира. Я переговорю с ним об этом деле, и сейчас же!

Охранник едва ли мог удалиться быстрее, даже если бы им выстрелили из осадной машины. Кнутобой поднялся, посмотрел на свой кнут, а затем поглядел на Талуфа. Шемит стоял положив руку на рукоять кинжала. У Вандара оружия не было, но его лицо обратило бы в бегство и демонов.

Конан ткнул большим пальцем через плечо в сторону низины:

— Сходи за лекарем. Если он слишком пьян, чтобы лезть на гору, принеси его мази и повязки сам. Я в свое время залечил несколько ран.

— Ты. — Конан натянул кнут между двух рук, его мускулы сократились, и прочная кожа разорвалась словно нитка. — Иди, или следующая рана, которой я займусь после раны Джаренза, будет твоей.

Охранник счел благоразумным повиноваться, хотя отбыл он совсем не так резво, как его товарищ Конан повернулся к Джарензу:

— А теперь давай посмотрим твою ногу.

— Спасибо, капитан. Спасибо, — запинаясь проговорил юноша. — Я никогда не смогу отблагодарить тебя...

— Нет, сможешь, — предрек Конан. — Отблагодари меня держа язык за зубами, когда сюда поднимется капитан. Если дело решится между нами двумя, мы, возможно, закончим этот день без новой драки.

— Да, капитан. Конечно, капитан. Я буду нем как...

— Начни тотчас же.

Рот у Джаренза открылся, однако юноша не проронил ни слова. Талуф и Вандар рассмеялись.

Конан пожелал, чтоб и он смог найти какой-то повод для смеха: судя по движению ниже по склону, капитан охранников уже поднимался, и с конным эскортом.

Поднимаясь на лошади по склону, Акимос слышал пение труб и стук барабанов. Мимо пробежали охранники с дубинками и короткими мечами в руках, обходя Акимоса так, словно тот ехал на черепахе.

Охранники исчезли за поворотом тропы, где их приветствовали новые крики. Акимос чуть не пришпорил коня, да вспомнил, в каком тот состоянии. Проклятье, в следующий раз для вылазки нужно оседлать самого резвого скакуна!

За поворотом лежала поляна, недавно очищенная от леса. Куча обезсученных бревен лежала готовая к скату в реку и сплаву по течению. На этой куче стоял великан. По его широченным плечам разметалась грива спутанных черных волос. Огромные руки так и плясали, подавая знаки, сигналившие шнырявшим кругом оборванцам с топорами и кувалдами.

Акимос не служил ни Воителем, ни охранником каравана, ни тем более кондотьером, но он видел в действии всех троих. И он понял, что видит боевого капитана, готовящего своих людей к сражению.

Лагерные охранники наверняка это тоже понимали. Они крепко сжимали в руках оружие. Но даже лучники, которым опасность угрожала в меньшей степени, побледнели и покрылись потом. Все держались на почтительном расстоянии, даже капитан. Этот деятель повернулся к Акимосу:

— Господин...

— Ш-ш-ш! Придержи язык, дурак!

— Тогда советик. Лучше держитесь подальше. Этот сумасшедший киммериец и его люди избили двух моих охранников. И отказываются отдать себя в руки правосудия.

Посмотрев на людей, при помощи которых капитан заботился о соблюдении этого правосудия, Акимос обнаружил, что его симпатии на стороне киммерийца. Да и представлениям капитана о правосудии он тоже не стал бы доверять.

В памяти у Акимоса что-то замерцало, а потом запыпало ярким светом. Не говорилось ли про драконобойца, что тот, похоже, родом из Киммерии?

— Эй, капитан, — позвал Акимос. — Я советник господина Акимоса. Он ищет колдуна, убившего дракона у Великого Моста через Хорот. Вы не знаете, где его можно найти?

На лице киммерийца промелькнуло нечто могшее быть весельем, но голубые глаза оставались такими же холодными, как северное небо.

— Возможно. Если б я знал, то, возможно, даже сказал бы вам, если бы вы сделали это стоящим потраченного мной времени.

Акимос с усилием сохранил серьезное лицо. Капитан охранников выглядел находящимся на грани припадка.

— Сколько для этого потребуется? — спросил Акимос. — Мой хозяин знает цену сведениям. А также знает цену драхмы.

— Сколько драхм потребуется для оплаты штрафов моих людей?

Акимос вопросительно посмотрел на капитана охранников. Тот пожал плечами:

— Это зависит от суждения торговца лесом и вреда, причиненного охранникам.

— И сколько нам надо ждать этого?

— Больше чем считанные дни, меньше чем месяц.

— А я тем временем должен вернуться к господину Акимосу и объяснять ему, почему я не смог найти колдуна?

Если б капитан тут же на месте рухнул замертво, Акимос не удивился бы. Он начинал

находить это забавным. Торговля была у него в крови, этим искусством он овладел настолько хорошо, что мог бы заниматься им с равным успехом и в тюрьме, и на борту корабля, или здесь, где в северный горизонт вонзались горные пики.

— Нет, то есть я могу назвать цену. Но если мой хозяин не сочтет ее достаточной...

— Мой хозяин ему доплатит. На самом-то деле он уже договорился с твоим хозяином предоставить мне судить в подобных делах самому.

Теперь лицо капитана выражало не столько страх, сколько жадность. Акимос спешился и хлопнул его по плечу:

— Брось, дружище. Наши хозяева уже договорились. Так зачем нам ссориться?

Капитан с лязгом захлопнул рот, а затем дернул головой:

— Совершенно незачем, если у вас есть сто драхм.

— Сто! — Голос у Акимоса сделался визгливым, как у свежевыхолощенного поросенка. —

Да мой хозяин выпустит мне кровь, если ему придется заплатить больше шестидесяти.

— Мой тоже выпустит мне кровь, если его охранники побегут, потому что их не защищает правосудие!

— Сто драхм — это не правосудие для двух пострадавших охранников. Это выкуп за кронпринца Аквилонии!

— Ну, возможно, семьдесят...

Акимос отвернулся туда, где его улыбку мог увидеть только его конь. Этот человек согласился поторговаться. Пусть же теперь узнает, что значит торговаться с торговым магнатом Аргоса!

Конан следил за торгом с плохо скрытым весельем. А Талуф так даже не трудился его скрыть. Остальные бойцы отряда не сводили глаз с охранников. Если дойдет до боя, луки охранников весьма помогут им компенсировать недостаток в численности, по крайней мере пока не падут лучники.

Конан не особо жаждал боя. Будь он один, он бы уже давно перебирался через горы. В той стороне лежали и Зингара и Аквилония, и ни та, ни другая страна не поднимали такого шума, как аргосийцы, по поводу того, откуда взялся человек, хорошо владевший мечом.

Но более двунадесяти связанных с ним присягой людей были слишком большой группой и для того, чтобы бросить их тут, и для того, чтобы вести через горы. Он должен устроить их судьбу здесь, в Аргосе, и, возможно, всего лишь возможно, боги послали ему способ в лице этого господина Акимоса. (Если этот человек агент магната, а не сам магнат, то он, Конан, верховный жрец Сэта!)

Наконец капитан охранников крякнул и кивнул:

— Я приму это предложение. Но если твой господин откажется от него, то вам лучше бежать, спасаясь от меня, в дебри Пиктов!

— Да не бойся, — ответил купец. — Я слишком стар и толст, чтобы оставлять службу у моего господина. То, что я сказал тебе, — чистая правда.

Конан ждал, сложив руки на груди, покуда драхмы переходили из рук в руки. Когда купец поднялся по пням к нему, киммериец протянул ему вместо приветствия раскрытую ладонь.

— И так, капитан, надеюсь мое — хозяйское золото — купило мне что-то стоящее.

Конан усмехнулся:

— Вы поверите, что я и есть тот драконобоец?

Удивление купца было очевидным.

— Ты колдун?

Теперь настала очередь Конана проявлять удивление, но он старательно скрыл его. Какая

тут затевалась игра, что магнату Акимосу понадобился колдун? То, что те были в Аргосе редкостью, являлось тем немногим хорошим, чего киммериец узнал об этой стране! Лучше всего сказать что-то звучащее внушительно, независимо от того, правда это или нет.

— Я обладаю кое-какой небольшой властью над оружием, — заявил Конан. — Не могу сказать, помогло ли мне это в схватке с драконом или нет. Я определенно слышал, что эти твари магические, так что те силы не могли принести дракону ничего хорошего, а мне — никакого вреда.

— Безусловно, — согласился человек в плаще. Он огляделся по сторонам, проверяя, нет ли кого в пределах слышимости.

— Капитан...

— Конан.

— А, тот самый, который командовал кондотьерами в Офире?

— Похоже, у твоего господина везде есть шпионы.

— Он может себе это позволить, а знание может принести еще больше богатства. И это верно не только для купцов. Это может быть верным и для тебя тоже.

— Какое знание?

— Твоя магия.

— Моя... — Конан закрыл рот, решив, что услышанное им было и в самом деле тем, что сказал Акимос. Это еще не означало, что они оба не сошли с ума, но зато делало Акимоса даже более интересным.

— Да, твоя магия, — продолжал Акимос. — Ты будешь щедро вознагражден, если применишь ее для защиты одной юной дамы, моего друга, страшно нуждающейся в помощи.

Пока купец рассказывал свою историю, Конану пришлось несколько раз бороться с порывом рассмеяться Акимосу прямо в лицо, но, когда рассказ о владеющих магией врагах госпожи Ливии подошел к концу, в голову ему вдруг пришла одна непроизвольная мысль.

— Я согласен служить этой даме, насколько мне по силам, — сказал Конан. Уж это-то по крайней мере было правдой. — Но я не только кудесник, но и капитан. Эти люди связаны со мной присягой. Я не оставлю их на милость типов вроде этого капитана охранников.

— Твой отряд, конечно же, отправится с тобой, — начал Акимос.

Конан дал купцу поболтать на здоровье, прежде чем объяснить, какую сумму требовалось еще выплатить в качестве залога Аргосу за его людей. Лицо купца несколько утратило свой цвет, и он на короткое время лишился дара речи.

Однако довольно быстро справился с оторопью:

— Конечно, капитан Конан. Не все из врагов госпожи Ливии могут ударить по ней магией. Хорошие бойцы со сталью в руках тоже могут понадобиться. Сколько своих людей вы думаете привести?

— Всех.

— Всех?

— Всех, кто пожелает остаться с отрядом, а это по меньшей мере двунадесять.

Акимос, похоже, производил в уме какие-то вычисления.

Конан усмехнулся и хлопнул купца по плечу, с достаточной силой, чтобы заставить его пошатнуться:

— Брось, приятель. Твой хозяин расщедрился на сотню драхм. Еще сто не опустошат его сундуков. Сто — наш залог. Однако неплохо бы облачиться в приличную одежду и обуть приличные сапоги. Госпожа Ливия никого из нас не поблагодарит, если мы заявимся к ней на порог, выглядя словно заправские нищие Аграпура!

— Да, — протянул Акимос. Торг пошел быстро, но вернул улыбку на лицо Акимоса.

Наконец купец вернулся к своему коню и отсчитал еще денег.

Конан сел на подвернувшееся бревно и трижды стукнул по нему кулаком. Из выемки в земле под бревном вылез Талуф, стряхивая с одежды щепки и землю.

— Ну, Талуф?

— Ну, капитан. Если б я увидел это на базаре, то мне захотелось бы узнать, где он украл то, что пытается продать.

— Я думаю о том же. Но притвориться колдуном для какой-нибудь богатой старой карги — неплохой способ выбраться отсюда. По крайней мере это оплатит нам залог и заберет нас в Мессантию. А потом — ну, служба кондотьером научит быстро соображать и развивать ловкость рук.

— Это почти так же хорошо, как быть вором, а?

Конан решил, что Талуф поминает собственную прежнюю карьеру, а не карьеру своего капитана. Своей склонностью тащить чужие кошельки и спать с чужими женами Талуф заслужил немало смертных приговоров, и не только в своем родном Шеме, но и в других странах.

— Нам надо послать гонца к ребятам в деревню, — вспомнил Конан. — Кто лучше всего подходят?

— Вандар.

— Джаренз в нем не нуждается?

— Он хром, но не искаленен. А Вандар теперь готов ради тебя пройти огонь и воду. Лучше нагрузить его работой, пока не пройдет этот приступ.

— Когда ты в последний раз кому-либо доверял, Талуф?

— Это было на пятый — нет, на четвертый день моего наречения.

Конан издал негодящий звук и поднялся:

— Позаботься о людях, сержант. А я собираюсь посмотреть, не знает ли наш друг-купец приличной винной лавки в дне езды отсюда!

Глава 4

Ливия Дамаос покоилась на ложе в ванной, в то время как ее горничные втирали ей в кожу масло, надушенное вендинским ладаном. Воздух в ванной был пахучим от этого масла и теплым и влажным от ванны. Если б она могла просто заснуть, убаюканная теплом и массажем, а проснувшись, обнаружить, что все трудности, с которыми столкнулся ее дом, остались в прошлом! Раздался знакомый стук в дверь.

— Реза?

— Сударыня, срочные новости.

— Минутку.

Она уселась и взяла протянутый ей горничной халат лимонного цвета; поспешно натянув на волосы шапочку, она позвала: "Заходи".

Реза вошел кошачьей поступью. Эта походка довольно примечательна для такого человека, как он, учитывая его размеры. Тело обтягивала рабочая туника, а лицо омрачала не иначе как грозовая туча.

Одного взгляда на это лицо было достаточно. Горничные собрали кувшинчики с маслами и сбежали, словно в ванной начался пожар. Ливия пожалела, что ее достоинство не позволяло ей сделать то же самое. Даже если выслушать плохие новости чуть позже, они от этого лучше не станут, когда все-таки дойдут до нее.

— Господин Акимос оказывает нам услугу, — тяжело проговорил Реза. — Так во всяком случае гласит его письмо.

— Нельзя ли мне?.. — Ливия протянула руку, и Реза вложил в нее пергамент.

— Это писал совсем не писец, — определила она. — Это накарябано его собственной рукой. — Она быстро прочла и почувствовала, как брови у нее поднимаются, а волосы на голове так и шевелятся. — Как он прослыпал о нападении?

— Желаете, чтобы я спросил?

— Думаешь, он узнал от госпожи Дорис?

— Скорее всего.

— Если мы спросим, она поймет, что мы обеспокоены и что это она заставила нас беспокоиться. Ни за что не доставлю ей такого удовольствия. Кроме того, возможно, это Арфос трепал языком, а не она.

Лицо Резы ясно говорило, что, по его мнению, следовало сделать с языком молодого человека. Ливия покачала головой:

— Сделать что-либо — значит опозорить его перед матерью. Разве он сделал что-то заслуживающее такого?

— Он возомнил себя достаточно неплохим для вас! — выпалил Реза. — Скорее Атлантида вновь поднимется из вод, прежде чем это станет правдой!

— Если в Аргосе действует магия, то кто знает, что может случиться? — возразила Ливия, но невольно улыбнулась вспышке Резы. У мажордома не было детей, и после того как умерли ее отец и опекун, он начал по-отечески присматривать за ней.

— Чего уж точно не случится, так это того, что Арфос станет подходящим мужем для вас, — упрямо стоял на своем Реза. — Возможно, предоставленный самому себе, он и мог бы исправиться, но разве мать позволит ему выйти из детской, пока жива?

— Возможно, ты говоришь разумно, — признала Ливия. — Но давай вернемся к господину Акимосу. Он говорит, что присыпает нам колдуна, который к тому же является капитаном кондотьеров, или капитана, который к тому же еще и колдун. Вместе с двунадесятю

молодчиками из его отряда. И вдобавок это не какой-нибудь бродячий кудесник. Он тот самый человек, который убил речного дракона у Великого Моста.

— В Мессантии ему не найдется никаких речных драконов на убой, — сказал Реза. — И мне не нравится принимать у нас шайку чужаков, какой бы там магией ни владел их капитан.

— Если на нас нападет колдун, то колдун же может и защитить нас, — решила Ливия. — Да и колдуны не столь обычны в Аргосе, чтобы мы могли позволить себе выбросить такого, как гнилую капусту. Если же нам придется посыпать за ним в Шем или Коф, то это займет больше времени. К тому же о грозящей нам опасности узнает еще большее число чужаков.

— Верно, — признал Реза. — Значит этого — капитана Конана — впустить в дом?

— Да, и даже некоторых из его людей.

— Не всех?

— Лишь столько, со сколькими, по-твоему, ты и другие слуги сможете справиться, если понадобится. И они долго не узнают у нас никаких тайн.

— А, — произнес Реза, лицо у него, казалось, запыпало, и Ливия могла бы поклясться, что у него раздулись ноздри, как у старого боевого коня, засыпавшего вдали пение труб.

— Да, я положусь на твое умение изобрести способы выведать эти тайны. — Она улыбнулась: — Если ты не сможешь, я буду гадать, а правда ли ты был сержантом в Туране или всего лишь убирал навоз!

Драхмы господина Акимоса не потянули снабдить лошадьми весь отряд Конана. И их ждал пятидневный поход, прежде чем впереди у залива перед ними выросли белые стены Мессантии.

Поход этот не относился к числу самых легких на памяти Конана. Дороги-то были великолепные, погода ничуть не хуже, а местность выглядела богатой и привлекательной. Но между горным лагерем и Мессантией располагалась не одна винная лавка. Фактически на каждый дневной переход попадалась не одна винная лавка.

Удержание своих людей в строю — или по крайней мере на ногах — до предела истощило силы и терпение Конана. К середине пути он с радостью оставил бы их упиваться до бесчувствия, а сам отправился бы дальше к Мессантии. А уж заняв свое место в доме госпожи Ливии, он мог бы созвать тех, кто достаточно протрезвеет, чтобы прочесть послание, когда оно доберется до них.

Единственный изъян в этом плане заключался в аргосийцах. У Конана было мало причин и еще меньше побуждения доверять им. Они наверняка считут, что его люди нарушили один или несколько их запутанных законов. И тогда отряд Конана снова окажется там же, где был, и теперь на них вдобавок ополчится и господин Акимос за то, что они испортили его широкий жест.

Последнюю милю до Мессантии дорога шла под уклон, и даже те, у кого болела голова и пересохло во рту, двигались довольно резво. Конан ехал в арьергарде верхом на приманке для воронов, едва выдерживавшей его вес, в то время как Талуф шагал в авангарде, ведя в поводу отрядного мула. На спине мула лежали растянувшись двое бойцов, которых этим утром не удалось поставить на ноги.

Подъехал конный патруль Воителей, изучил отряд и конановское письмо с печатью Акимоса, а затем пропустил их. Такое случилось еще дважды, прежде чем они добрались до Садовых ворот Мессантии, да и в самой караулке у ворот Воители валандались, пока уже давно не перевалило за полдень.

— Чума на этих жеманных детей, — пробормотал себе под нос Джаренз. — Что они смогут сделать против нас, если мы обнажим мечи?

Конану хотелось смеяться. Некоторые из Воителей по возрасту вполне годились Джарензу в

деды. Талуф пожал плечами:

— Только у одних этих ворот я насчитал их сотню. Готов поспорить, что такое множество сможет сделать немало хорошего с двадцатью кондотьерами, из которых ни один не был прошлой ночью трезвым.

Стены Мессантии тоже были достаточно внушительными, чтобы отрезвить любого. Высотой в пять человеческих ростов и по меньшей мере в трех человек толщиной, и это помимо защиты, обеспечиваемой стражами. Даже будь улицы за стенами вымощены золотом, любой не начисто лишенный ума все равно дважды подумал бы, прежде чем пытаться пробить брешь в этих стенах.

Со временем им дали пропуск, кусок пергамента потоньше старого капитанского патента Конана времен службы в войсках Турана. Им не дали никаких указаний, как пройти ко дворцу Дамаос, но как они могли заблудиться в городе более чем в двое меньше Аграпура?

Ответ был таков: чересчур легко. Они ухитрились сделать это по меньшей мере трижды, и последний раз стоил им мула. Похоже, они забрели туда, где между зарей и сумерками людям разрешалось разгуливать только пешком.

— Похоже, нам надо брести назад из этого города позолоченных нужников, — пробормотал один из тех двоих, кому пришлось идти пешком, когда конфисковали мула. — С улиц-то они навоз убирают постоянно, но кладут его себе в головы!

Конан начинал соглашаться с ним, когда они наконец добрались до ворот и стены, которые в Офире сгодились бы для большинства городов. Цветущие лимонные деревья едва возвышались над шедшими по верху стены позолоченными кольями. На шелковом ремне висел большой колокол, а рядом с ним на другом ремне — умягченный молоток. Конан схватил молоток и колотил по колокольчику до тех пор, пока его лязг, казалось, не вызвал эхо в отдаленных горах.

— Кто там? — донесся голос из-за ворот.

— Капитан Конан и его отряд, поступить на службу Дому Дамаос по приказу господина Акимоса.

— Его печать?

Это было требование. Конан предпочел подчиниться, продемонстрировав пергамент с его внушительной синей восковой печатью. Миг спустя, в ответ на приказ какого-то невидимого караульного, внешние ворота из окованных железо бревен открылись. А затем со слабым вздохом отворились и внутренние ворота из позолоченной бронзы. К дому из голубовато-белого мрамора устремлялась прямая как стрела дорожка из белого гравия.

К дому? Скорее ко дворцу. От такого не отказался бы в качестве своей резиденции никакой вельможа в Аграпуре, а в Офире и королевский дворец едва ли превосходил его величиной. Однако ни в одном из них не стояла у передней двери женщина, приветствовавшая Конана, когда тот подошел по дорожке к дому во главе отряда.

Богатой-то госпожа Ливия, вне всяких сомнений, была. Но старой каргой? Еще лет через сорок она ею, может, и станет, но Конан сомневался в этом. При милости богов она не утратит ни этих голубых, как море, глаз, ни этой прекрасной осанки, а даже с помощью только их она все равно будет способна вскружить голову любому мужчине. А теперь она была женщиной, ради которой мужчины могли разграбить города.

Волосы цвета спелой пшеницы, удерживаемые на месте гребешками, каждый из которых стоил выкупа за знатного пленника, возвышались над идеально овальным лицом.

Белое платье из кхитайского шелка покрывало ее от шеи до голеней, но Конан мог прочесть изгибы там, где оно туго обтягивало груди и бедра.

Она протянула руку, на запястье которой носила золотой браслет с крохотными рубинами, и

заговорила голосом, похожим на журчание чистого ключа:

— Добро пожаловать на службу Дому Дамаос, капитан Конан. Я госпожа Ливия. Наш дворецкий Реза проводит ваших людей.

Конан в первый раз осознал, что у Ливии есть тень, человек поседелый, но почти не уступающий ему размерами и похожий на старого солдата. Он тоже носил белую одежду, но из тонкого льна с синей каймой, и хотя пояс его был унизан морскими ракушками, на нем висел длинный кривой иранистанский кинжал.

— Ваш приход застал нас неподготовленными разместить как подобает весь ваш отряд, — сказал Реза. — Мы можем найти место для десяти и лично для вас. Остальных же мы снабдим деньгами для снятия комнат в хорошем постоялом дворе неподалеку от порта.

Разделить отряд, а потом что? У Конана зародились подозрения. Он скрестил руки на груди, чтобы ненароком не схватиться за рукояти клинков, и поклонился:

— Ваше желание для нас закон, сударыня. Но на войне мы жили похуже нищих. Если нам предоставят палатки, мы охотно найдем себе место и в ваших садах.

— Я бы охотно предоставила их вам, — отвечала Ливия. — Но если я это сделаю, меня будет преследовать призрак отца, а садовник бросится в море. Нет, дайте нам время, и мы предложим всем вам кое-что получше, чем палатку в саду.

И отвернулась. Конан умел узнавать отказ, когда видел его, и видел женщину, принявшую решение. И еще он видел, что Реза внимательно следит за ним, за исключением тех мгновений, когда глаза рослого дворецкого рискали направо-налево. Взгляд Конана проследовал за взглядом Резы, и он засек изготавливающихся и ждущих людей, думавших, что они скрыты от глаз.

Этот дом мог оказаться западней. Но улицы Мессантии определенно ею были. На данный момент для отряда не наблюдалось никакого свободного пути к отступлению.

Но он найдет его. Конан поклялся в этом, надеясь, что какие-нибудь помогающие боги услышат его, но не шибко волнуясь о том, произойдет это или нет. Если ему потребуется найти этот путь, прорубив его мечом сквозь лес живых тел людей Ливии, то он так и сделает. Ради собственной чести ничего меньшего он сделать не мог.

— Талуф, — тихо обратился он к своему сержанту. — Есть такой, которому ты доверил бы приглядывать за ребятами на постоялом дворе?

— У Киргестеса неплохие задатки, но он на самом деле нужен...

— Куда меньше, чем мне нужен ты, если предстоит бороться со змеями в их же норе.

— Со змеями? — ухмыльнулся Талуф. — Та деваха не очень-то походила на змею, хотя я бы рискнул побороться с ней.

— Это дело не шуточное. — Киммериец ухватил Талуфа за бороду и слегка крутанул ее. — Запомни это и передай любому, кто, возможно, забыл.

— Да, мой государь, — отозвался ничуть не раскаявшийся Талуф.

— Хорошо. Итак, Киргестес возглавит тех, кто на постоялом дворе, мы с тобой возглавим тех, кто здесь, а что до остальных, то предоставим ребятам тянуть жребий.

Так будет честнее. Не говоря уж о том, что Конан понятия не имел, кто кроме Талуфа будет полезней там или здесь, пока он не получит ответы на несколько вопросов.

Он дал еще одну клятву, что он получит эти ответы прежде, чем увидит новый закат, или же выведет своих людей вон из Мессантии.

Госпожа Ливия следила из-за тонких занавесей, как десять человек, отобранных для постоялого двора, строем выходят за ворота. Строй они держали неважно, но вот руки — поблизости от своей видавшей виды стали. И шли они не глазея по сторонам. Кое-кто начал было болтать, но сержант живо заставил их умолкнуть.

Реза бесшумно подошел к ней. То, что он вошел без стука, служило мерой его беспокойства.

— Как я желал бы, чтобы ваш опекун был по-прежнему жив.

Ливия обернулась.

— Реза, — улыбнулась она. — Когда я в последний раз это сказала, ты уведомил меня, что благие пожелания — это смерть для мудрости.

— Так же как и для хороших солдат, и это правда. Простите меня, госпожа, я не хотел вас оскорбить.

— Реза, ты не узнал бы, как оскорбить меня, даже если б предавался размышлениям об этом целый год. И я благодарю за это богов. Итак, как ты расцениваешь нашего капитана Конана? По правде говоря, я ожидала кого-нибудь твоего возраста.

— Наёмничество — образ жизни для молодых людей, госпожа. К тому времени, когда наёмник достигает моих лет, он обычно либо выходит в отставку, либо погибает. В пятьдесят лет воюют только те, кому везет в бою, но не везет с добычей.

— Не уверена, что тебе не придется снова повоевать, если Конан окажется совсем не другом Дома Дамаос. Он похож на человека, которого трудно и обмануть, и убить.

Реза кивнул с кислой миной:

— Я думаю примерно то же. Но мы можем либо действовать, как собирались, либо оставаться в неведении, пока Конан не сочтет нужным сказать нам правду. Или показать нам ее, выполняя приказы своего хозяина.

Несмотря на послеполуденную жару, Ливия ощущала холодок. Даже когда опекун сражался в судах за ее наследство, ей не нужно было опасаться убийства в постели. А теперь она не могла спать спокойно, по крайней мере пока Реза не закончит свою работу.

Глава 5

Конан шел по садам дворца Дамаос. Меч он носил по аргосийской моде — на поясе поверх льняной туники, а в руке держал длинный ясеневый посох.

Ему предоставили и сандалии, но его подошвы совсем неплохо заменили дубленую кожу. Что же касается туники, то некоторые из его людей презрели ее как бабскую одежду, но он сам сохранил спокойствие. В Аргосе, где штаны являлись признаком варвара, свободные люди одевались именно так.

К тому же такая одежда давала человеку свободу движений, когда требовалось бросаться на врагов и управляться с оружием. А большого Конан от одежды не требовал, будь то набедренная повязка, латы или королевская мантия.

Шагая, он прислушивался, ловя ухом любое прекращение криков ночных птиц и стрекотания насекомых. И вдобавок прощупывал почву перед собой посохом.

Перед ним открылась заплата лужайки, над которой мог поработать какой-то брадобрей, настолько аккуратно была подстрижена каждая травинка. Подстрижена слишком аккуратно, подумал Конан, и вспомнил предупреждение Резы. Он потыкал землю посохом. На четвертом тычке земля с тихим вздохом осела. Но совсем не тот лязг раздался при встрече железа с яснем, когда ожидаемый внизу капкан для человека сомкнул свои челюсти на его посохе. Все верно, Реза и люди знали свое дело. Это была не первая хитрая выдумка с целью помешать нежеланным гостям потревожить дворец. И Конан сомневался, что она окажется последней. Лучше ему узнать немного побольше о Мессантии, включая тайные выходы из города, и побыстрее. Когда госпожа Ливия обнаружит, что он такой же колдун, как жрец, то самое лучшее, на что могли надеяться он и его люди, — это увольнение со службы. Еще двадцать вооруженных людей ей нужны не больше чем внезапный флюс.

Конан попятился с лужайки и одним плавным движением скрылся за деревом. Ночные птицы больше не пели, и теперь он сообразил, что они прекратили пение еще до того, как он заставил сработать капкан. И пристально посмотрел из-за дерева на стену.

Там появилась темная фигура. Она двигалась вверх-вниз и раскачивалась, когда набросила на колья подбитый броней камзол. Конан тихо прокричал огирской черной совой. Он собирался обнажить меч, когда темная фигура ответила тем же звуком. Миг спустя Конан уже вел за дерево человека, называвшего себя Бельгором.

— Как у вас дела на постоялом дворе?

Худощавый корноухий малый нахмурился:

— О, они достаточно неплохи. В полдень приезжал Вандар. Но болтаются какие-то двое, кажется, будто они свисают с балок, словно летучие мыши. Киргестес говорит, мол, те двое были в горах с господином советником... или как там его.

Люди господина Акимоса на постоялом дворе. Наблюдают за людьми Конана. Чего-то ждут.

— Что-то не припомню — нет, погодите, капитан. Как раз прошлым вечером я видел, как один из них говорил с Дурасом.

— Дурас все еще считает, что сержантом следовало назначить его, а не Киргестеса?

Бельгор сделал жест, выражавший отвращение, Конан прожег его взглядом:

— Кром побери, приятель, я ведь только спрашиваю, молол ли Дурас языком, так же как молол по дороге!

— Ну, он не поблагодарит меня, если я растреплюсь.

— Если не скажешь, то я сделаю нечто похуже, чем не поблагодарю.

— Да.

Это одно слово, казалось, исчерпало способность Бельгора к речи, но для Конана было достаточно и его. Похоже, Акимос делал именно то, что сделал бы на его месте киммериец. Найти в рядах отряда недовольного и превратить его в шпиона. И наверно, подготовить его возглавить отряд, если возникнет надобность найти кого-то, кроме Конана...

Бельгор теперь выглядел готовым сказать больше, но киммериец резким жестом оборвал его. Ночные птицы не только умолкли, слух, обостренный дюжиной случаев, когда он спасался, побывав на волосок от смерти, сообщил Конану, что некоторые из них улетали.

— Лезь через стену обратно и скажи Киргестесу следить за Дурасом.

— Капитан?

— Лезь, приятель, а то я перекину тебя через нее, и, надеюсь, ты приземлишься на свою пустую голову! Тебе что, мозги обкорнали вместе с ушами?

Теперь и Бельгор услышал то же, что и Конан, — приближающиеся по саду шаги. Идущие,казалось, пытались двигаться бесшумно, но Конан слыхивал, как даже слоны в Вендии производили меньше шума. Бельгор дунул к стене, влез по оставленной висеть веревке, втянул ее за собой и исчез на уличной стороне.

Конан обнажил свой аквилонский кинжал с прочным клинком, а меч оставил в ножнах. Против этих людей ему требовалась внезапность, которой легче всего добиться в кустах, где короткий клинок господствовал над длинным. А затем он устроился поудобнее, приготовившись ждать.

Дерево это было не самым лучшим местом для засады. Но он находился здесь и мог ждать, замерев абсолютно неподвижно, точно камень посреди зеркального пруда. А этим людям, чтобы приблизиться к нему, приходилось двигаться, и поэтому даже обладай они искусством подкрадываться, то все равно не смогли бы быть столь же бесшумными, как он.

Ожидание вышло не коротким. Эти люди, похоже, знали, что им следует пробираться медленно, а пройти им требовалось приличное расстояние. От задней стены сада до задней стены дома насчитывалось больше двухсот шагов. Во многих странах Конан видел, как целые семьи кормились с куда меньших участков.

Люди продолжали с шумом приближаться. Они словно хотели, чтобы их услышали. Конан отмел бы эту мысль, однако создавалось впечатление, что в Мессантии не было ничего слишком закрученного, чтоб быть правдой.

Возвращение в Офир начинало казаться менее глупым, чем представлялось до сих пор. По крайней мере, там-то кондотьер будет знать, кто его враги и как с ними бороться. Так же как и свою судьбу, в случае если он проиграет, и потому у него не найдется там никаких причин поступить иначе, чем умереть с мечом в руке. А в Аргосе дела больше походили на ларцы, виденные Конаном в Кхитае, где в каждом сундучке прятался другой, поменьше, до тех пор пока в самой сердцевине набора не оказывалось нечто размером с горошину.

В саду на пару минут воцарилась тишина. Конану даже пришлось поднапрячь слух, чтобы услышать дыхание крадущихся. Так, значит, тот шум был хитростью! Ну, наверно, сейчас самое время научить этих хитрецов кое-чему, чего они, похоже, не знали о киммерийцах и кондотьерах.

Ни один листок не шелохнулся, когда Конан прокрался к тому месту, где в последний раз слышал шаги приближившихся людей. Он знал, что они должны находиться за колючей изгородью из кустов роз, но не знал, где именно. Он дал широкий полукруг, огибая один край изгороди с целью выйти к ней далеко с тыла. Даже в темноте он видел весь сад целиком — и мог поручиться, что ни один аргосиец не обладает кошачьим зрением киммерийцев.

Пробираясь мимо изгороди, с кинжалом в руке, северянин едва дышал. Он на мгновение распластался на влажной от росы траве — убедиться, что его не видели и не слышали. А затем

снова пополз.

И когда киммериец полз, справа от него возникли приглушенные шаги по траве. Конан перекатился, вскакивая на ноги, а кинжал взметнулся, словно разящая змея. К нему бросилась темная фигура, вот она выросла над Конаном и протянула к киммерийцу руки.

Варвар среагировал молниеносно, опередив нападающего на долю секунды. И ударил левым кулаком вместо обремененной сталью правой руки. Дыхание со свистом вылетело из уст нападавшего. Он согнулся пополам, держась за живот, и, шатаясь, отступил, оказавшись, таким образом, на пути своего товарища.

Второй нападавший прыгнул вбок и сблизился с Конаном. Этот прыжок обошелся для него в потерю времени. Он мог бы обойтись ему и дороже, если б северянин не увидел, что у второго руки тоже пустые. Киммериец опрокинулся на спину и ноги его, подобно стволам деревьев, в тот же миг устремились вверх.

Бедняга-налетчик взмыл, словно диковинная ночная птица, и перелетел через Конана. Правда, он сумел извернуться на лету, по крайней мере, чтобы уберечь череп и шею. Но вот от шипов он не уберегся. И упал прямо в розовый куст, не уступавший ростом человеку.

Ночную тишину разорвал истощный крик боли, удивления и возмущения. Вскочив на ноги, Конан увидел, как на крыше дома, в кустах и павильонах внезапно расцвеля огни.

Упавший в кусты, похоже, слишком запутался и исцарапался в шиповнике, чтобы представлять собой угрозу. Однако первый снова поднялся на ноги. Когда его рука зашарила по поясу, Конан снова ударил его, на этот раз в челюсть. Тот отлетел назад так далеко, что плюхнулся в зеркальный пруд. Конан схватил его за ногу и потянул на себя, пока голова не появилась из воды. А затем стал спиной к ближайшему дереву и сложил руки рупором.

— Эй, слуги Дома Дамаос! Выходи! Это капитан Конан! У вас в саду воры. Выходите все!

Он услышал, как тревога прокатывается эхом от садовой стены к стене дома и обратно. А затем переложил кинжал в левую руку, обнажил меч и подготовился встретить все, что ни выйдет из-за этих огней.

После того как минуло, казалось, полночи, Конан сообразил, что несшие фонари не собирались приближаться к нему. Он увидел, как две темные фигуры склонились над двумя потерявшими сознание, коротко пошептались, а затем уволокли их. Ему подумалось, что он услышал шепот, но никого не увидел. Несшие фонари могли быть призраками или демонами, уносившими павших, чтобы вырвать из них души.

На какой-то миг сад показался полным тьмы, не принадлежавшей сему миру. Конан почувствовал, как у него мурашки ползут по коже. Не обманули ли его более жестоко, чем ему говорили и самые худшие его сомнения, не заманили ли его на службу дому, где царило колдовство и затевались разные вероломства и подлости, которые аргосийцы, похоже, любили не меньше, чем иные люди — вино?

Если это так, то в скором времени он будет знать наверняка. По крайней мере, узнает, в случае если Талуф и остальные не утратили сообразительности и запомнили инструкции, данные им прошлой ночью.

На крыше дома один из фонарей принялся мигать. Затем три других внезапно погасли. А откуда-то, поближе к нему, донеслось уханье совы.

Конану захотелось расхохотаться. Вместо этого он ответил собственным уханьем. А затем крикнул:

— Слуги Дома Дамаос! Выходите и кончайте свои хитрости. Выходите, пока я не сосчитал до десяти, а то я могу попросту решить покончить с вами!

Поблизости снова зашептались, дав Конану ясное представление о том, где стояли эти хитрецы. Двоих из них достаточно повысили голоса, чтобы Конан смог разобрать слова. Затем

кто-то — судя по голосу, Реза, — произнес единственное резкое слово. И снова наступила тишина.

На этот раз она продолжалась не дольше, чем могло требоваться на осущение чаши эля. Конан принял счтать и дошел до пяти прежде, чем услышал голос Резы:

— Отлично, киммериец!

— Капитан Конан!

— Отлично, капитан Конан. Мы выйдем.

— Держа в руках фонари и больше ничего. Мои лучники будут держать стрелы на тетиве и смогут без труда застрелить любого из вас.

Во всяком случае именно так должно быть согласно плану. И Конан готов был поспорить, что Реза не станет проверять путем опыта.

Рослый иранистанец не стал. Когда он вышел на свет во главе полуодюжины своих людей, Конан только тут и сообразил, какой же здоровенный этот дворецкий. По возрасту он, может, и годился Конану в отцы, но схватка с ним вовсе не сулила легкой победы.

— Капитан Конан, — начал Реза, — вы должны объяснить.

— Ничего я такого не должен, — отрезал Конан. — Объяснять придется тебе. Начинай тотчас же и смотри ничего не упусти. Включая и то, почему ты готов был смириться с тем, что пара твоих ребят закончат свой путь привидениями. Они, знаешь ли, были крайне близки к тому, не будь я достаточно проворен.

— И много ли в тебе проворства, кроме как в языке? — крикнул кто-то из стоявших сзади.

Реза заставил крикуна умолкнуть, обжегши его грозным взглядом, но Конан услышал, как перемещаются в кустах ребята Талуфа, изголовившись к атаке. Киммериец зашагал вперед, пока не оказался в пределах досягаемости меча дворецкого.

Теперь он мог очутиться среди своих противников прежде, чем те начнут двигаться. И тогда у него будет преимущество, которое всегда достается одному человеку, сражающемуся со многими не обученными драться сообща.

И вдобавок любые придуры, какие найдутся среди его лучников, помедлят стрелять, чтобы не угодить в своего же капитана. Какие б там трюки не сыграли с ним сегодня ночью, если прольется кровь, то драку начнет не он.

Реза и его люди расступились, пропуская киммерийца. Взгляд Конана метался, перескакивая с одного лица на другое, пытаясь определить того, который охотней всего схватится за короткий меч или кинжал. Реза держал только посох, мало чем отличающийся от конановского, но то, как он держал его, показывало, что он знал, как применять его в качестве оружия.

Теперь слуги Дома Дамаос перемещались, замыкая Конана в полукольцо. Скоро преимущество перейдет от киммерийца к ним. Конан решил, что его долг сохранять мир. Как только образовался полукруг, со стороны дома донесся отчетливый мягкий голос:

— Реза! Капитан Конан! Довольно! Успокойтесь, или вам обоим хуже будет.

Несмотря на неверный мерцающий свет фонаря, Конан мог бы поклясться, что иранистанец багровеет. Чтобы успокоить остальных, киммериец убрал кинжал в ножны. Миг спустя после этого на свет вышла Ливия.

Одетая в короткую белую тунику, оставлявшую стройные ножки голыми как раз ниже коленей, она носила еще оправленные в золото сандалии и светло-зеленую мантию с красной каймой и откинутым капюшоном. Голубые глаза глядели холодно, но она улыбнулась обоим рослым мужчинам, когда шагнула между ними.

— Капитан Конан, думаю, вы имеете право знать, что здесь сделали сегодня ночью и почему.

— И получить извинения, по крайней мере ради моих людей! — прорычал Конан.

Ответом Резы был один из самых свирепых его взглядов. Вместо того чтобы топнуть ножкой, как ожидал Конан, дама схватила обоих мужчин за запястья. И тот и другой могли бы стряхнуть ее с такой же легкостью, как муху, но ее хватка, казалось, обладала силой железных оков.

— Реза, довольно. Капитан Конан, сперва выслушайте нас. А потом если сочтете, что вам нужны извинения, вы их получите. Но я хочу, чтобы вы сначала выслушали.

Конану казалось, что с тех пор, как он вступил в пределы Аргоса, он, пожалуй, чересчур много слушает. Но также казалось, что госпожа Ливия может сказать ему побольше, чем некоторые другие. Отказ же выслушать ее определенно мог означать лишь жестокий бой, и возможно даже не с настоящими его врагами. Конан не привык сторониться боя, но он все же таки любил знать, а с теми ли он дерется!

— Что я сделал? — воскликнул Акимос, — Кто наплел вам эту чушь?

Скирон остался глух к этим оправданиям и прожег торговца злым взглядом:

— У меня есть средства узнавать все, что может быть известно, средства, недоступные обычным людям.

— И похоже, ты также нафантализировал такое, что вообще никому неизвестно, потому что это неправда.

— Вы отрицаете что послали в Дом Дамаос колдуна? Колдуна, который может предпочесть скорее мешать, чем помогать мне?

Акимос засмеялся:

— Скирон, такими средствами ты сам пользуешься! Чего там еще наговорили тебе?..

— Эти оскорблении нестерпимы!

— Если ты не можешьстерпеть их, то, несомненно, сможешь найти какие-то средства прожить свои последние годы и без моей помощи.

— В самом деле, есть ведь награда, которую я смогу заработать, уведомив архонтов.

— О чем? Ты сможешь сказать им что-нибудь, чему они поверят, особенно если услышат это от человека, которого я разоблачу как занимающегося противозаконной магией?

Двое сообщниковостояли с миг лицом друг к другу, разделяемые столом Акимоса, словно два козла на узенькой дорожке. Они, может, и желали подрасти, но оба ясно видели долгое падение в стремительно текущий внизу поток.

Глаза опустил колдун, и ощущение победы сделало Акимоса великодушным. Он собственными руками налил вина и поставил золотое блюдо с сыром и пирожными.

— Полн, дружище Скирон. Ты переутомился, трудясь над осуществлением наших планов. Тебе незачем утомляться еще и страхами о том, что существует только в твоем воображении. Выпей, и я скажу тебе правду.

— Или столько правды, сколько есть в тебе правдивого, — пробурчал Скирон, но вцепился в кусок сыра, как умирающий с голоду.

Акимос сообщил ему о своем замысле поместить в Доме Дамаос благодарных ему людей. Покуда Скирон слушал, ел и пил, его худощавое лицо, казалось, раздобрело и утратило усталость. Наконец он кивнул:

— Вы можете рассчитывать на благодарность киммерийца?

— Мы можем рассчитывать на нее в нужной нам части. Что же касается остального — я еще не встречал ни одного киммерийца, который знал бы, как найти нужник, когда ему нужно поссать. Конан никогда не додумается задать вопросы, которые откроют ему наши планы.

Скирон сделал жест, выражавший отвращение.

— Значит, вам по-прежнему нужно замаскировать своих людей?

— Ты чересчур устал?

Скирон прожег его взглядом:

— Я обладаю всей силой...

— Я совсем не хотел тебя оскорбить, Скирон. Правда, если у тебя нет сил...

— Я могу с легкостью затенить лица полудюжины людей. Большее число потребует времени, которого у нас нет.

— Этого хватит. Дом Лохри наверняка наймет для большей части работы головорезов с улицы. А их собственные люди будут только вожаками. У тебя есть лица для той полудюжины, из рядов людей Лохри?

— Сколько раз я ходил вместе с вами во дворец Лохри и сносил ту корову, госпожу Дорис, которая притворяется, будто она бык, и блеяние ее телка — сынка?

— Видят боги, это чистая правда! — Скирон щедро глотнул вина. — Больше мне ходить не понадобится. Дайте мне два дня, а также некоторые сведения о размерах и силе избранных вами людей. И тогда мы можем выступать.

Выдача нападавших на Дом Дамаос за приспешников Дома Лохри вызовет замешательство. Дозволение капитана Конана атакующим свободно пройти посещает еще большее замешательство. Вероятно, из-за этого киммериец также лишится должности и даже жизни, но человеку требовалась только одна стрела, если та попадала в жизненно важное место.

И кровь киммерийца некоторым образом поможет поддержанию мира со Скироном. А это, видят боги, будет немалым выигрышем, учитывая манеры колдуна, даже когда тот не боялся за свое положение.

Конан сидел за эбеновым столиком в гардеробной госпожи Ливии. Реза стоял или, скорее, высыпался у двери, а сама госпожа сидела, откинувшись, на ложе тоже из эбенового дерева, но инкрустированного моржовой костью. Она надела длинное голубое платье, но обе ступни и одна стройная рука остались обнаженными.

Он потягивал вино и слушал рассказ Резы о том, как слуги дома Дамаос выполнили его приказ подбить Конана на драку с целью раскрыть, кому он служит в действительности. Если бы он убил их, то самым разумным казалось тут же выставить Конана и его воинов за ворота, так как они явно служили иному хозяину.

Конан слушал эту болтовню столько, пока терпение у него не иссякло. Правда, помогло вино. По сравнению с ним все другие когда-либо испробованные киммерийцем напитки казались похожими на уксус. Когда Реза прервался, чтобы снова наполнить чашу киммерийца, Конан сообразил, что это будет уже четвертая выпитая чаша, а он чувствовал себя так, словно хлебал слабенький эль.

Он поднял чашу, осушил ее несколькими глотками, а затем со стуком поставил на столик, заставив Резу умолкнуть.

— Довольно! — бросил Конан. — Я принимаю извинения. Нет смысла тратить время на сантименты.

— Слушайте, капитан, — начал было Реза, несмотря на предупреждающий взгляд хозяйки.

— Реза, послушай в свою очередь и ты, или я немедля увожу отсюда своих людей. Куда — не знаю, да мне и наплевать, лишь бы подальше от этого дома.

Конан сделал глубокий вдох и заговорил спокойно, тогда как ему хотелось рычать:

— С чего вы взяли, что то, как я буду драться с вашими людьми, вам что-то скажет? Вы что думаете, я бык и откликнусь на стрекало всякий раз, когда вы примените его?

Реза,казалось, лишился дара речи, но его госпожа была скроена из иной ткани.

— Конан, это и в самом деле было ошибкой, и совершила ее я. Я думала... прости, но я думала, что киммериец...

— Вы думали, что киммериец и есть бык? И господин Акимос, несомненно, думал то же самое?

Ливия кивнула, а затем ее полные губы изогнулись в кривой усмешке.

— Капитан Конан, это чаша была свадебным подарком моей матери.

Конан посмотрел на винную чашу в своей руке. Она была сделана из инкрустированного бирюзой серебра, с металлом в палец толщиной. Он, сам того не ведая, так скжал чашу, что она стала плоской, как устрица.

— Ну, сударыня. Вот вам подарок. Не считайте киммерийца дураком, пока тот не докажет этого. Иначе он может счесть дурой вас, а в Киммерии дураков отдают на расправу волкам и выноградам.

Ливия слегка кивнула и снова улыбнулась:

— Я запомню. Но вы должны учесть вот что. Мы в Аргосе знаем другие народы в основном по их торговцам, а Киммерия присыпает в нашу сторону мало таких.

— Тогда, по крайней мере, не слушайте того, что говорят другие. Полагайтесь на собственные глаза и уши.

— Обязательно, — пообещала Ливия. — Но подумайте, если б господин Акимос именно так и поступил, то где б вы сейчас были с вашими людьми?

Конан все еще не настолько отошел от ярости, чтобы ответить ей улыбкой, но кивнул:

— Давайте считать сегодняшнюю ночь честной дракой, где никто не пострадал. И как насчет другой чаши и вина в ней?

— Капитан, уже поздно, — начал было возражать Реза.

— Да уже почти клятый рассвет, — проворчал Конан. — Но я не хочу ложиться, пока мы не решим, как разделаться с Акимосом. Со мной нельзя обращаться как с дурачком, думая, что я послушно исполню все, что мне велят, — только не со мной и ни с кем из подчиненных мне.

Если б он уже не сплюснул чашу, то его скжавшаяся рука завершила бы работу.

Ливия сама принесла другую чашу — на этот раз простую оловянную — и кувшин вина. Затем она села, и платье спало так, что одна нога оголилась до колена. Она была такой же стройной, как и все другие виденные Конаном части тела Ливии.

— Полагаю, вы захотите привести своих людей с постоянного двора, — начала Ливия. И Конан и Реза дружно покачали головами. — Сколько человек может бросить против нас Акимос, если он уповаet больше на сталь, чем на чары? — спросил киммериец.

— Не больше трижды двунадесяти, — прикинула Ливия.

— Тогда мои десять и пятнадцать Резы будут иметь преимущество над любым противником меньшей численности, — сказал Конан. — Мы обороняемся, мы знаем дом и не позволим застать себя врасплох.

— Конан, ты говоришь словно капитан Хаджар, — удивился Реза.

— Я почти год прослужил под его началом, — ответил Конан.

Лицо Резы скривилось, а затем покраснело.

— А кто такой этот капитан Хаджар? — спросила Ливия.

Реза пустился в длинное описание туранского капитана, научившего Конана столь многому из искусства цивилизованного ведения войны. Через некоторое время Ливия подняла руку, останавливая его.

— Готова допустить, что он величайший капитан со времен Кулла из Атлантиды, — улыбнулась она, — и поблагодарить всех богов за то, что человек, которого он учил, прибыл к нам. Если желаешь, можешь присоединиться ко мне в этом.

— Госпожа...

— Довольно, как недавно выразился капитан Конан. А как насчет обороны дома от колдовства?

Конан рассмеялся:

— Госпожа, как я и сказал Акимосу, я обладаю властью над оружием. Я могу сражаться всем, что создано человеком, и мало кто сможет противостоять мне и выжить. Что же касается чар против оружия или еще чего-либо — я не смог бы навести никаких, даже для того чтобы уберечь Мессантию от падения в Западное море. — Его улыбка погасла. — Я еще ни разу не встречал ни одного кудесника, который не разрушал бы всего, к чему прикасался, включая самого себя. Они — навоз, и их место в навозных кучах.

— Я буду молиться, чтобы мы отправили любого колдуна на службе у Акимоса туда, где ему место, — сказала Ливия. — Но что касается ваших людей — вы опасаетесь предупредить Акимоса, если пригласите их под мою крышу?

Конан посмотрел на молодую женщину с уважением. Она-то не получила никаких уроков Хаджара, но тем не менее неплохо соображала в военном деле!

Киммериец кивнул:

— Внезапность позволит нам захватить пленных, а не просто отбить нападение. Не знаю, что скажут о подобной игре архонты, но могу поручиться в одном: Акимосу не понравится, если мы заставим его людей колоться перед архонтами, словно орехи.

Они закончили обсуждение, договорившись поставить надежного человека с фонарем на крыше дома. А еще одного надежного человека выставят на крыше постоянного двора.

Оттуда он увидит любые сигналы из Дома Дамаос. По условленному сигналу кондотьеры с постоянного двора бегом явятся ко дворцу.

— Если будет на то воля богов, мы сможем выставить их в тылу любых незваных гостей и замести всех чохом, — подытожил Конан. — А если наша удача иссякнет, мы все равно сможем отбиться от них. Это заставит Акимоса остановиться и призадуматься. А пока он чешет в затылке, настанет наша очередь сделать ход.

Они выпили за эту стратегию, налив вина всем, и Конан отправился проводать своих людей.

Глава 6

Конан снова шел ночью по садам дворца Дамаос. Он находился неподалеку от места своего псевдобрая два дня назад. На ноги он натянул сапоги, под тунику — кольчугу, а на поясе в дополнение к мечу покачивалась палица.

Посоха для розыска капканов на человека северянин с собой не взял, так как искать их не требовалось. Убрали их по совету Конана, правда, совет пришелся Резе не по душе. Услышав такое требование, дворецкий сделался похожим на папашу, которого призвали утопить родных детей.

— Я хочу, чтобы любой прошел через сад и приблизился к дому прежде, чем поднимут тревогу, — объяснил Конан. Он старался не прибегать к тону, который употребил бы, говоря с ребенком или женщиной, по крайней мере с женщиной менее упорядоченного ума, чем Ливия.

— Им же тогда будет легче проникнуть в дом, — настойчиво указывал Реза.

— А также труднее уйти, — ответил Конан. — Им придется пересечь все эти прекрасные открытые лужайки, в то время как мои и твои лучники будут сидеть на крыше с набитыми колчанами и зажженными факелами.

— Полагаю, риск стоящий, — высказала свое мнение Ливия.

— Да подведут меня мой меч и мое мужское достоинство, если это не так, — поклялся Конан. — Мы хотим не просто отогнать тех, кто там ни заявится.

Даже между собой они не употребляли выражения "люди Акимоса".

— Мы хотим не просто отпугнуть этих сыновей болотных троллей. Нам надо съесть их на полуночник и бросить их кости в морду их хозяевам. Напугать мы хотим хозяев, а не слуг!

Реза прожег Конана взглядом. Злили его, несомненно, употребляемые Конаном выражения. Несмотря ни на что, Реза, похоже, считал, что уши его госпожи слишком невинны и девственны и их надо оберегать от солдатской речи. Прежде чем дворецкий смог заговорить, Ливия кивнула.

— Да, а не долгой, утомительной битвы до того, как Дом Дамаос окажется в безопасности. Покуда мы деремся, у меня будет мало женихов, за исключением желающих защитить меня за цену, которую я, может, и не пожелаю платить.

Конан слышал о нынешнем урожае женихов госпожи Ливии. Единственный вопрос, где у них с Резой обнаружились одинаковые взгляды: все они были недостойны ее. Если они какое-то время посидят в собственных домах, Дом Дамаос от этого ничего не потеряет.

Но Конан знал, что ему не по чину говорить это. Слово "чин" он хорошо усвоил с тех пор, как прибыл в Аргос; оно, казалось, незримо парило над будничными взлетами и падениями человека, в такой же мере, как "лицо" — среди жителей Кхитая.

Поврашившись несколько дней среди аргосийцев, он усвоил, что это значило в основном сидеть и слушать, как говорят другие. И довольно часто те говорили ему больше, чем хотели дать узнать. Поэтому идея "чина" возмутила его гораздо меньше, чем он ожидал.

— Судить о собственной ценности можете только вы сами, сударыня, — сказал Конан. — Я же всего лишь солдат. И сужу о ценности запугивания врага до одури. А также о ценности недопущения, чтобы кто-либо из моих ребят попал в эти капканы.

— Твои ребята теперь уж должны ознакомиться с участком, — пробурчал Реза.

— Некоторые ознакомились, а некоторые нет, — отозвался Конан. — Те, что на постоялом дворе, безусловно не ознакомились. Кроме того, если в доме есть шпион, — Реза кашлянул, и Ливия сделала ему знак помолчать, — то он известит своих, что капканы убранны. Сад не опасен. Любые нападающие могут перелезть через стены и прогуляться до дома, где наши ребята на крыше смогут практически поссать на них!

Ливия улыбнулась, затем хихикнула, а затем уже откровенно рассмеялась. Слышать такой смех было бы приятно любому мужчине, точно так же как приятно смотреть на эту даму.

— Желала бы я, чтобы мы действительно могли это сделать, — проговорила наконец она. — Представляете себе, что скажут своему хозяину те бедные дурни, когда вернутся домой? Если они осмелятся вернуться домой, а не просто сбегут в Куш, сменив имена.

Реза наконец улыбнулся:

— Ну, Конан, теперь я знаю, как хорошо тебя обучил старый капитан Хаджар.

— Давайте не будем продавать шерсть еще не купленной овцы, — предостерег Конан.

И все дружно выпили за отличную толстую овцу, которая должна забрести к ним в последующие несколько ночей.

С крыши дворца раздался крик черной совы. Бесшумно, как охотящийся тигр, Конан поспешил к месту встречи с посыльными. Когда киммериец встал спиной к дереву, к нему подбежал Вандар:

— С крыши видно вооруженных людей.

— Есть какие-нибудь отличительные знаки?

В большинстве городов ночью было бы трудно даже отличить людей от обезьян, не говоря уж о том, чтобы разобрать отличительные знаки домов. Но в богатых кварталах факелы освещали улицы Мессантии достаточно ярко, чтобы разобрать и число, отчеканенное на аквилонской монете в десять крон.

— Никаких. Но дамаосец сказал, что они смахивают на Воителей.

— Эрлик их в задницу!

Конан мог стерпеть город, улицы которого не превращались между закатом и рассветом в джунгли. Он уже довольно давно расстался с профессией вора, когда увидел, что она сулит лишь скучный паек и паскудную жизнь, да притом весьма недолгую. Но последнее, чего ему сегодня хотелось, — это ввязываться в частную драку с прицепившимися Воителями, когда он приготовился противопоставить своим врагам собственную силу и сталь.

Вандар пожал плечами:

— Реза у ворот. Если он почует что-то подозрительное...

Ночь разорвал пронзительный крик. Конан и Вандар стремительно обернулись, их мечи мгновенно вылетели из ножен. Спутники побежали к дому. Конан дважды останавливался, чтобы издать охотничий крик леопарда — сигнал парню с фонарем на крыше. Догнав Вандара у великолепной статуи обнаженной женщины, Конан увидел, как фонарь начинает мигать. Теперь, если наблюдатель на крыше постоянного двора был хотя бы наполовину так трезв, как ему полагалось.

Из кустов выбежала женщина в одной ночной рубашке, с широко раскрытыми, но ничего не видящими перед собой глазами. Конан преградил ей путь. Она наскачила на его руку и отлетела обратно, словно наткнулась на ветку дуба. А затем, зарыдав, рухнула на землю. Вандар опустился на колени и прокричал ей в самое ухо:

— Что случилось? Отвечай, а не то я...

Конан схватил парня за шиворот туники и резко поднял на ноги. А затем схватил женщину за руку и сделал то же самое.

— Что же там все-таки случилось? — спросил он помягче.

Женщина разинула рот, а потом замотала головой, словно искусанная мухами лошадь.

— Опять колдовство! Ох, мы-то думали, что больше не столкнемся с ним. Но оно опять повсюду. Хуже, чем прежде.

— Ах, сударь, если вы владеете ну хоть какой-то магией...

Конан переложил меч в левую руку и сунул женщину под мышку правой. Когда он это сделал, ее ночная рубашка зацепилась за куст и порвалась.

Потом Конан добрался до дворца и поздоровался с госпожой Ливией, держа в одной руке меч, а под другой — обнаженную женщину. Глава Дома Дамаос была и сама одета в одну ночную рубашку, и лицо у нее отливало молочной бледностью, но, увидев Конана, она сумела улыбнуться.

— А я думала, вы, капитан, один из тех, кто не распускает руки со служанками дома.

— Только не в том случае, когда они налетают на меня, что-то тарахтят о магии. Снова действует тот цепной колдун?

Ливия кивнула:

— Вспышки света, звуки, вонь, трескающиеся и протекающие кувшины и бочки. Все пока только в погребе. Я приказала всем убраться из...

— Боги, женщина! — взревел Конан. — Да ведь наши враги именно этого и хотят! — Он бесцеремонно бросил женщину на траву и взлетел по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Вандар несся за ним по пятам. — Где погреб? — проревел Конан.

Какой-то слуга показал дрожащей рукой:

— Там. Но в нем вырвались на волю демоны.

— Демоны разлетаются с вами! — крикнул Вандар. — Доморошенная магия это для малых детей. Ну-ка посторонись и дай пройти к погребу мужчинам!

Конан порадовался в душе, что Вандар верит в него, но все равно столкновение с магией не доставляло ни малейшего удовольствия. Когда он очутился перед темной лестницей, сердце его на короткий миг скжала холодная рука, а затем это ощущение прошло, когда он ринулся вниз, как в омут головой. Вандар последовал за ним, а потом и четверо охранников Дома Дамаос, с двумя факелами.

Факелы им едва ли требовались. Свет в подвале мог быть и магическим, но он был достаточно реальным. Розовые, малиновые, бирюзовые и изумрудные огни плясали и вспыхивали на каждом металлическом предмете, даже на ободах и бочках.

Свет этот искажал предметы, но также показывал и препятствия под ногами вошедших. Конан сбежал вниз по лестнице.

— Где вход в туннели? — шепнул он ближайшему дамаосцу.

Тот стискивал меч обеими руками, махал им перед собой, словно пытаясь изгнать огоньки света, и ничего не ответил.

Находившийся позади всех факельщик крикнул:

— Никогда не слыхивал о таком, по крайней мере в этом доме.

— Да, — подтвердил другой факельщик. — Но я слыхал о странных звуках и запахах, а иногда и дуновении около северо-западного угла винного погреба.

Конан возблагодарил богов, что у кого-то есть хотя бы блошиные мозги, и повел всю компанию к винному погребу. Они обнаружили, что тот по голень залит вином из протекающих бочонков и кувшинов. Конан остановился на пороге и ткнул в вино мечом.

Сделав это, он заметил, что в противоположном углу погреба поверхность вина зарябила. Над ней, казалось, задувал ветерок, становясь прямо на глазах у Конана все сильнее. Ветерок, дующий из угла погреба.

Конан настойчивым взмахом руки велел своим людям отойти. Когда те начали отступать, погреб наполнился грохотом и скрежетом металла по камню. Когда скрежет поднялся до режущего слух и казалось, вот-вот расколет землю под ногами, магические огоньки погасли. Так же как и все другие огни в погребе, включая факелы товарищей Конана и немногие уцелевшие факелы в поставцах на стенах. Конан прижался к ближайшей колонне.

Теперь он увидел, как часть стены погреба медленно поворачивается, до тех пор пока не открылась узкая щель. Через эту щель один за другим проскользнули несколько человек, в основном оборванцы, а некоторые — полуголые, но все с годной к бою сталью в грязных мозолистых руках.

К тому времени когда прошла дюжина, товарищи киммерийца увидели, что же происходит. И каким-то образом у них хватило ума остаться безмолвными. Осторожными взмахами меча, Конан заставил их всех отступить к лестнице. К тому времени когда отошел последний из них, в погребе уже набралось добрых два десятка незваных гостей.

Конан нашупал у себя на поясе кремень и кресало, а затем прикинул на глаз расстояние. Если ему не изменяла память и эти гости потратят еще немного больше времени, очухиваясь после путешествия через туннели под городом...

Гости двинулись дальше, когда Конан добрался до бочки, которую искал. Он ухватился за край, прокатил на одну стопу и обрушил другую стопу в сапоге на затычку. От удара не только затычка вылетела, но и сама бочка зафонтанизовала из дюжины щелей.

Заслышав грохот от пинка киммерийца, гости встали как вкопанные и стали озираться по сторонам, пытаясь определить источник шума. Ни один из них не обладал кошачьим зрением Конана, и потому никто из них не увидел, как северянин повернулся, загораживая кремень с кресалом своим массивным телом. Вспыхнула искра, загорелся трут, а горящий трут упал в лившееся из пробитой бочки огненное вино.

Огненное вино плохо расходилось за пределами Аргоса. Мало кто слышал о нем, не говоря уж о том, чтобы пить его. Выпив всего одну чашу, Конан готов был оставить его аргосийцам. Но пусть и лишенное букета, огненное вино обладало одним, очень полезным в данный момент для киммерийца, достоинством. Если поднести к нему открытое пламя, оно вспыхивало, как жидкая смола.

Выпущенное Конаном из бочки, огненное вино настолько перемешалось с обычным вином, что медлило загораться. Долгий миг Конан гадал, не погасило ли обычное вино пламя.

Затем по залитому вином полу погреба распространилось голубоватое свечение, похожее на блуждающий огонек. Оно началось с места, где Конан бросил трут, но быстро ползло к пришельцам, поднимаясь по мере продвижения все выше и выше. К тому времени когда оно добралось до них, это свечение стало настоящим пламенем, поднимавшимся аж до колена.

Пришельцы не собирались стоять и ждать, когда пламя доберется до них. Они с воем и воплями рванулись, раскидывая друг друга, к стенам или к двери. Не нанеся ни единого удара, Конан, по его прикидке, лишил боевого духа половину гостей.

Другая половина состояла из ребят покрепче или, возможно, из боявшихся чего-то больше, чем пламени огненного вина. Они с криками и руганью хлынули вперед, расплескивая вино и прорываясь сквозь пламя.

Миг спустя они уже были повсюду вокруг Конана. Тот стал спиной к ближайшей стене и размахивал направо-налево мечом. Никто из противников, похоже, особо не умел обращаться со сталью, или, возможно, они просто мешали друг другу. Конану определенно потребовалось совсем немного времени для боя, оставившего трех врагов убитыми и еще двоих ранеными.

Пятерых оставшихся хватало для того, чтобы полностью задействовать даже меч киммерийца. Тот плел перед собой стальную паутину, думая, что, наверно, он немного поспешил отсыпать своих товарищ в тыл.

Он также услышал наконец и выкрикиваемый противниками боевой клич. Крик этот — "Вперед, всегда в бой" — был боевым кличем Дома Лохри.

Чтобы Дом, наследник которого ухаживал за Ливией, послал против нее вооруженных людей? Это имело столь же мало смысла, как все когда-либо встречавшееся Конану. А он в свои

двадцать три года повидал больше безумия, чем большинство людей вдвое старше него.

А если они замышляют похищение? Возможно. Если так, то ему лучше всего покончить с этими бандитами или по крайней мере заточить их в погребе и посмотреть, как дела в других местах. Конан ничуть не сомневался, что таких дел будет более чем достаточно.

В следующий миг стало казаться, что, возможно, эти бандиты сами покончат с Конаном. Яростная атака вожака заставила Конана крепко прижаться к стене. Вожак схватил правую руку киммерийца кleşней в кольчужной рукавице и вывернул ее.

Рука Конана рванулась вперед, и вожак отлетел назад, сшибив одного из своих товарищей. Его голова с хрустом впечаталась в колонну. Он съехал по ней на пол и присоединился в вине к сшибленному.

Но из-за этого движения захват на рукояти меча у Конана на мгновение ослаб. И в этот миг удар высек искры из стали и вышиб меч из руки киммерийца.

В следующее мгновение противники Конана выяснили, что обезоруженный киммериец отнюдь не беспомощен. Подвернувшись под руку бочарная клепка треснула одному по колену. Двое других попятались.

Теперь у Конана нашлось время схватиться за бочку с вином. Полную он не смог бы поднять, несмотря на свою силу. Но пиршество и бой лишили ее большей части содержимого. Он поднял ее над головой, а затем швырнул.

Она была более чем достаточно тяжела для того, чтобы сшибить с ног вино обоих оставшихся врагов и удерживать их там, пока они не захлебнулись.

Конан опустился в вино на колени, положив одну руку на кинжал, и пошарил другой, пока не наткнулся на рукоять меча. Стряхнув с клинка вино, он разбил булавой еще несколько полных бочек. В двух было обычное вино, а в одной — огненное.

Огненное вино подпитывало пламя, а обычное — подняло уровень жидкости в погребе. Конан наблюдал, как вино перехлестнуло через порог потайной двери и хлынуло в лежавшие за ним глубины. Миг спустя он услышал хор воплей.

Он подумывал закрыть дверь, дабы преградить путь любым прочим врагам, дожидавшимся в туннелях. Теперь жеказалось, что поток горящего огненного вина справится с этим ничуть не хуже.

Конан отступил из залитого вином погреба. Голубоватое пламя огненного вина теперь ясно освещало его. Высветилось лицо павшего вожака. И в этом лице к тому же было что-то сверхъестественное...

Конан мог бы поклясться, что лицо у вожака было бледным и веснушчатым, волосы — светлыми, почти до белизны.

Несомненно боссонец, аквилонец или даже ван. Однако теперь это лицо потемнело, так же как и волосы, и произошло это не из-за огня или дыма. Убитый казался почти таким же темнокожим, как кущит или человек с родней в Черных Королевствах.

Конан сказал себе, что это игра света и что его должны занимать иные дела. Но обдающее холодом знание, что где-то поблизости таится неизвестное колдовство, заставило его руку крепче стиснуть рукоять меча, когда он снова присоединился к своим товарищам.

Конана встретил Вандар:

— Мы заперли дверь, ведущую в погреб. Если б кто и прошел мимо нас, они б никуда не вышли.

— Да, — поддержал его второй факельщик. — Правда, никто и не пытался пройти, за исключением одного. Тот налетел на нас в ту самую минуту, когда по лестнице кубарем скатилась горничная. Догадываюсь, чем она занималась, так как к нам она свалилась в чем мать родила.

Вандар обнял за талию стройную фигурку, одетую теперь в рубашку мужчины вдвое крупнее ее.

— В самом деле, тот стигийцев сын, должно быть, никогда не видел женщины, потому что он выпучил глаза и стоял разинув рот, пока Гебро не подошел к нему сзади с булавой. — Он пнул валявшуюся на полу связанную фигуру с кляпом во рту и получил в ответ приглушенное кряканье.

— Ну по крайней мере есть хоть один пленный, — порадовался Конан. — Хорошая работа. — Он повернулся к горничной: — Как дела наверху?

Девушка вытянулась во весь рост, что выгодно обрисовало ее женственную фигуру в мокрой рубашке.

— Меня занимали иные дела, пока вдруг... ах, ему пришлось убежать сражаться с ведьмами, или колдунами, или болотными демонами, или с чем-то там еще. Я направилась прямиком сюда, и с тех пор знаю только, что делают эти люди. — Она прильнула спиной к обнявшему ее Вандару, и паренек усмехнулся.

— Отлично, — промолвил Конан. — Мне лучше подняться и...

На этот раз они услышали сверху суматошные вопли. А также безумный клич "Вперед, всегда в бой".

Конан взлетел вверх по лестнице, а следом за ним Вандар.

— Стеречь погреб, — крикнул он через плечо. — Если какая-то кучка пробьется оттуда, деритесь и зовите на помощь. Если пробьется больше, поднимитесь и закройте за собой дверь. В любом случае огненное вино сдержит их, пока мы не уладим дела наверху.

Киммериец одолел уже пол-лестницы, когда заметил, что горничная следует за ними.

— Кром побери, девочка! Там внизу безопаснее!

— Мне семнадцать, капитан. Не называйте меня девочкой. И я должна найти Псироса. Он...

— Вероятно, слишком занят попытками остаться в живых, чтобы думать о девахе, — пробурчал Вандар. Он явно возомнил, что горничная втюрилась в него, и ее намерение искать своего любовника вызвало у него ревность.

Конан какую-то минуту подумывал, не стукнуть ли их пустыми головами друг о друга и оставить обоих на лестнице. Затем кто-то распахнул дверь на лестничной площадке.

— Колдун! — завопил он и хотел было захлопнуть дверь обратно.

Конан одним прыжком преодолел оставшиеся ступеньки, схватил крикуну за руку и рванул на себя. Рука проскользнула в щель между дверью и косяком, как раз когда на дверь навалились товарищи крикунов.

Бедняга завопил, как двунадесять демонов сразу. Конан, уже навалившийся плечом на дверь, почувствовал, что товарищи этого малого заколебались. Он навалился на дверь всем своим весом и почувствовал, как та открывается.

Совершенно неожиданно массивная, окованная железом дубовая дверь распахнулась, грохнувшись о стену и скосив на своем пути несколько человек. К Конану устремился меченосец. Киммериец парировал булавой рубящий удар по низу, увидел, что на рукаве у бойца повязка Дома Дамаос, и прорычал ему прямо в ухо:

— Эй, дурень! Свой, свой, свой!

Полуоглушенный воин отступил на шаг — как раз вовремя, чтобы получить удар коротким мечом в живот. Атаковавшему пришлось полуотвернуться от Конана, чтобы высвободить клинок. А тяжелый меч киммерийца раскроил ему череп от макушки до переносицы.

Затем наступил еще один из тех периодов, когда Конану пришлось плести перед собой стальную паутину, защищаясь от противников — слишком многочисленных, чтобы сосчитать их, и слишком умелых, чтобы пренебречь ими. Он смутно сознавал, что к нему подбежал Вандар и

стал плечом к плечу с ним, а та девочка — женщина, если уж она так настаивала! — стояла позади Вандара.

Даже крепкой руке Конана потребовалось некоторое время для превращения противников в истекающие кровью трупы. Наконец киммериец увидел, что врагов перед ним уже не осталось. Однако боковым зрением успел заметить подбирающуюся с тылу огромную фигуру.

Вот в этом он нуждался еще меньше, чем в кровожадной девахе, — в противнике, почти не уступающем ему размерами и, по всей видимости, сильном, как бык.

— Капитан Конан!

— Реза?

— Ворота закрыты. Я оставил в караулке у ворот нескольких воинов, а с остальными прибежал в дом.

Конан пробился сквозь защиту последнего врага, рассек ему руку до кости, а затем прижал его спиной к стене и приставил к горлу острие меча. Меч этот не был колющим оружием, но острие все же рассекло кожу. По горлу заструилась кровь.

— Сдаешься? Или мне чуть нажать?

— Я...

Реза протянул руку через плечо Конана, схватил тощего за волосы и хрястнул затылком о стену. Висевшие там клочья окровавленного гобелена ничуть не смягчили такого удара.

Тощий, обмякнув, сполз на пол.

— Внизу есть еще один пленник, — сообщил Конан. — И я видел нечто.

Реза поднял руку, призывая к молчанию. Конан придержал язык, но не услышал ничего, кроме замирающего шума боя.

— Этот доносится с северной лестницы, — определил Реза. — Ходу!

Конан не спорил. Когда они рванули, он спросил:

— А что там на северной лестнице?

— Возможность перекрыть путь на крышу, из покоев госпожи.

Если на дом совершено открытое нападение, то госпожа Ливия должна была собрать в своих личных покоях женщин и не годных к бою мужчин. Вход к ним могло защищать всего двое бойцов. Из покоев на крышу вела винтовая лестница, где были расставлены лучники. Но если нападавшие быстро добрались до верхней лестницы, они еще могли вырвать победу или по крайней мере заложников собственной безопасности.

Несомненно, Воители заявятся улаживать дела в соответствии со своими представлениями, когда наконец соберутся. Но теперь Конан опасался, что их приход не спасет даже хозяйку Дома Дамаос, не говоря уж о невинных, которые упивали на ее и его защиту.

Ярость и оскорбленная честь погнали Конана вперед Резы. И он все еще бежал первым, когда они взлетели по северной лестнице. Когда они добрались до верха, рослый иранистанец поравнялся с киммерийцем.

— Я знаю дорогу лучше твоего, — пропыхтел Реза. — Честь дома Дамаос охраняю я. — Он бросил талвар в ножны и снял висевшую за широкой спиной двуручную палицу. Та выглядела видавшей виды, и это сказало Конану, что Реза, должно быть, служил в самом отборном отряде наемников — шайке Харука. Единственные в войсках Турана, они были обучены сражаться и конными, с луком и копьем в руках, и пешими, с талваром и палицей. Позволить такому человеку первым вступить в бой вовсе не будет бесчестием.

— Оставь нескольких и мне, Реза.

— Госпожа выдергает мне бороду, если я не оставлю, киммериец. Не бойся!

Два рослых воина мчались вверх по лестнице, увлекая за собой подчиненных, следовавших за ними как ведра из колодца. На лестничной площадке Реза отправил четырех дамаосцев

обыскать боковые покои:

— Берите пленных, если можете, но держитесь вместе и прежде всего спасайте наших!

Определить дверь второй лестницы на крышу было легко.

Ее охраняла дюжина вооруженных молодцов, смотревших сразу во все стороны. У их ног в лужах собственной крови лежали двое дамасских охранников.

Уши Конану резанул пронзительный крик, напоминавший вопль дикой кошки. Девочка из погреба бросилась вперед, выхватив из-под рубашки кинжал. Незваные гости так и разинули рты при виде ринувшейся на них сумасшедшей.

Они были слишком заняты разеванием ртов, чтобы заметить несшегося по пятам за сумасшедшую Конана. Не дай боги, чтоб эта худенькая девочка обскакала его и вступила в бой первой! Его меч свистнул, вылетев из-за плеча девушки, словно смертоносный драконий язык. И лизнул одного пришлеца. Тот дернулся и завалился набок. Клинок киммерийца снес ему полчерепа. Девушка прыгнула на спину другому, вцепившись врагу одной рукой в глаза и беспорядочно кромсая кинжалом, зажатым в другой.

У оставшихся хватило ума расступиться перед Конаном. Они, несомненно, надеялись завлечь его вперед, а затем окружить и зайти сзади. Надеялись они напрасно: когда они начали этот маневр, подоспел Реза. Дворецкий-иранистанец был не столь скор на ногу, как Конан, но компенсировал это, когда булава крутилась — свет вспыхивал, отражаясь от ее полированного набалдашника. Затем полировка исчезла под свертывающейся кровью, когда булава крушила черепа и ребра, разбивала вдребезги колени и бедра и со страшной скоростью разрушала конечности.

Реза и его булава и впрямь учинили такой разгром, что Конан и другие оказались почти лишенными противников. Однако, судя по докатывавшимся по лестнице звукам, на крыше это можно будет исправить!

— За мной!

Конан быстро преодолел коридор. Теперь он, казалось, взлетел по винтовой лестнице. На полдороге в камень около его головы ударила стрела и отскочила вниз. Несколькими ступеньками выше лежало тело со стрелой в ребрах. Сочившаяся из раны кровь сделала лестницу скользкой, но Конан был еще на ногах, когда по лестнице скатились двое человек, сцепившихся мертввой схваткой.

Конан подождал, пока сверху не оказался боец без повязки. А затем схватил его за руку и за волосы, снял его с противника и трахнул им о камень. Тот обмяк, но Конану думалось, что он еще дышит.

Однако у него не нашлось времени убедиться в этом, так как доносившийся с крыши шум боя достиг своего крещендо. Когда Конан добрался до верха лестницы, то увидел, что лучники отступили в один угол у дымоходов, защищаясь как могли короткими мечами и ножами. Несколько лучников уже лежали не двигаясь, равно как и несколько их противников. Покуда лучники были слишком заняты ближним боем, чтобы стрелять, сады были для врага свободным путем хоть для входа, хоть для выхода.

Конан побежал к краю крыши, чуть не кувыркнувшись в крону яблони. Все, кого он видел в саду, суматошно бежали к стенам. У незваных гостей было преимущество в численности, но преследователи из Дома Дамаос гнали их, как осенний ветер листья.

Конан стремительно развернулся, готовый освободить лучников для дальнобойных действий. И обнаружил, что Реза и остальная их группа уже принялись за это. Дымоходы окружила бурлящая масса рубящих, воняющих и цапающих друг друга тел.

Когда Конан приблизился, из толпы дерущихся выскоцил высокий светловолосый человек с длинными усами. Бросил один взгляд на забрызганного кровью киммерийца и рванул в сторону.

— Остановите его! — донесся крик. — Того усатого, это вожак!

Меч Конана рассек воздух в ладони от вожака. Вместо того чтобы сделать ответный выпад, тот бросил оружие, а затем вскочил на парапетные камни и бросился вниз. Когда Конан посмотрел туда, усатый лежал, растянувшись, на садовой лестнице, с головой под невозможным углом к шее.

Дезертирство вожака лишило боевого духа остальных незваных гостей. Громко просить пощады они уже были не в состоянии. И потребовалось немало криков и несколько резких ударов Конана и Резы, чтобы убедить своих воинов пощадить проигравших.

Бой на крыше был последним вздохом атакующих. Пока лучники были заняты иным делом, большинство еще способных двигаться сочли за лучшее поскорее убраться. Карапулку у ворот удерживали воины Резы, и единственный путь к безопасности вел через стену. Удирающие им и воспользовались.

В скором времени из противников остались только сидящие у дымохода связанные пленники. Да трупы, покрывавшие стену или валявшиеся в саду. Реза вернулся на первый этаж посмотреть, как там дела, в то время как Конан спустился в покой госпожи Ливии доложить о победе.

Он застал госпожу перевязывающей длинную резаную рану на ноге пожилого слуги. Руки у нее были залепаны до локтей кровью, а гладкие прямые волосы свисали по обеим сторонам вспотевшего лица. Однако она приветливо улыбнулась, когда северянин появился на пороге и поклонился.

— Ты теперь делаешь это так хорошо, словно прирожденный аргосиец.

— Спасибо, сударыня. — Он рассказал ей о бое, сколько знали о нем он и Реза.

— Разве вы не знаете, кто подослал этих людей?

Конан пожал плечами:

— Я слышал боевой клич. Однако это может быть ложным сигналом.

Ливия кивнула:

— Чары тенелица были запрещены в Аргосе одними из первых. Если бы я прибегла к ним для убийства, то тоже постаралась бы скрыть свои следы.

— Я не такой уж плохой следопыт, — сказал Конан. — С вашего разрешения я задам некоторым из пленников несколько вопросов.

— А если они откажутся отвечать?

Конан снова пожал плечами:

— То, сколь долго они будут отказываться, зависит от того, что вы позволите мне с ними делать.

Ливия сглотнула и пристально посмотрела на Конана. Миг спустя она, казалось, поняла, что никакой апелляции на приговор в холодных голубых глазах воина не будет. Ее голова дернулась.

— Закон насчет пыток строг. Но он также строг и по части вторжения в чужой дом с целью грабить, калечить и убивать! Даю тебе разрешение сделать все, что должно быть сделано.

— Благодарю вас, сударыня.

Киммериец повернулся к выходу, усталый, но довольный. Он служил хозяйке, которая знала, что на войне знание — половина победы.

Глава 7

Госпожа Ливия сидела на постели, держа на коленях золотое блюдо, и потягивала вино из чаши. Большую часть мебели в ее покоях пустили на сооружение баррикад, за исключением тумбочки. Та находилась теперь внизу на кухне, где Кирос-целитель хранил в ней свои лекарства и инструменты.

Все, что ни требовалось Киросу из имеющегося во дворце Паласиос, он получит. Поднятый с постели посланцем Ливии, он явился тотчас же, и привел с собой еще одного слугу. Он узнает или догадается, что случилось, так как мало в Мессантии домов, которые могли что-то скрыть от Кироса. Но то, что он знает, никогда не сорвется с его уст, что бы там ни пустили в ход — золото, пытки или магию.

Из внешних покоев донесся долгий вой, а за ним — рыдания. Некоторые раны не поддавались исцелению даже для Кироса. Мертвых он воскрешать не умел, равно как и уменьшить горе тех, чьи любимые лежали в погребе, накрытые одеялами.

Сквозь вой девушки прорвался голос одной из горничных Ливии, говоривший утешающие слова, твердый и лишенный ложного успокаивания. Обе горничные выдержали второе нападение намного лучше, чем первое, служа примером для всех женщин дома и даже для некоторых мужчин.

В скором времени ей надо будет позаботиться о хороших мужьях для обеих. Ливия не питала никаких иллюзий насчет того, что мужчины примут ее старых слуг с распростертыми объятиями. Одну горничную, повара-другого, и, возможно, конюхов и садовников, если ее новому дому будет не хватать прислуги, — но это и все. Что же касается принятия на службу Резы — с таким же успехом можно добиваться звания архонта.

Горничная внезапно умолкла, и Ливия поплотней завернулась в надетый поверх ночной рубашки халат, когда кто-то постучал в наружную дверь. Миг спустя она услышала знакомый глухой голос, а затем почти столь же знакомую поступь пантеры.

— Доброе утро, капитан Конан.

Киммериец посмотрел в сторону окна. Небо бледнело от близящегося рассвета.

— Вы... их трудно было заставить говорить? — Она обнаружила, что у нее как-то язык не поворачивается произнести слово "пытать". Она презирала себя за такую щепетильность, тем более что Конан наверняка отнесся бы к этому именно так, а она обнаружила, что ей очень дорого хорошее мнение о ней.

— Кром побери, нисколько, — искренно ответил пораженный Конан. — В бою прошлой ночью мне не отшибло ум, и его хватило, чтобы не пытать граждан Аргоса. Правда, большинство из них, госпожа, совсем не делают чести Аргосу. Но...

Ливия сделала глубокий вдох:

— Если вы их не пытали...

— То что же мы сделали? Достаточно просто. Я сказал им, что если они хотят умереть настоящими мужчинами, а не евнухами, то им лучше заговорить, и по-быстрому. А затем вывел одного из них в соседнее помещение, а один из моих ребят может изобразить голосом все что угодно и кого угодно.

Ливия схватила блюдо обеими руками, но ее пальцы, казалось, обессилили. Блюдо соскользнуло у нее с коленей, расплескав по ковру масло и кусочки рыбы. Конан изящно опустился на колени и поднял его, а затем подал госпоже чашу с вином. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. От этого прикосновения по руке Ливии, казалось, пробежал огонь, к горлу подступил комок. Пару секунд она не могла сглотнуть.

Наконец к Ливии вернулся дар речи:

— Значит, они заговорили. И что же они вам рассказали?

Конан изложил кратко, но не оставил за скобками ничего, что требовалось узнать. Когда она увидела, как тяжело поводит плечами северянин, почувствовала исходящий от него запах пота и засохшей крови, — наверняка чужой! — то поняла, что даже этот железный киммериец может устать.

— Ну, Конан, "благодарю тебя" — это только слова, да притом слабые, — сказала наконец Ливия. — Когда я чуть больше соберусь с мыслями, то придумаю какую-нибудь награду получше для тебя и для твоих бойцов. А теперь мы должны заняться подготовкой дома к визиту госпожи Дорис и господина Арфоса...

Конан перебил ее всего лишь покашливанием, но все же перебил. Ливия нахмурилась.

— Простите меня, госпожа Ливия, но, по-моему, вам следует отправить гонца в Дом Лохри и предложить им наведаться как-нибудь в другой раз. В крайнем случае завтра. А еще лучше — послезавтра.

Ливия постаралась не допустить в свой голос немилостивый холодок. И, увидев выражение лица киммерийца, поняла, что ей это не удалось. Конан, как барсук в своей норе, окапывался, готовясь к бою.

— Я знаю, что это поможет заставить их думать, что нас ничто не может выбить из колеи. Но нашим людям надо обыскать дворец и прилегающий к нему участок. Кто-то ведь мог и забиться в щель, — может, случайно, а может, и нарочно. Что если он выскочит сегодня вечером и всадит нож в Арфоса?

Ливия кивнула:

— Но ведь госпожа Дорис использует свое знание о том, что с нами случилось.

— Пусть! — отрезал Конан. — Мне хотелось бы показать ей тела! Может, это достаточно напугает ее, чтобы развязать ей язык. Что-то связанное с ней заставило нашего врага думать, что мы поверили, будто она пытается похитить вас. И мне хотелось бы узнать, что же это такое.

Он говорил дело, но сказанное словно доносилось издалека, словно она находилась на дне глубокого колодца, а он стоял наверху. Она чувствовала на себе его взгляд, а затем северянин шагнул вперед и сильные руки обхватили Ливию. Киммериец обнимал ее как брат сестру. Он нес ее на руках в постель, как больного ребенка, затем укладывая и накрывая халатом...

— Отправьте гонца, капитан Конан. Госпожа Дорис может подождать...

Наблюдая за тем, как караван Дома Лохри вливается в ворота дома Дамаос, Конан с удовольствием дал бы госпоже Дорис подождать еще месяц. Ее люди будут шнырять по всей территории, как стадо обезьян. К тому времени, когда они уберутся, любые оставшиеся следы прошедшего две ночи назад нападения будет так же трудно найти, как кости атлантов.

Конан с Резой сделали все, что могли. За любым из людей Дома Лохри, который забредет в сад, будут следовать по пятам, на почтительном расстоянии, но тем не менее по пятам. Всех будут развлекать по-царски, насколько позволяли дворцовые запасы пищи и вина, чтобы занять их делом насыщения и, наверно, развязать им языки.

Никто даже не заподозрит, что дворец недавно пережил отчаянную битву. Все поврежденное в бою либо починили, либо убрали. Каждый участок пространства, где хватило бы места укрыться затаившемуся убийце с кинжалом, тщательно обыскали и либо замуровали, либо охраняли.

— Видят боги, мы сделали все, что в наших силах, — доложил Конан Резе. Перед самым рассветом они сидели за столом, ужиная разбавленным вином и ячменными лепешками, прежде чем отправиться спать. — Если богам не безразлично, то, возможно, они вознаградят нас,

запечатав уста госпожи Дорис. А если и нет, мы по-прежнему можем уповать на это. — Он хлопнул по рукояти меча.

Конан вспомнил, как мажордом тяжело кивнул, но вид у него при этом был болезненный. Киммериец гадал, не мог ли Реза ревновать к прочному положению, занятому в доме новым человеком. В доме, где много лет царил иранистанец. Конан видывал, как такие вещи в знатных семьях приводили к жуткой резне.

Если подобное случится и в этот раз, то какая-то часть той крови, возможно, будет его. И определенно не выиграет никто, кроме господина Акимоса. Значит, он будет при Резе держать язык за зубами, а руку — подальше от меча. Надо беречь себя для боя с настоящими врагами Дома Дамаос.

Теперь караван Лохри целиком прошел ворота. Конан следил, как один всадник слез с кобылы, нагруженной позолоченной сбруей, весившей почти столько же, сколько наездник. Попытка всадника изящно спрыгнуть с лошади обернулась тем, что он растянулся на свежеуваженной цветочной клумбе. И когда он поднялся, то являл собой весьма жалкое зрелище.

Госпожа Ливия подошла и остановилась рядом с Конаном. Она надела платье, которое можно было назвать простым только в том смысле, в каком прост кусок чистого золота. Сшитое из белого шелка с бледно-розовой каймой и перехваченное кушаком того же цвета, оно выгодно подчеркивало ее рост, ее грациозную фигуру и властную осанку. Ливии, решил Конан, следовало бы родиться дочерью какого-нибудь царствующего дома, той, кому суждено повелевать могучими царствами. Она, в общем-то, зря пропадала в этом городе купцов и их писцов с пальцами в чернилах!

— Приветствую вас, госпожа Дорис и господин Арфос, — поздоровалась Ливия. — Простите нас за вчерашнее послание и за сегодняшнее скучное гостеприимство. У нас было не все благополучно. — Госпожа Дорис открыла было свой широкий рот, но так и не произнесла на слова. Лицо у нее на вкус Конана было чуточку полноватое, то же самое можно было сказать и о фигуре. Только тогда Конан и заметил стоявшего рядом с этой женщиной нескладного долговязого паренька — нет, мужчину, при всей его неуклюжести. Несмотря на роскошную синюю тунику и оправленные в золото сандалии, выглядел он простым мальчиком на побегушках.

Таково было первое впечатление Конана. Затем он увидел, что взгляд этого нескладехи — должно быть, это и был Арфос — изучает дом и сады. Это был не пустой взгляд идиота, а цепкий взор внимательного человека, пытающегося обнаружить что-то необычное или неуместное. Конан видывал такие цепкие глаза на лицах опытных воров, когда те изучали дом, который собирались ограбить.

— Я понимаю, что не все было благополучно, — сказала госпожа Дорис. Ее голос подействовал на Конана раздражающе, как удары по камню хорошим мячом. — Но не понимаю почему. Ваше послание сообщало немногое. Тот колдун снова нанес удар?

То, как она произнесла "колдун", само по себе было оскорблением. Конан увидел, как раздулись ноздри у Ливии. Равно как и у Арфоса.

— Мама, она... э... госпожа Ливия... едва ли могла вместить в послание всю историю. Я хочу сказать — его же всякий мог увидеть, и тогда...

— В самом деле, — перебила Дорис. Рот Арфоса пару секунд оставался открытым, прежде чем он закрыл его. Конан увидел, что он краснеет как мальчишка. Скорей всего, парень весьма смешленый, вот только мамаша держит его под каблуком, поэтому он и прикидывается этаким простачком. Неплохо было бы поговорить с этим парнем наедине, если для поисков его не понадобится копаться под юбками госпожи Дорис!

— Это чистейшая правда, — согласилась Ливия. — И потому предлагаю вам пройти в дом. То, что мы должны сказать, — не для посторонних ушей.

— Но вокруг никого, кроме солнца в небе, — возразила Дорис.

— Но солнце припекает, — заметила Ливия. — А наши слова и без того могут стать достаточно накаленными.

— В самом деле? — переспросила старшая женщина. Ее густые черные брови изогнулись, так же как и ее губы. Конану показалось, что Ливия слегка кивнула.

— Сударыня, вы оскорбляете этот дом, — процедил он сквозь зубы. — Вы считаете, что во дворце вам грозит опасность?

Дорис, похоже, возмутилась:

— Кто этот здоровенный невежа?

— Капитан Конан — кондотьер, он служит со своими воинами Дому Дамаос, — отчеканила Ливия, рассекая это возмущение, как разрезающий яблоко серебряный нож. — Если бы не его помощь, то план того, кто б там ни стремился меня похитить, наверняка удался бы. — Ее голос не оставлял никаких сомнений по части ее подозрений.

Дорис снова лишилась дара речи. К счастью, у Арфоса хватило ума увидеть в этом свой шанс, — не иначе как у него уже был опыт по этой части, подумал Конан.

— Мама, я не могу себе представить никакой опасности для тебя со стороны такого старого и почтенного Дома. Если ты желаешь войти, то я займусь слугами. Кого ты возьмешь с собой?

Дорис, похоже, сообразила, что стоять тут с открытым ртом значило преподносить противнице победу на блюдечке. Она отбарабанила полдюжины имен. Арфос повернулся, собираясь уйти. Конан неуклюже отвесил поклон:

— С вашего разрешения, госпожа, я хотел бы сопровождать господина Арфоса и позаботиться об удобствах слуг Лохри.

Ливия кивнула. Дорис выглядела так, словно предпочла бы оставить сына на милость змеи, но хозяйка дома уже протянула ей руку. У нее не оставалось никакого иного выбора, кроме как принять ее и исчезнуть за большими дверями в тенях входа.

Конан не стал дожидаться ухода женщин. Он уже спускался по лестнице, шагая так быстро, что господин Арфос чуть не споткнулся, пытаясь не отстать от киммерийца. После этого Конан замедлил шаг. Этого юношу требовалось держать в хорошем настроении, если он хочет развязать ему язык без помощи вина. Нельзя сказать, что Конан постеснялся бы прибегнуть к вину, если б это понадобилось. Но даже дурак вроде Арфоса поостережется пить слишком много хмельного.

Две аристократки просидели наедине большую часть вечера. К тому времени когда Дорис появилась вновь, Конан был уверен в двух вещах. Во-первых, в том, что у господина Арфоса очень крепкая голова, или же очень неболтливый язык, или, возможно, и то и другое. А во-вторых, в том, что этот молодой человек был далеко не так глуп, каким казался — или желал казаться.

Почему Арфос этого желал, Конан не знал. Его опыт знакомства со знатными домами говорил ему, что тут может быть дюжина самых различных причин. Выбирать, которая из них подлинная, было бы гаданием на кофейной гуще, а госпожа Ливия платила ему жалование не за работу гадальщиком.

Вино, выпитое им, чтобы остаться на уровне Арфоса, крутилось в голове у Конана, когда он поднимался по лестнице в покой Ливии. Когда он добрался до верха лестницы, мимо него прошел торопливо шагавший человек — человек в доспехах Воителя со знаком главного архонта на шлеме и нагруднике.

Миг спустя Конан услышал донесшиеся из покоев женские рыдания. Заслышив эти звуки,

Воитель перешел на бег. Он сбежал по лестнице и выскошил за дверь прежде, чем Конан успел крикнуть стражам задержать его. Конан выругал Воителя самыми скверными словами, а затем постучался в дверь. На стук ответила одна из горничных:

— О, капитан Конан! Моей госпоже хотелось бы сейчас побывать одной. Она пошлет за...

— Я посылаю за вами сейчас, капитан! — донесся из-за двери голос, в котором он едва узнал голос Ливии. — И, Шерма, пошли за Резой.

— Госпожа...

— Сейчас же!

Конан услышал звон разбитого стекла, а затем новые рыдания. Горничная поспешила за дверь, чуть ли не с той же быстротой, что и Воитель. Конан толчком открыл дверь и вошел в покой Ливии.

— Вы посылали за мной, сударыня?

Ливия подняла покрасневшие глаза, вытерла нос и кивнула.

— Простите меня, капитан. Мне не следовало бы быть такой слабой, но...

Если за это в ответе госпожа Дорис, то Конан поклялся, что наведается к этой женщине, положит ее себе поперек колена и отшлепает ее как следует, пока ее задница не будет такой же красной, как глаза Ливии. Если уж это не улучшит ее манеры...

— Капитан, госпожа Дорис отрицает, что она имела какое-то отношение к тому нападению. На этот счет я не сомневаюсь в ее словах. Но она также отказывается сказать хоть слово о том, кто мог желать посеять рознь между нашими домами.

Конан нахмурился. Хоть пьяный, хоть трезвый, этот господинчик Арфос тоже говорил мало. Однако кое-что из этого малого заставило Конана гадать, не был ли он больше озабочен торжеством правосудия, чем, похоже, была озабочена его мать. Возможно, это было всего лишь актерской игрой, игрой, которой он надеялся обмануть здоровенного тупого скота-киммерийца. Но если это не игра, если Арфос был серьезно заинтересован в сватовстве к Ливии на собственных условиях, а не на условиях своей матери, то из этого могло что-то выйти.

В то же время, насколько мог судить Конан, его хозяйку беспокоила не только неразговорчивость госпожи Дорис. Он принес воду и чистое полотенце, и к тому времени, когда появился Реза, Ливия уже умыла лицо.

— Я направила прошение архонтам, прося допросить наших пленников и вызвать на допрос господина Акимоса. Я надеялась, что госпожа Дорис присоединится к моему прощению. Для нее это даже более выгодно, чем для меня, она могла бы очистить таким образом свое имя.

Архонты отказали в просьбе. Они утверждают, что, хотя наш дом подвергся незаконному вторжению, мы не имели никакого права принимать на службу капитана Конана и его людей.

— Кром!

Реза пробормотал по-иранистански что-то подлиннее, но едва ли подобнее. Ливия кивнула:

— Поэтому из-за того, что два нарушения закона уравновешивают друг друга...

— Клянусь медными яйцами Эрлика! — прогремел Конан. — Кто ваши архонты, мужики или евнухи?! Неужели жителям Аргоса больше нечего делать, кроме как день-деньской создавать законы, мешающие честным людям защищаться?

— Давно известно, что похоже на то. — Голос у Ливии оставался ровным, но Конан заметил, что, закончив, она прикусила губу.

— Ну тогда давайте нанесем визит Акимосу, — предложил Конан. — Мы можем сделать его официальным визитом, пышным и аляповатым, как госпожа Дорис в ее наихудшем виде.

Реза, похоже, никак не мог решить: смеяться ему или гневаться.

— Это может нам кое-что сообщить, — продолжал Конан. — Или я могу взять с собой нескольких самых подходящих из моих ребят и нанести ему менее официальный визит. А это

может подсказать нам и того больше.

— Конан, то, что ты предлагаешь — глупость, — покачал головой Реза. — Вторжение во дворец Акимоса нарушит больше законов, чем я смогу насчитать пальцев у меня на руках. Во-первых, у тебя нет никакого права командовать твоими бойцами за пределами дворца Дамаос. Во всяком случае, если тебя не примут в ряды Воителей.

Кулак Конана грохнул по столу, так что чаши с вином подскочили.

— Чтобы их Митра утопил в навозе! Сколько времени потребуется, чтобы стать Воителем?

— Это не имеет значения, Конан, — возразил Реза.

— Капитан Конан, — ворчливо поправил киммериец. — Я задал вопрос.

— На который я могу ответить, — вмешалась Ливия. — Для поступления надо быть гражданином Аргоса или получить гражданство. Кандидат должен быть свободен от всяких пятнающих его имя преступлений и в состоянии внести залог в пятнадцать драхм.

На какой-то миг Конан истощил свой запас ругательств. Но отнюдь не истощил своей изобретательности. Он осушил половину чаши с вином, видя, что Реза хмурится, а Ливия сдерживает улыбку. А затем вытер тряпкой рот и усмехнулся:

— Отлично! Правители, архонты, стражники или боги, или еще кто-нибудь сказали, что нам делать с пленниками?

— Пока нет.

— Хорошо. Тогда почему бы не отправить их на лесоповал, где некий торговый магнат нашел меня? Уверен, купцы с лесозаготовок не станут возражать против новых рабочих рук для таскания бревен. После месяца такой работы у наших пленников, возможно, будет меньше сил для лазанья на чужие стены.

— Акимос наверняка выкупит их, — указал Реза.

— Пускай, — пожал плечами Конан. — Тогда у него будет поменьше драхм для найма новых, или для подкупа архонтов, или для любых других фокусов.

— Киммериец, ты заходишь слишком далеко, подвергая сомнению честность архонтов, — резко бросил Реза.

— Не так далеко, как заходят архонты, выбрасывая в ночной горшок честь нашей госпожи! — ответил Конан не повышая голоса. — Я еще никогда не встречал человека, которого нельзя подкупить, и не слыхал о таком!

— Успокойтесь, — вмешалась Ливия. — Реза, я хочу, чтобы ты командовал нашими людьми, препровождая пленников в горы. Возьми ребят потолковей, но убедись, что все оставшиеся будут подчиняться Конану.

Киммериец решил, что единственным, кто не подчинится ему, если дела и дальше пойдут в том же духе, может быть сам дворецкий. Если этот рослый иранистанец не ревновал к влиянию нового капитана на его хозяйку, то Конан никогда не видел ревности.

И это была не ревность из-за любовницы. Реза знал свой "чин" — Аргос сделал его хорошим слугой. Даже самый лучший слуга может ревновать, если кто-то помимо него приобретет влияние на его госпожу, как это сделал Конан.

Такого рода ревность могла привести к кинжалам в темноте столь же верно, как любая ссора из-за какой-нибудь кабацкой шлюхи. И к тому же при ссорах из-за кабацких курв обычно не бывает proximity какого-нибудь Акимоса, только и ждущего, чтобы сыграть роль шакала.

— Сударыня, — сказал Конан, — отправить пленников в горы — это была всего лишь мысль. И если это означает, что придется разделить наши силы, когда мы не знаем, с чем столкнулись, то, наверно, это была не самая лучшая моя мысль.

— Это так же верно, как... — начал Реза. Ливия снова прервала недовольное ворчание дворецкого:

— У этого торговца лесом наверняка ведь должен быть в Мессантии какой-то торговый агент? И тот представитель наверняка ведь должен иметь право нанимать им рабочих и охранников, если те понадобятся?

Реза умел понимать, когда его обошли с обоих флангов.

— Вне всяких сомнений, госпожа. Я узнаю. С вашего разрешения?..

— Пожалуйста, пожалуйста. Чем раньше, тем лучше, прежде чем тот, кто подослал этих угодивших в плен, решит попробовать выручить их.

— Посланные на выручку всего лишь присоединятся к своим друзьям, — сказал Реза. Он улыбался Конану, когда откланивался, но улыбались у него только губы, а не глаза. Повинуясь знаку госпожи Ливии, Конан сел и налил себе еще вина. Сомнений нет — ради выдержаных вин Аргоса почти стоило потерпеть аргосийские законы!

Глава 8

Плодородные равнины с возделанными полями давно уже остались позади. Дорога круто поднималась вверх и уводила в предгорья.

Лигу назад тракт был еще достаточно широк для проезда отряда конных Воителей, двигавшихся колонной по четыре в ряд. Теперь же ширины едва хватало для проезда двух лошадей. По обе стороны тянулись то бурье, заросшие жесткой травой болота, то небольшие фруктовые сады, то заросли густого кустарника.

Места идеально подходили для засады шайки головорезов. Тем более что час уже был поздний, с западной половины неба исчезали последние остатки дневного света.

— Нам всю ночь предстоит ехать? — пробурчал Акимос. — Если да, то нам лучше позаботиться о фонарях, пока мы еще в состоянии найти кремень и кресало!

Поскольку свет убывал, Акимос не мог быть уверен, что именно выражало лицо господина Скирона. На нем, кажется, появилась улыбка, но, наверно, не столь насыщенная презрением к осторожности Акимоса.

— Нам осталось меньше четверти лиги пути, — уведомил его Скирон. — Я не забываю ориентиров.

— Ты способен разглядеть их в темноте?

— Тех, что нам нужны, да. Так что не зажигайте фонарей. Возможно, они и покажут нам дорогу. Но они могут и показать, где мы, любому бандиту в лиге от нас.

По хмыканью окружающих Акимос понял, что Воители разделяли мнение Скирона. Никому из них не улыбалось пробираться так вот, на ощупь, в темноте. Но никому из них также не улыбалось и драться с разбойниками, во всяком случае имея всего дюжину бойцов.

На западе в небе растаял малиновый цвет, за ним последовал и золотой. Небо над головой уже сделалось темнопурпурным, и на нем замерцали ранние звезды.

Акимосу показалось, что они, возможно, насмехаются над ним: мол, потащил их в такую даль от Мессантии на поиски неведомо чего, неведомо где, за чем мог отправиться, как известно, только дурак. Или по крайней мере человек, который предпочел бы показаться скорее дураком, чем трусом.

Он никогда не подаст вида, что слишком сильно доверяет своему ручному колдуну. Скирон походил на леопарда на цепи. Цепь могла порваться. Но даже если и выдержит, все равно дает зверю слишком много свободы для прыжка к горлу хозяина.

Акимосу требовалось посмотреть то, что подготовил Скирон здесь, в горах, и тут и делу конец. Он мог лишь молиться Митре, чтобы путешествие оказалось стоящим потраченного времени и чтобы ни боги, ни люди не ввергли в хаос его дела в Мессантии, пока он отсутствует.

К этому времени ехавшие впереди Воители спешивались и вели коней в поводу. Сержант Воителей обнажил меч и нащупывал им перед собой дорогу, словно слепой нищий своей палкой.

Акимос подумывал спешиться. Сидя верхом на коне, он чувствовал себя незащищенной мишенью, при всем том, что под шелковой курткой для верховой езды он носил кольчугу. Он также знал, что никак не мог надеяться развернуть коня и ускакать, оторвавшись от любой засады. Во всяком случае, не на дороге, которая теперь казалась такой же узкой, как любой глухой закоулок в Аграпуре, и такой же густо насыщенной отвратительной вонью.

Предупреждением Акимосу послужил только слабый шорох чего-то ползущего. Он выхватил меч, готовый рубануть по змее, когда дорогу перегородила упавшая сверху утяжеленная гириями сеть. Одна из гирь ударила сержанта по башке. Череп разлетелся, словно сброшенная с крыши дыня.

Когда меч сержанта с лязгом упал на дорогу, Акимос открыл рот, собираясь выкрикнуть приказ. Его язык, казалось, стал таким же негнущимся, как мертвая ветка, а в рот словно насыпали пригоршню песка. Слова подступили к горлу, но отказывались слететь с его уст.

Миг спустя Акимос понял, что его вот-вот вырвет. Ему предстояло не только закончить жизнь здесь, на этой дороге, погибнув от рук бандитов. Ему предстояло закончить ее на глазах у всех людей, знавших, что он трус.

Эта мысль была еще чернее, чем дорога. Она настолько поглотила рассудок Акимоса, что он не увидел, как с увешанных мхом деревьев по обеим сторонам дороги спрыгнули темные фигуры.

Он также не увидел, ни как господин Скирон высек искры, ни как искры эти упали на трут, лежавший наготове в медной чаше. Трут занялся, пылая зловещим багряным светом, похожим на змеиный глаз.

Скирон поднял посох, и чаша поднялась вместе с ним на конце серебряной цепи. Из чаши заклубился дым, и свободная рука Скирона заплясала в его клубах. Дым заплясал в ритме с рукой колдуна. Какой-то миг тем, кто наблюдал за этим с затуманенным взором и умом, показалось, что дым образовал руны. Руны величиной выше человека, тянущиеся через дорогу и исчезающие в лесу по обеим сторонам.

В глазах у Акимоса прояснилось как раз вовремя, чтобы увидеть, как багряный свет хлынул из чаши, словно жидкость. Он заструился по дороге, поглощая ноги людей и лошадей. Одна лошадь пронзительно заржала, другая встала на дыбы, а ее всадник отчаянно вцепился в луку седла.

Губы его шевелились, когда он неистово молился, чтоб не угодить в этот демонический свет.

Свет потек дальше, добираясь до бандитов. Те, кажется, тоже молились или бралились, но до ушей Акимоса не долетело ни звука. Затем он сообразил, что рот у той лошади по-прежнему открыт, но ее пронзительное ржание тоже сделалось немым.

Акимос не мог сделать жеста для отвращения зла, не отняв одной руки от поводьев. Вместо этого он молился, словно с помощью чистого потока обетов он мог швырнуть свои слова богам, вопреки этому ужасному свету.

За исключением того, что этой ночью, на этой дороге, в присутствии этого света, казалось, что боги, возможно, и не существуют.

Вожак бандитов был храбрым человеком, хорошо дравшимся во всех армиях, из которых он дезертировал. Он не отступил, когда к нему пополз демонический свет. Он увидел, что один из его бойцов ткнул в него копьем и копье задрожало и осталось застрявшим, словно этот свет был крокодильей пастью.

Затем свет добрался до него. Он почувствовал ожог, который был вызван жаром, или холодом, или и тем и другим одновременно. Жжение не причиняло боли, и когда он опустил взгляд, то увидел свои ступни в грязных башмаках и ноги в драных штанах такими же, какими они были всегда.

Он выхватил меч и издал призывный крик. Услышал его, похоже, только ближайший к нему разбойник; он поворачивался, пытаясь снять с пояса палицу, когда сверху на плечо ему рухнула липкая серая масса.

Это была прядь мха с деревьев над ним, но прядь, наделенная демонической жизнью. Она уже собралась в ком размером с человеческую голову. Теперь же она извивалась, словно клубок змей, ползающих по лицу разбойника. Тот открыл рот, собираясь завопить, и мох перевалил ему через губы и зубы, забивая рот.

Глаза у вожака вылезли из орбит, когда он увидел такое, а рука конвульсивно сжала рукоять меча.

Выронив палицу, вцепившись обеими руками в мох, разбойник заметался как безумный. Он ничего не достиг, потому что мох внезапно, казалось, приобрел крепость медной поволоки. И он также ничего не сделал, чтобы помешать мху заползти ему на нос и в нос. Лицо его уже темнело, а тело изогнулось дугой, и он упал навзничь в свет. Он еще немного подрыгал ногами и произывался, а потом перестал двигаться. Наделенный сверхъестественной жизнью мох стек с лица покойника и пополз к разбойничьему атаману.

Вплоть до этой минуты вожак не терял смелости. Теперь же она улетучилась. "Если б свет помешал его ногам двигаться, он бы сию же минуту сошел с ума. А так — он вытягивал ноги, словно из грязи глубиной по колено. Он мог передвигаться, но ровно настолько быстро, чтобы оставаться впереди мха. Если сверху упадет новый — он обречен.

И все же край света подползал все ближе и ближе, быстрее, чем мох, и никакого нового мха не падало. Грязеподобное засасывание ослабло, а затем исчезло. Атаман рванул к границе света, пересек ее и почувствовал, как его башмаки застучали по твердой почве.

Он побежал, не заботясь о том, куда бежит, и даже на мгновение не оглядываясь на тех, кто остался позади него. Все равно он не мог спасти никого из своих бойцов, попавших в этот демонический свет. Что же касается его врагов, то стрела в спину могла быть милосердной по сравнению с его судьбой, если в夜里 бродило еще какое-то колдовство.

Ни стрелы, ни чары не преследовали бежавшего вперед по дороге атамана разбойников. В ста шагах от границы он остановился в тени дерева, после того как убедился, что на нем нет дьявольского мха.

Те из бойцов, что выскочили вместе с вожаком на дорогу, похоже, погибли. Но это были не все, кто шел за ним. Еще десяток бойцов ждали на другом фланге. Он не отдал никаких приказов, но если у них есть глаза на мордах, то они должны б увидеть судьбу своих товарищ и держаться подальше от дороги. Держаться подальше, за пределами чар, но нет, наверно, за пределами выстрела из лука.

Стрельба ночью всегда была делом рискованным, с одинаковой вероятностью проткнуть стрелой и друга и врага. Но демонический свет показывал его и весь отряд так же ясно, как средь бела дня. Среди засевших на другом фланге имелось несколько хороших лучников, а утыканый стрелами колдун неважно наводит чары.

Атаман повернулся и двинулся вверх по склону. Еще пятьдесят шагов, и он скрылся за поворотом дороги. Теперь он ушел из поля зрения колдуна и его отряда. Он остановился, завидев молодой кедр, который отмечал начало сухого пути.

Разбойник потратил на его поиски некоторое время. В любую минуту он ожидал услышать дробь копыт и боевой клич товарищей колдуна — или даже какие-то слова, которых не следует знать ни богам, ни людям, когда колдун прочтет еще одно заклинание.

Поэтому неудивительно, что, когда разбойничий атаман нашел тот кедр, он так и бросился к нему со всех ног. И также неудивительно, что он как-то не заметил трещину в земле, шириной с ладонь и протянувшуюся целиком поперек дороги.

Он споткнулся и попал ногой в трещину, поранив при падении колени и руки. Он выругался, поднялся и почувствовал, как что-то схватило его за ноги. Что-то обжигающее, и не слабеньким жжением демонического света. Что-то, казалось, в один миг спалившее ему мясо до костей, а в следующий миг растворившее и кости.

Когда он почувствовал, что жжение прогрызает себе дорогу вверх по его ногам, то завопил. И завопил еще громче, когда почувствовал, как его утаскивает в трещину. Он продолжал вопить, пока жжение не прогрызло себе дорогу до его груди и не растворило ему легкие.

Когда содрогнулась почва, целой оставалась только кисть левой руки атамана. Из трещины в земле заклубился дым таких цветов, для которых не существовало названий. Затем две стороны

трещины накренились друг к другу и трещина закрылась. Осталась только кисть руки атамана, лежащая ладонью вверх на почерневшем гравии, с пальцами, скрюченными в когти, и ногтями особенно отвратного серого оттенка.

Некоторое время, после того как замер вопль, Акимос не мог унять бившую его дрожь. Затем прошло еще больше времени, прежде чем его пересохшие губы и язык смогли произнести слова.

— Что это было?

Скирон пожал плечами:

— Одним богам известно, а они не отправляют ко мне посланцев.

— Сейчас не время для шуток!

— Простите, мой господин, — успокаивающе извинился колдун. Слишком успокаивающе, подумал Акимос. Он знает больше, чем готовы мне сказать.

— Я не сомневаюсь, что разбойники засели по обеим сторонам, готовые выступить сразу, как только их товарищи на дороге схватятся с нами. Мудрость такой тактики ясна даже колдуну.

— Скирон!

— Прошу прощения. Я только желал напомнить вам, что я не солдат.

— Да, а я не храмовый кумир, чтобы терпеливо ждать век-другой. Что вспомнило?

— Я бы предположил, что один из тех, что сбоку ступил в зыбучий песок или, возможно, наступил на змею. У здешних болотных гадюк яд не просто убивает, а жжет все потроха, как расплавленный свинец.

Это, насколько знал Акимос, было правдой. Так откуда же у него уверенность, что это не та правда, которую он искал?

Ниоткуда! Просто он знал Скирона слишком давно и слишком хорошо. К тому же этой ночью на дороге не могло быть никакой правды — в обычном человеческом понимании.

Господин Акимос собрал своих людей, велел им привязать тело сержанта к седлу его коня и двигаться дальше. Пока он этим занимался, на дорогу выскочила любопытная ласка, почуяла запах крови и кинулась к отрубленной руке атамана.

Ласка умерла от боли всего через несколько мгновений, но прежде, чем умереть, она убралась с дороги, вместе со своим намеченным ужином. Смелость господина Акимоса так и не подверглась испытанию зреющим отрезанной рукой. Там, где по дороге проходила трещина, не осталось ничего, кроме более мягкой полоски почерневшего гравия, которую было трудно обнаружить, не изучив дорогу ползая по ней на четвереньках.

Акимос, Скирон и остальные проехали по дороге, ничего не заметив, хотя висевший в воздухе едкий запах растревожил лошадей — они нервно фыркали и прядали ушами.

Глубоко под горами Великий Дракон пробудился от вековечного сна. Правда, в человеческом понимании это вряд ли можно было назвать сном, ибо чувства у Великого Дракона были отнюдь не человеческие.

Просто Дракон узнал, что уже не спит. Он также осознал, что некая малая частица его собственного естества, находящаяся где-то очень далеко, тоже проснулась. Частица не только проснулась, но и открыла путь к небесному миру и запасам пищи. Она даже нашла лакомый кусок небесной пищи и теперь поглощала ее.

Великий Дракон явственно ощущал, как его малая "половина" с удовольствием трапезничает. Если б для Великого Дракона подошли привычные земные понятия, то можно было сказать, что он почувствовал зависть к изолированной части.

В том, что для Великого Дракона выполняло работу мозга, сформировалась идея. Надо

добраться до изолированной части и узнать, что именно произошло. Возможно, есть шанс найти и другие "половинки". С ними тоже имеет смысл пообщаться. Это доставило бы удовольствие, естественно, в понимании Великого Дракона. Как хорошо, что время для трапезы может наступить вновь...

Для Великого Дракона век и минута не так уж сильно отличались друг от друга. И все же Дракон помнил, что такого долгого перерыва между трапезами не бывало никогда. То, что разбудило "половину" и позволило ей питаться, могло передвигаться. Оно могло даже добраться до самого Дракона.

Тогда будет знатное пиршество. А после этого уже не понадобится никакой помощи со стороны небесного мира, чтобы осознавать, искать и переваривать пищу, двигаться куда пожелаешь и размножаться сколько угодно. Великий Дракон задрожал от удовольствия, и эта дрожь передалась окружавшим его скалам.

Влажный камень пещерного пола задрожал под ногами господина Скирона. До него донесся с огромного расстояния грохот падающей скалы. С более близкого расстояния послышался шорох сыпавшегося из расселин песка и стук рухнувшего на пол сталагмита. Воитель, которого чуть не пристукнуло каменной сосулькой, выпучив глаза, отпрыгнул назад, положив руку на эфес меча.

— Спокойно, вы все, — призвал Скирон. — Скалы этих гор стояли еще с тех времен, когда на земле еще не жили люди. Но подземных ключей здесь навалом. Эти ключи подтачивают самый твердый камень, и он иногда падает.

— Если он падает на меня, мне наплевать, что его толкнуло! — пробормотал кто-то.

Скирон выругался себе под нос, жалея, что Акимос не обладал хотя бы половиной ума и смелости своих праотцев. Тогда он не предоставлял бы успокаивать своих трясущихся охранников колдуна, которого ждали более важные дела!

Что там Акимос наконец-таки сказал, Скирон ясно не запомнил. Запомнил он лишь, что голос торгового магната сделался таким же пронзительным, как у женщины, что не очень-то умоляло тревогу его охраны.

Каким-то образом Акимос все же нашел нужные слова. Он был, в конце концов, все-таки не дурак. Да никто не только утвердившийся, но и расширявший влияние Дома Перам и не мог быть таковым. Охранники отклинулись с воодушевлением, разгружая выючных животных и таская грузы по извилистым туннелям в более сухие пещеры наверху.

— В скале есть даже трещина выпускать дым от костра, — сказал Акимос, показывая на стену. Он рассмеялся: — Во всяком случае, дым обычного костра, в котором горит дерево или древесный уголь. Уж не знаю, что она делает с вонью от твоей магии.

— Я не ожидаю, что понадобятся такие заклинания, коль скоро мы укрепимся здесь.

Акимос нахмурился, и Скирон слишком поздно сообразил, что голос его выдал. Торговый магнат смерил его долгим и суровым взглядом.

— Они тебе не понадобятся? Или ты не осмелился наслать их?

— А чего тут опасаться?

— Ты никогда не слыхал о Драконах и еще называешь себя колдуном?

Скирон рассмеялся. Слишком поздно он сообразил, что его смех вызывает многократное эхо, раскатывающееся по лабиринту туннелей и пещер. Чтобы заговорить, ему пришлось подождать, пока эхо стихнет, а к тому времени лицо Акимоса стало напоминать грозовую тучу.

— Существуют некоторые сомнения насчет того, что Драконы — существа магические. Многие летописи указывают, что их создали последние маги-атланты.

— Возможно, они указывают это тебе, — парировал Акимос, — а для большинства из нас

— Драконы воняют злой магией.

— Мудрость их создала или магия, но они определенно давно повымерли, — отмахнулся Скирон. — Но я отнюдь не возражаю против того, чтобы люди верили этим сказкам. Тогда, возможно, они будут с большей охотой держаться подальше.

— Такие люди, как некий киммериец?

— Именно.

Скирон отвернулся, испытывая облегчение оттого, что это дело закончилось так легко. Он не желал, чтобы Акимос слишком любопытствовал относительно Драконов.

Тот вопль в ночи произошел не из-за обычной смерти. И вонь, что пристала к дороге, происходила не с болота и не от магии самого Скирона. А откуда она происходила, Скирон не знал.

Он таки знал, что Акимос избрал место для своего убежища в самом сердце той земли, где некогда бродили и питались Драконы. Если они вымерли или по крайней мере не ослабли, как и заклинания, которые привязывали их к этой местности, то от этого, возможно, и не будет никакого вреда. Иначе...

Однако это было делом, которое Скирон должен таить глубоко в сердце. Заговорить о нем — значит признаться в страхе, страхе, что его собственное мастерство куда меньше, чем он хвалился. Такого обмана Акимос не простит и не забудет, а без Акимоса что мог сделать Скирон с остатком своей жизни?

То есть при условии, что Акимос позволит ему пережить их расставание!

Глава 9

Послание от госпожи Дорис Лохри принес наемный посланник, которого ни госпожа Ливия, ни Реза никогда раньше не видели. Оно едва ли могло вызвать большее волнение, даже если бы устроило во дворце пожар. Госпожа Ливия прочла его первой, а затем вызвала Резу и Конана послушать, как она прочтет его вновь: "Если капитан Конан явится сегодня к резиденции Дома Лохри, то узнает о деле, жизненно важном для безопасности Дома Дамаос".

И все, за исключением печати госпожи Дорис, оттиснутой на надущенном воске. Ливия и Реза ручались за подлинность печати, а запах этих духов Конан помнил со дня визита госпожи Дорис во дворец Дамаос.

— Значит, все достаточно настояще, — заключил киммериец. — Она также ничего не сказала о явке в одиночку. Поэтому, думаю, мне лучше пойти.

Ливия открыла было рот, но Реза заговорил первым:

— Пожалуйста-пожалуйста, Конан. Я подберу трех-четырех лучших наших бойцов, а ты можешь подобрать столько же своих. Нам также лучше приготовиться отправить послание. Если это ловушка, то ты сможешь отправить с вестником узнанное тобой, даже если сам не сможешь ускользнуть.

— Я не один раз попадал по собственной воле в ловушки, расставленные ловчими лучше госпожи Дорис. Но я здесь. А большинство ловчих — нет. Если она расставила капкан для лисицы, то обнаружит, что поймала медведя.

Ливия наконец выдавила из себя несколько слов:

— Конан, капитан, это глупо! Госпожа Дорис едва ли может настолько доверять тебе, чтобы сообщить что-либо такое, что нужно знать этому дому. Если ты отправишься туда, грозящая тебе опасность будет велика.

— Когда господа устраивают заговоры, такая возможность есть всегда, — согласился Конан. — Но я был бы дураком, если бы наплевал и на другую возможность что-то узнать. — Он решил не упоминать о вероятной встрече с Арфосом. В своем доме наследник Лохри мог и отбросить осторожность и сдержанность.

— Ценой твоей головы и, наверно, голов тех, кто отправится с тобой! — отрезала Ливия. — А это больше, чем может заплатить наш дом, даже если ему пообещают само Главное архонство!

Реза нахмурился:

— Как сказал Конан, ему не будетгрозить большой опасности, если он отправится во главе восьми-девяти хорошо вооруженных людей.

— Но если госпожа Дорис откажется впустить охрану? — Ливия явно занимала твердую позицию для сражения.

— Вот тогда мы сможем подозревать, что Конана ожидает западня, — сказал Реза. — Мы можем также положиться на то, что он будет действовать разумно. Госпожа, простите за прямоту, но если мы не можем положиться на человека, обученного капитаном Хаджаром, то нам нельзя положиться ни на кого под солнцем.

— Я полагаюсь на Конана, и, вероятно, я должна положиться на твоё суждение о Хаджаре. — Ливия казалась вздорной и раздражительной, как девочка. — Но могу ли я положиться на тебя, Реза?

— Что вы хотите этим сказать, госпожа? — Тон дворецкого граничил с неуважительным.

Конан задержал дыхание и положил руку на рукоять меча. Ливия была готова открыто обвинить Резу в ревности к киммерийцу, и это скорее ухудшит, чем улучшит дело, так как Реза будет еще больше опасаться за свое положение, чем раньше. Если ревность возьмет в нем верх,

то дворец Лохри может оказаться безопаснее дворца Дамаос!

— Госпожа, — вмешался Конан. — Я думаю, мне лучше пойти. Даже если бы не было никаких других соображений, то госпожа Дорис будет оскорблена, если я не приду. А у нас и без того уже хватает врагов.

Ливия, закусив губу, кивнула:

— Тогда да будут с тобой боги, капитан Конан.

— Насчет богов не знаю, — усмехнулся Конан. — Но при помощи Резы хорошие бойцы и острыя сталь со мной будут! С вашего позволения, на них я полагаюсь больше, чем на богов.

Киммериец все еще чувствовал на себе взгляд Ливии, пока за ним не закрылась дверь.

Конан поднял руку, и десять шедших за ним воинов остановились. Водяные часы на фонтане посреди площади Клеткоделов говорили, что шестой час еще и наполовину не минул.

— У нас достаточно времени, чтобы чуточку затруднить работу любому, кто следит за нами, — решил он и показал на одну из улиц, ведущих к порту: — Идите туда, до самой улицы Лестницы. Мехас, ты знаешь этот квартал лучше всех. Веди их.

Боец из Дома Дамаос кивнул и вышел вперед. Когда он отошел за пределы слышимости, Конан сделают знак Джарензу:

— Иди впереди, рядом с ним. Держи меч в ножнах, но наготове. Если покажется, что парень нервничает, спроси его почему. Если тебе придется-таки поднять на него меч, пострайся, если можно, бить плашмя.

— Да, капитан. — Джаренз поспешил вперед. Он все еще берег ногу, раненную в лагере лесорубов, но передвигался достаточно быстро.

Конан поотстал, чтобы подтянуть тылы, когда инстинкты подсказали ему, что за ними следят. Он ничего не видел и не слышал, но он слишком давно и слишком успешно полагался на свои инстинкты, чтобы не обращать на них внимания.

Несколько сот шагов улица была настолько же хорошо освещенной и пустынной, как и большинство других в более богатых кварталах Мессантии. В тех районах города мало у кого бывали законные дела после наступления ночи. А те немногие, у кого были дела незаконные, не желали рисковать встречей с патрулем Воителей. Жизнь вора в Мессантии, по крайней мере в тех районах города, где стоило что-то красть, должна быть волнующей и, вероятно, недолгой.

Когда улица начала петлять, спускаясь к порту, патрули Воителей перестали попадаться на глаза. Огни стали немногочисленными и редкими, и вскоре дорогу освещали только луна, звезды да тусклые блики из окон вино лавки или борделя. На булыжной мостовой все чаще темнели выбоины и ямы, тут и там громоздились кучи мусора, жирно блестели лужи вонючей грязи.

Конан пожал широкими плечами под кольчугой. При всем свете и воздухе, хорошей еде и чистых постелях, в богатых кварталах Мессантии он не чувствовал себя как дома. Впервые увидевший города в качестве раба, а затем вора, северянин больше привык к обстановке бедных кварталов.

Когда в ста шагах впереди показался порт, Конан снова приказал остановиться. А затем сделал знак свернуть на запад. Это увлекло отряд направо. Тем временем Конан сумел не поворачивая головы осмотреть сразу три улицы.

Все они были тускло освещены, но по одной из них кралась вперед темная фигура. Конан увидел, как незнакомец прижался к стене. Потом, наверное, решил, что его никто не видит, и вновь двинулся вперед.

Конан жестом дал знать бойцам: "Приготовиться к засаде". Воины в арьергарде и авангарде будут теперь внимательно наблюдать за обеими сторонами улицы, а бойцы в центре — следить, не намечаются ли атаки сверху.

Улица петляла, как пьяная змея, а затем сузилась до такой степени, что Конан мог коснуться стен с обеих сторон. Вскоре мостовая пошла круто вверх. Отряд снова заспешил вверх по склону, ко дворцу Лохри.

За ними по-прежнему следили. Никакое менее острое ночное зрение, чем у киммерийца, не могло помочь наблюдать за отрядом, но следивший в этом отношении явно не уступал Конану.

Улица поднялась на четыре ступеньки, а затем расширилась. Впереди Конан увидел фонарь. А также увидел три поставленные пирамидой массивные винные бочки — и тонкую руку, протянувшуюся из тени выдернуть из этой пирамиды клин.

— Бочки! — проревел Конан. Он бросился вперед, добравшись до головы колонны, когда бочки с грохотом выпали из пирамиды. По крутым склону они стремительно покатились к воинам.

Конан увидел прислоненное к двери грубо обтесанное бревно. Он схватил его, уравновесил в обеих руках, а затем бросился преградить путь бочкам. Бросаясь, он ткнул бревном вперед, как копьем. Его затесанный конец вонзился под головную бочку, заставив ее застремляться и остановиться. Вторая бочка врезалась в первую, а третья — во вторую с такой силой, что та вскрылась. На улицу хлынуло вино, смывая с мостовой грязь.

— Хорошее вино пропадает зря! — весело крикнул Джаренз.

Прежде чем Конан успел обругать его и велеть заткнуться, из переулков слева и справа высypали люди. Так же как и с улицы позади колонны.

Киммериец опять схватил бревно. Когда он рывком высвободил его, две оставшиеся бочки покатились вновь. Покатились они прямо вниз по склону, туда, где улица переходила в лестницу. Из четырех поднимавшихся по этой лестнице людей бочки сшибли троих. Они вопили, когда бочки выдавливали из них жизнь, а Конан сделал бревном финг в сторону последнего уцелевшего.

Этот малый отрыгнул в сторону, но не удержался на скользких от вина камнях, грохнулся и расколол себе череп.

К тому времени отряд Конана и напавшие на них уже все вступили в бой и основательно перемешались. К Конану бросились двое. Не теряя зря времени на избавление от бревна, он поднял его повыше навстречу их рубящим ударам с размаху. Оба меча застремлялись в дереве. Конан крутанул бревно, вырывая оружие из рук владельцев, а затем швырнул бревно и мечи прямо в морду противникам.

Те отлетели назад и врезались в стену. Один съехал по стенке на землю и лежал под бревном, а второй выхватил нож. Он едва успел поднять его прежде, чем мелькнул меч Конана и отнял ему руку как раз ниже локтя. Его тонкий визг затерялся в шуме боя.

Шум этот вскоре начал стихать. Атакующие, должно быть, ожидали, что бочки рассеют людей Конана, а некоторых из них, возможно, даже покалечат. А вместо этого они увидели, как киммериец, особо не напрягаясь, единным духом вырвал шестерых из их числа.

Что б там они ни ожидали, все получилось наоборот. Большинство нападавших, которые еще могли бежать, так и сделали.

Двое вбежали в один из домов и захлопнули за собой дверь. Конан увидел, как трое его ребят подняли упавшее бревно и приспособили в качестве тарана. Северянин решил помочь и тоже схватился за бревнышко. Оно мигом вылетело у парней из рук и загремело по камням. Ребята повернулись и недоуменно уставились на Конана.

— Ладно! У нас нет времени гоняться за этими безродными псами! Вышибание их двери наверняка нарушает какой-то закон, придуманный аргосийцами, когда те напились скверного вина!

Кондотьеры весело ухмыльнулись. Киммериец повысил голос:

— Собраться и устроить перекличку! Пострадавшие у нас есть?

Откликнулись сначала двое. Потом подал голос Джаренз. Конан опустился на колени рядом с ним, губы киммерийца гневно сжались, когда он увидел бледное лицо юноши и зияющую на бедре рану.

Он ничего не сказал — ему и не требовалось. Руки Джаренза слабо схватились за поясную сумку и сорвали ее.

— Вандару... немного... поможет ему с той девушкой. Первой... за кем он ухаживал...

сам. — Джаренз улыбнулся. Правда, улыбка больше походила на оскал черепа.

— Сожалею, капитан, — добавил он. — Не думаю, что я... свершил свою долю. Надеюсь, боги...

Что Джаренз надеялся получить от богов, Конан так и ве узнал. Глаза юноши медленно закрылись, и миг спустя он испустил дух. Киммериец поднялся, вытирая окровавленные руки о тунику мертвого врага.

Что ж, Джаренза к жизни уже не вернешь, да и брату его боль потери не облегчишь. Однако это не удержит Конана от кровавой мести тем, кто устроил засаду.

— Сделайте носилки, — резко скомандовал Конан. — Джаренз отправится с нами.

Дворец Лохри был даже побольше резиденции Дамаос, хотя и не таким ухоженным. Заросшая вьюном глухая стена выходила в небольшой парк.

Конан послал одного бойца залезть на крепкую ветку дуба в том парке, а второго — сидеть на стене, где ржавели себе железные колья. Оба возражали, причем дамаосец столь же громко, как и конановец.

— А я-то думал, что капитан здесь я, — скромно подивился киммериец. — Если вы хотите это оспорить, попробуем это на мечах? — Две головы чуть не упали с плеч, настолько энергично оба отрицали подобные честолюбивые планы.

— Хорошо. Тогда держите ушки на макушке, а язык — за зубами. Нам нужен кто-то вне дворца сгнать с сообщением, если такое будет. Войдя во дворец, мы поставим человека на крышу отправить это послание. Последние двое могут, если им угодно, спрыгнуть в сад и погибнуть или уцелеть, после того как они отправят то сообщение. Если они завалят это дело, то им лучше бежать в Кхитай. Где-либо ближе я их могу и найти.

Дамаосец рассмеялся.

Улыбка киммерийца содержала мало веселья.

— Ты хочешь делать ставку на то, что я оставлю тебя безнаказанным только потому, что погибну?

Оба, похоже, нешибко стремились столкнуться с мстительным духом киммерийца. Когда Конан повел к воротам оставшихся семерых живых и одного мертвого, они уже были на местах.

Двое часовых у ворот были ростом примерно вдвое меньше Конана и достаточно старыми, чтобы годиться ему в отцы. Если и планировалась какая-то западня, то они в ней не участвовали. Они изучали печать на послании и пропуск, полученный от Воителей, так, словно там могла скрываться тайна вечной молодости. Это дало время Конану в свою очередь изучить их.

Часовые эти выглядели не только слабо подходящими для боя, но и слабо экипированными — от замызганных ремешков шлемов до стоптанных сандалий; они смахивали на людей, которых Конан после первого же взгляда выгнал бы из своего отряда.

Ветшающие, заросшие стены. Часовые, выглядевшие так, словно спали на посту, если не на улицах. И госпожа Дорис, горящая желанием сочетать браком своего сына с госпожой Ливией, владелицей одного из самых крупных состояний в Аргосе.

Если Конан и сомневался прежде, какого рода интрига здесь затевалась, то теперь его сомнения отпали. Он также поклялся, что когда отомстит за Джаренза, то займется нанесенным госпожой Дорис оскорблением Дому Дамаос.

А если тех людей подослала сегодня ночью госпожа Дорис, а не Акимос или какой-то его друг? Руки Конана сжали ржавые прутья ворот так, словно те были горлом. Ему обычно нелегко давалась мысль о причинении вреда женщине. Но что касалось женщины, чье вероломство стоило жизни присягнувшему ему бойцу, — он найдет способ расквитаться с ней.

Эта клятва превратила его лицо в еще более мрачную маску, чем прежде. Часовые поспешили отскочить в стороны, когда киммериец провел своих людей через открытые ворота и повел по заросшей сорняками дорожке ко дворцу.

— Госпожа Дорис примет вас в Янтарной комнате, — сообщил дворецкий.

Конан кивнул. Дворецкий был почти таким же рослым, как киммериец, но достаточно старым, чтобы годится ему в деды, почти лысым и толстобрюхим. В войне он мог принимать участие только одним способом, решил Конан, — послужив снарядом для осадной машины. Он, несомненно, почти любую крышу пробил бы одним лишь чистым весом!

— Она сказала когда? — спросил Конан.

— А, молодые воины так нетерпеливы, — негромко рассмеялся дворецкий.

— Я спрашивал не об этом, — начал злиться Конан. — Если ты не знаешь или твоя хозяйка не знает, то ты не опозоришь дома, так и сказав. — Он нахмурился: — Однако если ты заставил нас ждать, словно попрошаек, то это может принести дому большее чем позор.

Конан предоставил воображению дворецкого самому дорисовывать, что может означать это "большее". И не был разочарован. Слезящиеся глаза дворецкого расширились, и он тяжело повернулся. А затем исчез, взлетев по лестнице с такой скоростью, что киммериец только присвистнул от удивления.

Он вскоре вернулся, запыхавшийся и взмокший.

— Моя госпожа просит вас следовать за мной.

— А как насчет моих людей?

— Ваших? Они найдут гостеприимство в моих покоях, вино и еду. Если они желают принести тот подарок, который они притащили на кухню на пути к...

— Тот подарок — труп, — уведомил его Конан.

— А?.. — начал было дворецкий, а затем челюсть у него отвисла.

— Труп одного из моих людей. Убитого сегодня ночью в коварной засаде, когда мы приближались к дому.

Это слегка искажало правду: Конан был не прочь припугнуть дворецкого. Это могло так его напугать, что он скажет правду. Или так напугать, что он ударит куда глаза глядят, что будет тоже неплохо!

— Сомневаюсь, что он будет особо желанным гостем на кухне, — продолжал киммериец. — Мои люди оставят своего товарища с собой. Итак, госпожа Дорис, думаю, ждет наверху?

Когда киммериец поднимался по лестнице, то все увиденное им рассказывало одну и ту же повесть о некогда могущественном доме, ныне павшем весьма низко и погружавшемся в ништу все глубже и глубже. Голые пятна там, где некогда висели gobelenы или ковры. Немногие оставшиеся ковры и gobelenы, выцветшие, протертые чуть не до дыр, в пятнах от плесени, — или все три беды сразу. Дыры, прогрызенные мышами или крысами, в покрытых богатой резьбой деревянных панелях. Слуги, по большей части либо старые, либо очень молодые, с исхудальными лицами, двигавшиеся крадучись, словно боялись кнута.

Конан вспомнил рассказы о пышном караване, приведенном госпожой Дорис при ее первом визите во дворец Дамаос. Сколько гобеленов продали, сколько слуг ели жидкую овсянку, чтобы оплатить наем всего этого великолепия?

По крайней мере, Конан начал понимать, почему госпожа Дорис вызвала его, а не Резу или саму госпожу Ливию. Варвар-киммериец мог и не знать, что означал этот обшарпаный и потрепанный дом. Если же он покажет, что знает, его можно заставить придержать язык взяткой или чем похуже.

Конан поклялся про себя, что если госпожа Дорис попытается запечатать ему уста золотом, то он испробует свой меч на некоторых предметах из ее мебели. Неужели все в Аргосе думали, что варвары с детства тюкнутые по голове, по крайней мере до тех пор, пока какой-нибудь киммериец не треснет их по тыкве так, чтоб вбить в нее немного здравого смысла?

Стены не дали никакого ответа. Равно как и дворецкий. Тот лишь остановился на лестничной площадке и показал налево:

— Дверь, инкрустированная янтарем, в противоположном конце этого коридора.
— Отлично.

Дворецкий явно ожидал серебра. Конан накрыл поясной кошелек широкой ладонью и покачал головой. Если с госпожой Дорис все пройдет хорошо, вот тогда он потратит немного серебра Дома Дамаос на развязывание языков ее слугам.

Дверь была не только инкрустирована янтарем, она была из дерева — цвета изысканного вина, — любовно вырезанного и отполированного до высшего блеска. Конан постучал, и звук от стука сказал ему, что эта дверь могла устоять и перед тараном.

— Кто там?
— Капитан Конан, по вызову госпожи Дорис.
— Войдите.

Дверь поддалась толчку, беззвучно распахиваясь на хорошо смазанных петлях. Как только Конан вошел, его сапоги утонули в толстом ковре, синем с выткаными серебром дельфинами. Он почувствовал запах фимиама, а также знакомых духов. Он поднял глаза и встретился взглядом с той, которая предпочитала эти духи.

Помимо духов ее тело покрывала еще кое-какая одежда, но не в таком изобилии, как ожидал Конан. Платье ее заканчивалось у середины лодыжек и оставляло голыми плечи. Спереди также шел разрез почти до талии, но его для приличия замыкала массивная золотая застежка, инкрустированная янтарем и крошечными изумрудами.

— Сударыня, — поздоровался Конан, отвесив свой лучший аргосийский поклон старшего слуги. Его нешибко волновали эти обычаи, но игнорирование их заклеймило бы его таки как варвара. С другой стороны, выполнение их так, словно он был прирожденным аргосийцем, удивляло людей и усыпляло их бдительность.

— Садитесь, капитан Конан.

Конан огляделся. В обшитой богатыми панелями комнате единственным местом, где можно было сесть кроме иола, являлось ложе из эбенового дерева, с пурпурными подушками, с балдахином, вышитым серебром. Не желая кричать через всю комнату, Конан занял место с краешку ложа.

— Итак, капитан Конан. Все ли хорошо в Доме Дамаос?
— Настолько хорошо, насколько можно ожидать, — кратко ответил киммериец.
— Вы все еще не знаете, кто нанес вам удар сначала магией, а потом и человеческими руками?

— Мы ищем правду, сударыня. Мне не по чину говорить больше. Во всяком случае пока не даст дозволения госпожа Ливия, а она сделает это, только когда будет готова нанести удар.

Госпожа Дорис сделала глубокий вдох. Это заставило ее платье плотно натянутся на пышной груди. У этой женщины был двадцатилетний сын, но сама она могла бы утверждать, что ей не более тридцати, и ей бы поверили. Оливковую кожу ее плеч пока еще не избороздили морщины, а в иссиня-черных волосах не видно ни одной седой пряди.

— Вы заставляете госпожу Ливию казаться похожей на змею, залегшую в засаде в ожидании добычи.

В первый раз за этот вечер в смехе Конана не содержалось никакой мрачности или насмешки.

— Госпожа Ливия из тех, кого я не хотел бы видеть своим врагом. Я добрую часть своей жизни прослужил солдатом, госпожа Дорис, и мало видел на службе более хитрых капитанов.

— И все же даже самому лучшему капитану нужно знать, кто его враг. Не так ли?

— Верно. Мы именно это и пытаемся узнать. В этом Дом Дамаос единодушен. А когда мы узнаем и сможем доказать это архонтам, то кто б там ни нанял бродячих чародеев — попробует достать корабль и удрать подальше из Аргоса.

— Но кто?

— Сударыня, вас мы не подозреваем. По крайней мере не подозреваем вас в нападениях на дворец.

Госпожа Дорис провела языком по полным губам. Конан чувствовал в ней предвкушение, интерес и нечто еще — нечто очень похожее на страх.

— Капитан Конан, если вы желаете моей помощи, то говорите откровенно. Что, по-вашему, я сделала против Дома Дамаос?

Конан повернулся к женщине:

— Сегодня ночью мы направились к вашему дому окольным путем, опасаясь шпионов. И все же за нами следили. На улице, — я не знаю, как она называется, но на ней лестница в четыре ступеньки.

— Улица Дитамбреса Ханыги, — произнесла дама чуть громче шепота.

— Хорошее название, — одобрил Конан. — На той улице на нас напало двунадесять ханыг. Даже ханыга может стать опасным со сталью в руке. Мы перебили по меньшей мере половину их. Но они ранили двух моих парней, а одного убили. Воинов, присягнувших мне как своему капитану, а Дому Дамаос — как охранники. Кто-то использовал серебро, чтобы купить сталь этих людей. У Дома Дамаос и у меня имеется теперь кровный счет к кое-кому...

Он оборвал речь, потому что госпожа Дорис сделалась настолько бледной, насколько позволяла ее кожа. Ее глаза превратились в огромные темные омыты, а одна щека неудержимо дрожала.

Дрожь распространилась и на губы. Чтобы скрыть ее, она прижала ко рту обе унизанные кольцами руки. Затем страдальчески вздохнула, покачнулась и упала. Она точно свалилась бы с ложа, если б Конан не поймал ее, обхватив могучей рукой за плечи. С такой же мягкостью, как если бы она была ребенком, он привлек госпожу Дорис к своей широченной груди и прислушался к ее дыханию.

Он ничего не успел услышать, потому что воздух тотчас же разорвали дикие крики:

— Пес!

— Убери свои поганые руки от нашей госпожи!

Потайная дверь с треском распахнулась, и через нее прыгнуло трое человек. Еще двое выскочили из-под кровати, а последняя пара влетела на веревках через окно.

Конан бесцеремонно уронил госпожу Дорис на ложе, когда вскочил на ноги. Он увидел, что ее грудь вздымается в такт дыханию, но глаза по-прежнему закрыты. Затем у него больше не осталось для нее времени, так как семь человек сомкнули вокруг него кольцо.

По крайней мере, теперь он знал, что в Доме Лохри водились и молодые, здоровые слуги. И они к тому же держали в руках сталь — короткие мечи, длинные кинжалы и одно копье, — да притом видавшую виды сталь. И все же они не выглядели столь уж крутыми, к тому же ребята не подозревали, с кем они столкнулись. Вожаком скорей всего был копьеносец. Он также глядел только на госпожу Дорис, как будто Конан был вооружен не более чем ивовым прутиком.

Его более длинное оружие делало вожака наиболее опасным для киммерийца и, следовательно, первым противником. Или лучше сказать "жертвой", так как один удар меча перерубил копье пополам. Второй удар был рубящим, винтом по ногам. Он пригнулся и напружиился, в то время как товарищи по обеим сторонам подходили поближе.

Они подошли чересчур близко, предлагая Конану мишень, по которой не промахнусь бы и слепец. Варвар перебросил меч в левую руку и молниеносным движением вмазал эфесом по морде одному из приблизившихся. Затем по инерции совершил пол-оборота, и кованый сапог угодил прямиком в промежность другого противника. Тот согнулся, как червяк на крючке, и рухнул на ковер, тщетно пытаясь набрать в легкие воздуха для вопля.

Вожак ткнул в Конана обрубком копья и выхватил нож. Конан перекинул меч обратно в правую руку и ударили клинком плашмя по руке с этим ножом. Вожак завизжал и выронил нож. Один из слуг рванулся к нему, рубанув одновременно Конана по ногам длинным кинжалом.

Конан позволил лезвию кинжала чиркнуть ему по коже, а затем снова резко развернулся, быстрее, чем мог уследить глаз. И его стопа каким-то образом встремляла между ног кинжалщика. Тот потерял равновесие, и, словно камень из катапульты, полетел на одного из товарищей. Оба смачно впечатались в стену.

Гобелен на этой стене изображал безупречную охотничью сцену — огромного тигра, утыканного стрелами. Он не умягчил стену для этих двоих. Оба растянулись без чувств, а гобелен сорвался с креплений и съехал по стене, накрыв их как коврик, брошенный на кучу мусора.

Конан перебросил меч из руки в руку, снова быстрее, чем мог уследить глаз, и рассмеялся. Какой именно поступок заставил двух последних слуг замереть как статуи, он так и не узнал. Они все еще пялились на него, когда госпожа Дорис ахнула и замахала руками.

Конан уважил призыв дамы. Заботливо взяв ее только за запястья, он осторожно помог ей подняться в сидячее положение. А затем снова повернулся лицом к семерым выведенным им из строя за время, какое примерно требуется на осущение половины чаши аргосийского вина.

— Конан... капитан... они? — начала было госпожа Дорис. Глаза ее чуть не вылезли из орбит, по мере того как она обвела взглядом покой.

— Если кто-нибудь из этих людей потерял хоть каплю крови, я лично перевяжу ему раны, — пообещал Конан. — Я не говорю, что все они будут еще до утра годными к бою. Если они вообще когда-нибудь были готовы, — добавил он, прожигая взглядом обе статуи.

Это оскорблечение заставило пару вздрогнуть. А затем они шагнули в разные стороны и подняли короткие мечи.

— Стойте! — приказала дама. — Я запрещаю поднимать любую сталь на капитана Конана. Или на его людей.

Вожак пришел в чувство и обрел голос:

— Госпожа, вы же сказали...

— Тогда я еще ничего не знала! Капитан Конан рассказал мне все. Убирайтесь! И возьмите с собой такое сообщение: пришедшие с капитаном Конаном должны получить гостеприимство Дома Лохри.

— Госпожа?..

— Что, кулак Конана сделал тебя еще более тупоумным, чем ты уже был? — резко бросила

хозяйка. — Наверно, мне следует попросить его ударить тебя еще раз, чтобы поставить тебе мозги на место!

При мысли о новом столкновении с киммерийцем у пяти из семи слуг, казалось, выросли крылья. Они подняли своих потерявших сознание товарищей и удрали, да так быстро, что устроили в дверях кучу малу и некоторое время бахтались на пороге, прежде чем выбраться.

К тому времени как они покончили с пробкой в дверях, госпожа Дорис смеялась так бурно, что застежка у нее на платье грозила сломаться. Наконец она опустилась спиной на подушки ложа, с платьем, задравшимся почти до колен, и провела обнаженной рукой по краю ложа.

Конан молча стоял, пока госпожа Дорис не испустила глубокий вздох и не села.

— Простите, капитан Конан. Полагаю, для вас это вовсе не так забавно.

— Да уж, — проворчал он. — Противно видеть бойцов униженными, выполняющими глупые приказы. А поскольку это ваши приказания...

— Мои приказы?..

— Сударыня, я сумею распознать западню, если таковая имеется! Они должны были, предположительно, отомстить за вашу честь.

Темные глаза были теперь полузакрыты и не встречались взглядом с голубыми, как лед, глазами киммерийца. Но госпожа Дорис кивнула.

— Так я и думал. А потом что-то пошло не так, как вы задумали, верно?

Снова кивок.

— Вы хотите рассказать мне или я должен вытягивать из вас слово за словом?

— В моем собственном доме? И каким оружием? — Она коснулась пальцами застежки на платье. Конан заметил, что с одного плеча оно соскользнуло еще ниже, так что теперь одна грудь обнажилась соблазнительным изгибом. Изгиб этот был столь же прекрасен, как и все прочее у хозяйки Лохри,

— Если я могу столкнуться с семью мужчинами без кровопролития, то уверен, что смогу действовать не хуже и с одной женщиной.

— Даже в рукопашной схватке?

Конан почувствовал, как кровь у него начинает закипать. Если он ошибся в значении этих последних слов, то тогда он ничего не понимает в женщинах.

— Даже что?

Госпожа Дорис встала, и ее рука поднялась к застежке платья. Ловкие пальчики заплясали, застежка расстегнулась, и платье открылось до талии. Быстрое движение плеч, и платье соскользнуло на пол.

Все было столь же великолепным, как и представлял себе Конан, начиная с груди, которая,казалось, прям-таки и ждала мужской руки. Кровь у него в жилах теперь казалась подобной расплавленному камню.

— Я вызвала тебя на рукопашную схватку, киммериец, — заявила дама и улеглась на ложе. — Ты отказываешься принять вызов?

— Я что, выгляжу полным болваном? — поинтересовался Конан, а затем страстно поцеловал ее, прежде чем Дорис смогла ответить на вопрос.

Глава 10

Стук не сразу разбудил. Когда грозила опасность, варвар спал столь же чутко, как любое дикое животное. Но он не смог расслышать стука, пока тот не стал громче храпа госпожи Дорис.

Когда же он стал-таки громче, киммериец проснулся мгновенно. С мечом в руке, он неслышно прошлепал босиком к двери.

— Кто там?

— Капитан, мне надо с вами поговорить. — Конан узнал голос Арфоса.

— Минутку. — Конан вернулся к постели, накрыл стеганым одеялом обнаженную госпожу Дорис, задернул занавески балдахина и принялся одеваться сам.

Когда Конан наконец отодвинул засов, Арфос нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Глаза у него налились кровью, как будто он встал с тяжелого похмелья, но запаха винного перегара Конан не ощутил.

Наследник Дома Лохри удовольствовался одним взглядом в сторону занавешенной постели и еще одним — в сторону Конана. А затем повернулся к двери. Рука Конана опустилась на плечо Арфоса.

— Погоди. Куда мы идем?

— Туда, где все сказанное останется между нами.

Конан оглядел комнату. Каких-то явных мест для подслушивания не наблюдалось, однако это означает, что враги менее хитрые. К тому же госпожа Дорис могла спать отнюдь не так крепко.

— Веди, но только не к новой драке, спасибо, с меня хватит.

Арфос рассмеялся коротким хриплым, лающим смехом:

— В доме мало людей, годящихся противостоять тебе, и ни одного готового на это. Я не смог бы устроить западню, даже если бы захотел.

Конан знал, что проваливающимся под ногами плитам, капканам, стреляющим, если задеть нить, арбалетам и другим подобным устройствам не требовалось никаких держащих их рук, чтобы быть смертельными. Он готов был положиться в столкновении с ними на свои инстинкты, свою правую руку с мечом и свою кольчугу, а в остальном предоставить заботиться богам, пока он пытается узнать тайны Дома Лохри.

Если такие есть, подумал он, — кроме той, что на ощупь, в темноте, госпожа Дорис кажется еще лучше, чем выглядит при свете, и знает все, что может знать женщина о том, как доставить мужчине удовольствие.

Арфос быстро двинулся по тусклому освещенным коридорам к двери, выходившей на винтовую лестницу. Он двинулся вниз, перекатывая через две ступеньки, с уверенностью, которой Конан никогда в нем не видел и никак от него не ожидал.

Наконец они подошли к двери из того, что казалось сплошным камнем, с вделанным в нее достаточно большим замком, чтобы запирать ворота крепости. Арфос достал из поясной сумки до нелепости маленький ключ и трижды повернул его в трех разных скважинах замка.

При последнем повороте замок пропел высокую пронзительную ноту, словно ваза из тонкого стекла. Каменная плита повернулась на бронзовой оси, оставив по обеим сторонам проемы. Чтобы пройти, обоим пришлось нагнуться, и кольчуга Конана заскрежетала по камню.

Конан не знал, что он ожидал увидеть в камере за дверью, но уж определенно не то, что обнаружил. Пол умягчали потертые, но удобные ковры. Три стены перечеркивали линии полок из сладко пахнущего дерева с вырезанными на нем цветами и листьями. А у четвертой стены стоял длинный стол из хорошего эбенового дерева, но простой, как столб, за исключением

инкрустированного серебром узора в одном углу столешницы. Конан приметил, что узор этот составляли древние руны ваниров.

Сами полки были заставлены дюжинами кувшинчиков — фарфоровых, стеклянных, керамических и даже глиняных с серебряными и медными затычками. В промежутках между сосудами Конан увидел кучи свитков, в иных случаях — побуревших от времени, ступки и пестики, кружки огненного вина и другие вещи, которых он не узнал.

Да он, в общем-то, и не желал узнать. Скажи ему, что тайна Дома Лохри заключалась в том, что господин Арфос колдун, Конан обозвал бы такого человека безумным.

Арфос уселся на стол, болтая длинными ногами, и усмехнулся:

— Похоже, вы обеспокоены, капитан. Вам дурно от запаха моих трав и зелий?

— Плох тот хозяин, который оскорбляет гостя своим первым же дыханием, — проворчал Конан. — Это закон во многих странах, а не только в Аргосе.

— В Аргосе также есть закон, гласящий, что никто не может заниматься колдовством.

— И вы ожидаете, что теперь, когда я увидел это, я буду держать язык за зубами?

— Да.

— Почему?

— По двум причинам. Одна в том, что это ни для кого не тайна, кроме моей матери и ее доверенных слуг. А вторая в том, что тут нет никакого колдовства. Все это предназначено для целительства. Ничего сложного вроде исцеления внутреннего кровотечения или раны в живот.

Арфос рассмеялся. Смех этот был куда более сердечным, чем можно было ожидать от этого почти сурогового долговязого юноши.

— Конан, от тебя трудно что-нибудь скрыть, не так ли?

— Если это что-то способное спасти меня и моих ребят, то да. Итак, ты целитель. Это и есть тайна Дома Лохри?

— Нет. — Арфос вдруг стал выглядеть чуть ли не пятнадцатилетним, и таким же неуклюжим и неоперившимся, каким его не так давно считал Конан. — Капитан Конан, я хочу, чтобы Ливия стала моей женой. Я хочу ухаживать за ней, как ухаживает мужчина за женщиной, которую любит. Не так, как хочет от меня мать, — в качестве способа подправить наше изгрызенное крысами состояние. Но как мне заставить ее понять, что я люблю ее? Как?

Конан никогда не бывал влюблен так, как, похоже, влюбился Арфос, но он достаточно часто видел такое в других, чтобы узнать этот недуг. Он прикусил язык, удержавшись от предложения Арфосу взять одно из своих зелий и убить у себя это желание!

Над Арфосом, вероятно, и так достаточно смеялись мать и ее слуги. Юноше будет очень приятно, если к нему отнесутся серьезно.

— Я слыхал, что некоторые женщины способны прочесть мысли мужчины, — усмехнулся киммериец. — Но мне неведомо, что Ливия — одна из них. Так почему бы не сказать ей самому?

Арфос выглядел столь же пораженным ужасом, как если бы Конан предложил ему спрыгнуть со стен Мессантии.

— Моя мать!

— Не говори матери...

— Она узнает. А потом она покончит с этим сватовством. Она хочет командовать мной так же сильно, как хочет заполучить деньги Ливии. Если она подумает, что я ускользаю из-под ее власти, мне не видать покоя. Она может даже обыскать весь дом и найти мое потайное убежище!

— А что важнее? Ливия или этот склад?

Арфос встал, с немальным достоинством:

— Капитан Конан! Если бы я не применил свои способности и средства для исцеления, то вам, возможно, пришлось бы расплачиваться с Воителями. А так — никто из людей матери

сильно не пострадал.

— За это можно поблагодарить и меня, — заметил Конан. — Я обычно не столь добр с людьми, которые подходят ко мне с обнаженной сталью.

— Мне тоже так кажется, — согласился Арфос. — Это еще одна причина, почему я хочу, чтобы вы были мне другом, капитан. Или по крайней мере тем, кому могу доверять. Нелегкое это положение — охранять свой тыл от родной матери.

С этим Конан не мог спорить и потому готов был поддержать тост, предложенный Арфосом. Вино оказалось не самым лучшим из всех, какие ему довелось попробовать в Аргосе, и разлили его в деревянные чаши, но Арфос позаботился выпить первым, чтобы Конан не подумал, будто вино отравлено.

— А теперь, капитан, думаю, вам лучше отправляться в путь, вам и вашим людям. В качестве последней части исцеления людей моей матери я дал им выпить сонного зелья. Прежде чем они проснутся, солнце будет уже высоко в небе. При удаче они лишь назавтра хотя бы вспомнят, как они получили свои раны и кто их исцелил.

Тон Арфоса сделал эту просьбу приказом. Приказом, которому, решил Конан, ему будет совсем не вредно подчиниться. У него имелись надежды снова переспать с госпожой Дорис. Его не особенно волновало, будет ли у них еще одна схватка в постели, как ни приятна была мысль о ней. Ему не очень-то хотелось покидать дом, не сказав несколько слов его хозяйке на случай, если действительно существовала какая-то известная только ей тайна, которая могла помочь Ливии.

Не имеет значения. Битвы редко разворачивались так, как замышляли их капитаны, и Конан теперь знал, что аргосийские битвы подчинялись этому правилу, даже когда никто и не прикасался к стали!

Глаза госпожи Ливии напоминали цветом ледяную пещеру в Ванахайме, когда они изучали Конана. И они также, казалось, делали покой этой дамы такими же холодными, как та пещера.

— Итак, капитан Конан. Вы потеряли одного человека и подвергли опасности остальных. Сами едва вырвались из западни. И все же говорите, что понятия не имеете об этой "тайне" Дома Лохри?

— Только предположение, сударыня. — С тех пор как он покинул незадолго до рассвета дворец Лохри, у Конана не нашлось много времени на обдумывание того, а что же, собственно, могла затевать госпожа Дорис. Почти все утро он занимался тем, что приводил своих воинов домой, подыскивал место для тела Джаренза. Он успел перекинуться парой слов с уводимыми Резой пленниками. А потом почти весь полдень — расстановка людей на посты, оставленные Резой, чтобы прикрыть все опасные точки. К тому времени, когда требование госпожи Ливии явиться к ней стало опасно игнорировать, сад уже окутывали вечерние сумерки.

— От предположений на войне мало толку, — бросила Ливия. — И отец, и опекун твердили мне об этом в один голос. Ты и сам говорил примерно то же.

— Я этого не отрицаю, сударыня.

— Тогда к чему строить нелепые догадки?

— Сударыня, иногда это самое лучшее, что может сделать капитан. По крайней мере он не будет просто сидеть и ждать, когда враг сделает следующий шаг. Если вы думаете, что выпадет такая удача...

Голубые глаза сузились, и Ливия провела языком по пухлым губкам. Конану казалось, что эти губы сделались краснее, чем прежде. И грудь Ливии, казалось, вздымалась еще более соблазнительно.

Конан покачал головой:

— Думаю, мы израсходовали примерно всю удачу, какую собираются подарить нам боги или еще кто-либо. Нам надо решить, что мы предпримем, как только вернется Реза.

— Согласна. Отлично, капитан. Я выслушаю вашу догадку, если вы скажете мне, почему у вас нет ничего лучше. Ведь после той драки у вас была возможность поговорить с госпожой Дорис, не так ли?

Язык Конана отказывался повиноваться ему. Комнату затопило молчание, молчание, похожее на воду. Оно текло вокруг Конана, затрудняя дыхание. В этом молчании он услышал донесшиеся из сада тихие переборы лиры.

Голубые глаза мгновенно сделались из ледяных горячими.

— Так! Ты провел ночь с госпожой Дорис, но не нашел ни малейшей возможности с ней поговорить?

Солгать Ливии Конан мог не больше, чем соврать богине. На самом-то деле он подозревал, что возмездие Ливии за ложь будет намного быстрее и вернее.

— Да. Боюсь, что когда мужчина и женщина...

— Кувыркаются в постели, пока не теряют всякий разум?

— Сударыня...

— Ну, не вижу, что еще тут можно было поделать. И не называйте меня нескромной. Я не желаю больше никогда слышать это слово. Женщине не требуется быть высокородной шлюхой, чтобы знать несколько истин о постельных забавах!

Нескромной Конан назвал бы Ливию в последнюю очередь, хотя бы лишь потому, что не желал, чтобы ему разбили голову кувшинчиком с духами. На самом-то деле самым лучшимказалось — помалкивать, пока ярость Ливии не поутихнет.

На это потребовалось некоторое время, и за это время Конан услышал, как его обзывают такими словами, какие швыряли ему в лицо лишь немногие женщины. За половину тех слов, какими обозвала его Ливия, большинство женщин заработали бы несколько крепких шлепков по заднице или окунание в ближайшую навозную кучу.

С Ливией было б неблагоразумным и то и другое — по крайней мере, прямо сейчас, — и Конан сохранял спокойствие еле-еле, пока у нее не иссякли и запас бранных слов, и дыхание. Когда она наконец рухнула в кресло, он даже рискнул взять веер и помахать им. Она не стала возражать, только подняла руку вытереть пот с лица.

Снова последовало долгое молчание, пока Ливия не совладала со своим языком.

— Конан, я не стану просить прощения. Если ты думал, что Дорис скинет вместе с платьем все свои тайны, — нет, так я тебя уже называла, не правда ли?

— Да, сударыня.

— Пока мы одни, тебе незачем называть меня так.

— Как пожелаете, су... Ливия.

Она выпрямилась в кресле, платье у нее при этом сползло с одного плеча, и позвонила, вызывая горничную. Когда горничная вышла с наказом принести вино и сладости, она сделала Конану знак пододвинуть кресло к ней.

— Итак, твоя догадка?

— Мое предположение состоит в том, что Дорис отнюдь не в дружбе с Акимосом. Когда вы встречались последний раз, она сказала тебе правду, но ты усомнилась в ее словах, верно?

У Ливии хватило приличия покраснеть.

— Я больше чем усомнилась в ее словах. Я обозвала ее — нет, не столькими словами, сколько обрушила на тебя. Но достаточно крепко.

— Ты хочешь сказать — чересчур крепко. Эта женщина испугана, а испуганные люди все равно что испуганные звери. Цапнут тебя совершенно ненамеренно.

— Конан, ты родился столетним старцем.

— Ливия, я родился киммерийцем. Это суровая земля, и ее первый и последний закон таков: дураки не доживают до старости.

— Подобный закон не помешал бы и нам в Аргосе. За исключением того, что у нас, как ты сказал, и так уже чересчур много законов.

Конан пожал плечами:

— Наверно, этот пошел бы вам на пользу. Но что касается госпожи Дорис — она хотела меня осрамить или, возможно, ранить, а не убить. Она думала, что я дурно влияю на тебя.

Когда я сообщил ей, что кто-то пытался убить меня и моих людей по дороге к ее дому, она была в ужасе. На этот счет я не мог ошибиться.

— Я знаю, когда кто-то шагает со скалы и обнаруживает, что никакого дна-то, куда можно упасть, нет и в помине. Вот такой и была Дорис. Она думала, что я освежую ее слуг из-за подозрения, что она приложила руку к тому покушению.

— Вот уж никогда бы не подумала, что она будет волноваться о слугах. Она пользуется дурной славой из-за того, что выбрасывает их вон, когда они вызывают у нее недовольство или становятся стары.

— Ливия, может, иногда такое и происходит. Но я готов поспорить на все вино в твоих погребах, что это в основном пущенный ею же слух. Просто таким образом никто не узнает, что у нее слишком мало серебра, чтобы держать прислугу.

— Бедная Дорис. — Затем голубые глаза расширились, и Ливия принялась дико озираться по комнате. — Бедная Дорис! Что я такое говорю? Конан, ты заразил меня безумием?

— Ливия, я...

— Обращайся ко мне, называя "госпожа Ливия", а не то потеряешь свое место у меня вместе со своими людьми. Ступай, и да научат тебя боги хорошим манерам, если мне это под силу!

Конан, нахмутившись, вышел. На самом деле он уже какое-то время надеялся, что его наконец отпустят, так как скоро должно было начаться прощание с Джарензом. Ему следовало теперь быть рядом с гробом паренька, а не здесь, в пышной палате, выслушивая свою вторую сумасшедшую за день.

Нет, не сумасшедшую, сообразил Конан, когда за ним закрылась дверь. Ревнивую женщину, что достаточно часто приводило женщину к тому же концу.

Лишь бы это был не его конец. Хватало и ревности Резы у него за спиной; если добавить к ней еще и ревность Ливии, то ему и в Стигии было бы безопаснее! Слава богам, что эта ночь предназначалась для распития хорошего вина с его бойцами, а не для беспокойства из-за женщин и их обычая!

Шпион неслышно крался прочь оттуда, где он подслушивал разговор госпожи с капитаном Конаном. Он чувствовал себя скорее так, словно танцевал, пел и опустошал кувшины с вином.

Это было нелегко, когда пришлось остаться в стороне той ночью, когда Акимос послал своих людей против этого Дома. Он видел своих друзей среди мертвых и еще больше — среди тех, кого отправили рабами в горы. Еще труднее было слушать, что говорили в покоях хозяйки.

Но боги улыбнулись, удача повернулась к нему лицом, способ представился, и теперь он не только услышал, но и увидел, что происходит. Если госпожа Ливия не испытывала никакого влечения к капитану Конану, то он вообще ничего не понимает в женщинах! Поскольку он некогда подвизался в качестве дамского угодника, обслуживая женщин, у которых имелось больше желания, чем красоты, то он считал себя весьма сведущим в этом деле.

Уж о чем, а об этом Акимос должен узнать. Это могло дать ему оружие, стоящее всех

потерянных им людей и еще десятка сверх того. Благодаря этому можно даже будет отомстить капитану Конану за тех друзей, которых этот мускулистый придурок убил или захватил в плен!

Шпион поспешил вернуться на кухню. Часы будут ползти медленно, прежде чем он сможет покинуть дворец и доставить свое сообщение. А до тех пор он не сможет ни петь, ни пить, и, в самом-то деле, даже улыбаться было бы неосмотрительно. Никак нельзя! Тем более, если улыбку может увидеть Реза или тот, кто настучит ему. Ведь тогда Реза непременно захочет узнать, с какой радости он улыбается.

Глава 11

— На пути у нас стоит Конан. Этого быть не должно. Акимос посмотрел на своего ручного колдуна, зная, что на лице — смесь замешательства и усталости. Узнать, что вышло из его попытки похитить госпожу Ливию, не доставило ни малейшего удовольствия. Сносить еще одну вспышку со стороны Скирона — того меньше.

— Почему? — бросил Акимос. Он не прожег взглядом колдуна, но его голос передавал его нетерпение ничуть не хуже. — Ты узнал, что он настоящий колдун, соперник тебе? — Если каким-то чудом все окажется именно так, то Акимос собирался переманить Конана на свою сторону, даже если это обойдется ему в тысячу драхм и половину кабацких девок в Мессантии. Скирону требовался соперник, чтобы он и дальше оставался честным — или по крайней мере не более бесчестным, чем его создали боги.

— Магии у Конана не хватит и подогреть миску супа, — презрительно фыркнул Скирон. — Но я не могу сказать всей правды об этом, так как дело это связано с мистическими тайнами.

— Тайнами или нет, но ты можешь по крайней мере выражаться яснее? Или я должен выслушивать загадки? Предупреждаю тебя, я не очень склонен терпеть последние.

— Как же мало терпения у этого великого мастера интриг, господина Акимоса!

Акимос отодвинулся, чтобы не поддаться искущению отвесить колдуну оплеуху. Он засунул большие пальцы за пояс и крякнул:

— У меня его достаточно, чтобы выслушать, из-за чего ты опасаешься Конана. Это все, что ты можешь ожидать в настоящее время.

— Отлично. В Конане есть какой-то сумрак. Сумрак и судьба. Если такой человек будет где-нибудь поблизости от наших дел — всех наших средств может не хватить, чтобы противостоять ему.

Акимос кивнул, больше из вежливости, чем в знак согласия. Скирон определенно казался искренне испуганным. Но торговый магнат подозревал, что страшил его больше осязаемый меч Конана, чем нечто столь мистическое и таинственное, как сумеречная судьба киммерийца. Вслух Акимос этого не скажет, так как Скирон не станет покорно сносить обвинение в трусости. На самом деле оно, возможно, и не совсем справедливо. Конан был в высшей степени грозным воином, и оставлять такого врага свободным действовать и впрямь было делом опасным. И дорогостоящим. Акимос еще не подытожил стоимость затыкания ртов родственникам убитых бойцов и выкупа пленников с лесоповала. На это уйдет больше драхм, чем он желал выложить, когда положение резко обострилось.

— Я поишу средства убрать Конана с нашего пути. Возможно, что он послужит нам лучше, оставаясь там, где есть. Но даже если это так, я позабочусь о том, чтобы он не помешал моей работе. Это в пределах разумного?

Скирон неохотно кивнул и вышел без дальнейших слов. Акимос проигнорировал эту грубость, пригубил вино и рассмотрел имевшиеся у него варианты выбора.

Шпион заслуживал доверия. Следовательно, Конана и госпожу Ливию не могло отделять слишком много дней от скандальной связи. Если же Конан будет заперт глубоко в караулке, то это может случиться не так быстро, если вообще случится.

Однако, а имело ли значение, действительно ли киммериец спал с Ливией? Слух об этом, распространенный на улицах, вызовет почти такой же скандал. Если девушка потом получит возможность восстановить свою репутацию достойным браком — с сыном женщины, на которой собирался жениться Акимос, — то разве она не ухватится за такой шанс?

Если она не дура и не распутница, то должна ухватиться. Тогда дело будет уложено для всех,

за исключением самого Конана. Он не доставит больших хлопот, так как Воителям в караулке можно будет заплатить, чтобы они смотрели в другую сторону. И тогда яд или кинжал ночью покончат с досадившим киммерийцем.

Акимос налил себе еще вина. Он и впрямь не утратил своей способности к интригам, если мог рассчитывать на столько ходов вперед. Ему, конечно, понадобится готовность госпожи Дорис, но его планы добиться ее едва ли могли потерпеть неудачу.

Теперь пора подумать о его друзьях среди Воителей. Кто лучше всех сработает против Конана и за наименьшее количество золота?

Конан инспектировал охрану ворот, когда к ним подошел строем отряд Воителей. Он сразу определил, что это не обычный визит.

Воители заявились числом почти в четыре десятка, во главе с двумя капитанами, причем один из них прибыл верхом. Конный капитан остался в седле, и Конан узнал Эльгиоса с Великого Моста.

— Воители Аргоса, по делу, затрагивающему госпожу Ливию и Дом Дамаос, — крикнул сержант отряда.

Конан принял свою самую официальную аргосийскую манеру держаться.

— Госпожа Ливия дома, но занята музыкой. Что я могу сообщить ей о деле?

— Оно касается капитана Конана, из ее охраны.

— Я и есть капитан Конан, — уведомил его киммериец, оскалив зубы. — Если оно касается меня, то незачем беспокоить госпожу Ливию.

— Тебя действительно зовут Конан из Киммерии? — переспросил сержант, близоруко щурясь поверх пергаментного свитка.

— Так меня зовут на моей... что это за бумажонка? А, моя гаранция выплаты залога. Она настолько хороша?

— Неуважение к Воителям! — выкрикнул пеший капитан. — Запишите это, сержант.

— А как насчет неуважения говорить человеку, что он лжет, называя свое имя? — спросил Конан вежливей, чем требовали его чувства. Его взгляд встретился со взглядом Эльгиоса.

Конан решил в пользу осторожности. В присутствии Эльгиоса у него мало шансов и захватить этих вояк врасплох, и обмануть их. А без захвата врасплох или обмана, тридцать к одному — неважное соотношение сил, даже когда этот один — выросший в горах боец-киммериец, а тридцать — выросшие в городе неженки-аргосийцы. Не говоря уж о проблемах, которые создаст для госпожи Ливии внушительная битва у ее ворот.

Эльгиос кивнул сержанту:

— Конан из Киммерии, ты арестован за незаконное присвоение прав, положенных только капитанам Воителей. Дальнейшие обвинения против тебя расследуются и могут быть выдвинуты. Тебя предупреждают, что все, что ты скажешь, может послужить основой для новых обвинений, и что сопротивляться Воителям в подобном деле является преступлением, наказуемым продажей в рабство. Ты предупрежден...

— Да болотные тролли побери все ваши предупреждения. — Конану думалось, что он говорит спокойно, но весь отряд отступил на два шага, за исключением некоторых, отступивших на четыре. Никто на самом деле не поднял оружия, но многие руки оказались ближе, чем раньше, к эфесам мечей и колчанам.

Игнорируя Воителей так, словно те провалились сквозь землю, Конан повернулся к охране ворот:

— Одного вестника — к госпоже Ливии доложить о том, что здесь происходит. Другого — к сержанту Талуфу. До моего возвращения считать его капитаном отряда Конана.

При этих словах некоторые из Воителей не сдержали улыбок. И тогда, словно это было написано в воздухе, Конан понял, что его не собирались выпускать живым.

Значит, мордобоя и драки не избежать. Но случится это все же не у ворот Ливии или еще в каком-либо месте, где вина за происшедшее ляжет на нее. Если Воителей можно так легко купить, у нее и без того хлопот хватит.

Конан подумал, что, наверно, ему следовало бы сказать Ливии о страсти, испытываемой к ней Арфосом. Тогда она могла бы считать его скорее другом, чем врагом. Само собой, ей понадобится какой-то способ связаться с ним без ведома его матери. Но если Арфос не сумеет найти такого способа, то уж Ливии-то это будет вполне по силам. Конан посмотрел на Эльгиоса:

— Можно мне зайти к себе за едой и одеждой?

— Только если с тобой отправятся четверо моих людей и обещают все, что ты принесешь, — ответил капитан.

Конан поклонился:

— Я не возьму на себя смелость просить госпожу Ливию терпеть такое вторжение. Если она ценит мои удобства выше чести своего дома, то она, несомненно...

— Что я несомненно сделаю, Конан? — раздался голос за спиной киммерийца.

Он медленно обернулся, хотя ему хотелось стремительно крутануться вокруг своей оси, и увидел Ливию, в плаще, поспешно наброшенном поверх домашнего платья. Ноги у нее были обуты лишь в расшитые розами комнатные туфли.

— Госпожа, — поздоровался Конан, подчеркивая титул. — Мне придется на некоторое время покинуть службу у вас, пока не будет завершено некое дело.

Он объяснил, встав так, что мог наблюдать одновременно и за ней, и за Эльгиосом. Сперва у Ливии задрожали губы и она вцепилась в край плаща. Затем она почувствовала, что Эльгиос следит за ней, как кот, изучающий птицу, выискивая любые признаки беспокойства. Конан увидел, как она выпрямилась, плотно сжала губы и сложила руки на груди. Ему снова подумалось, что он видывал и королев вдвое старше ее, не проявляющих и половины ее достоинства. Когда он закончил, Ливия кивнула:

— Капитан Конан, я подозреваю, что кто-то получил ложные сведения. — Она в упор посмотрела на Эльгиоса, который внезапно утратил способность встречаться с ней взглядом.

Конан чуть не рассмеялся.

— Я пришлю еду и одежду и все прочее, что понадобится для ваших удобств, — продолжала она. — Сержант Талуф будет равен по званию дворецкому Резе — если его не подозревают в том, что он помочился на розы Главного Архонта или в каком-либо подобном преступлении.

При этих словах засмеялся даже сержант, а Эльгиос несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, прежде чем покачать головой.

— Отлично. Тогда — да пребудут с вами боги, капитан Конан. — Ливия сжала ему руки, едва сдержавшись, чтобы не броситься киммерийцу на шею. Ему, со своей стороны, потребовалось героическое усилие, чтобы устоять на месте и не обнять ее.

Затем Конан вышел за ворота, рассмеялся, когда Воители отступили еще дальше, и собственными руками закрыл за собой ворота.

— Ну, друзья мои? Меня ждет милая прохладная темница, как вы обещали? Или мы весь день простоим на солнцепеке?

Акимос не выпил и не закричал от радости, когда пришло известие из Каравалки: "Конан-киммериец доставлен в целости и сохранности, заперт в доме Харофа".

Дом Харофа был самым нижним уровнем Каравалки, названным в честь древнего аргосийского бога смерти. Обычно его приберегали для приговоренных к смерти преступников,

но было истрачено достаточно золота, чтобы упрятать туда Конана.

И сделанное, в общем-то, нельзя назвать неуместным, решил Акимос. Киммериец обречен, даже если его судьба будет менее общеизвестной, чем участь убийцы или изменника. Но она будет не менее определенной. Даже его мышцы — да и его мозги — не могли помочь ему пробраться мимо ворот, охранников и других ловушек, поджидавших его на пути из дома Харофа.

Аргос больше не увидит Конана из Киммерии, кроме как в виде тела, найденного в подходящей навозной яме. После того, как слух о его скандальном романе с госпожой Ливией распространят по улицам, как помет бродячих собак.

Вместо того чтобы выпить и закричать, Акимос тихо спустился по лестнице в погреб к Скирону. Он не приблизился к двери, не говоря уж о том, чтобы постучаться к нему, так как доносившиеся изнутри звуки не вызывали никаких сомнений.

Мужчина и женщина, сплетенные в неистовой страсти. Или по крайней мере неистовой со стороны женщины. По звукам было трудно судить, как подходил к этому вопросу Скирон. Он явно был не из тех колдунов, кому требовалось для работы соблюдать воздержание, — да и вообще это относилось в основном не к колдунам, а к колдуньям.

Акимос, улыбаясь, повернул обратно. Поговорить со Скироном можно будет и в другой раз. Торговый магнат много раз внушал Скирону, как важно, чтобы зелье "Цветы желания" выполнило свою задачу. На этом зиждался весь его план в отношении госпожи Дорис. Так кто же мог обвинить колдуна в том, что он испытывал снадобье?

В окрашенном сумеречными красками саду перемигивались светляки. Западная сторона неба лиловела. Легкий ветерок доносил из порта песни и музыку из винных лавок.

Вечер этот был бы идеальным для госпожи Ливии, не будь она одна на крыше дворца Дамаос. Она не скажет даже себе: "Ах, если б со мной был Конан".

На глаза у нее навернулись слезы, когда она подумала о всей этой великолепной силе и смекалке, запертой в камере караулки. Да к тому же в камере в доме Харофа, — старые друзья семьи среди Воителей смогли сообщить ей хотя бы это.

Она спрашивала еще многое, но ничего не узнала. За исключением того, что было бы неблагоразумным проявлять излишнее любопытство относительно капитана Конана. Один человек так прямо и сказал. Другие всего лишь отводили глаза, но ей не требовалось никаких слов, чтобы знать, что они должны думать.

Ей было наплевать, шепчется ли весь Аргос, что они с Конаном были любовниками. Да пусть хоть кричат об этом с крыш и кораблям в море. Если она в состоянии что-то сделать для его спасения, то не позволит Конану томиться в тюрьме, не говоря уж о том, чтобы умереть.

Но что же предпринять? Она не могла выкинуть из головы мысль, что Реза мог иметь какое-то отношение к аресту Конана. Его ревность к ее благоволению по отношению к киммерийцу бросалась в глаза ничуть не меньше, чем его нос. Не привела ли его эта ревность к измене?

И если да, то какая у нее есть надежда наказать его? Сержант Талуф и другие из отряда Конана поклялись подчиняться Резе. Возможно, они доверяли ему. А возможно, они всего лишь отказывались разделять силы Дома Дамаос перед лицом врага.

Если так, то они поступали разумно. Она тоже поступит разумно, если последует их примеру. Но тогда все, что она ни сделает для спасения Конана, Реза может сорвать!

Она сжала камень так, что побелели костяшки пальцев. Она до крови закусила губу и наконец позволила слезам хлынуть из глаз и политься по щекам.

Когда слезы на глазах у нее наконец высохли, она позвонила, вызывая слугу. Появилась горничная Гизела.

— Вина, Гизела.

— Кувшин или чашу?

— Кто ты такая, чтобы указывать мне, сколько пить?

— Госпожа, чаша часто обостряет ум. Кувшин же всегда притупляет его. Разве всем нам не нужно сейчас не терять ума?

Ливия невольно улыбнулась. Не умри мать Ливии, рожая ее, у нее могла быть сестра того же возраста, что и Гизела.

— Похоже, ты уже говорила это прежде.

— Я спорила с Вандаром. — Гизела не покраснела. — Когда у нас нет более важных дел. — Она опустила глаза. — Это бывает не так часто, как я могла бы пожелать. Но я понимаю. Он будет долго отходить от смерти брата. Они не только родились близнецами, но и никогда не расставались до сих пор.

На глаза Ливии вновь навернулись слезы.

— Он отомстит за смерть брата. Мы все отомстим. — Она топнула по черепице крыши. — Я клянусь в том этим домом и всеми годами, что он простоял!

— Да будет на то воля богов, — поддакнула Гизела. — И — кувшин или чашу?

— Кувшин, но принеси две чаши и останься со мной. Возможно, если мы обе обострим свой ум, то можем начать осуществлять эту месть.

Шпион поспешил к двери в винный погреб. Одну руку он прижимал к животу, словно тот болел. Воистину мешочек с золотом Акимоса за пазухой его туники исцелит много болезней, если он доживет до дня, когда сможет потратить его.

Чтобы сделать это, ему надо выбраться из Дома Дамаос. Данная мысль могла быть написана огненными буквами. Она определенно была написана на лице Резы. Рослый иранистанец задавал слишком много вопросов. А когда он начнет находить ответы, то не замедлит найти и шпиона.

Некоторые, похоже, сомневались в преданности Резы. Ревнует к киммерийцу, говорили они. Может, он и не хотел низвержения Дома Дамаос, но если б он мог убрать киммерийца с дороги и спасти этот Дом сам?

Шпион рассмеялся бы, если б у него не пересохло в горле и не так частило дыхание. Да, Реза отдал бы свою кровь до последней капли, защищая хозяйку, даже если б Конан сделал ее королевой Киммерии. На самом деле, чтобы доказать эту преданность, он будет тем более готов пустить кровь любому, кого заподозрит.

Дверь в винный погреб легко открылась под ключом шпиона. Он шмыгал из тени в тень, прячась, когда не мог найти тени за самыми большими бочками. Продвигаясь лишь на несколько шагов за один раз, он все ближе подбирался к разыскиваемой им стене. Пол под ногами сделался липким, там, где с камней еще не соскребли оставшуюся после битвы кровь и огненное вино. Еще один рывок на дюжину шагов, и он будет у входа в пещеры. Он порылся в кармане в поисках ключа от потайного замка.

Когда его рука сжала ключ, железная клешня сжала ему запястье. Захват усилился, и теперь его держали две руки — одна за запястье, другая за шиворот туники.

Руки развернули его кругом так резко, что у него порвалась туника. Это не имело значения. Реза переместил захват на волосы шпиона и подержал его какой-то миг, так что их носы почти соприкасались. Ноги шпиона болтались в воздухе, и он ощутил ужасный позыв к рвоте.

Прежде чем этот позыв овладел им, он почувствовал, что Реза снова переместил захват. Одна гигантская рука держала его за шкирку, словно котенка. Другая же схватила его за пояс. Затем две могучие руки хлестанули шпиона, описывая им долукруг, шарахнув его головой о каменную колонну.

Он умер прежде, чем успел ощутить еще больший страх. Реза бросил труп и вытер руки о его одежду. На самом-то деле ему хотелось принять горячую ванну, скребя кожу, пока не покраснеет. Ничто иное не сможет избавить его от воспоминания о прикосновении к подобной падали.

Но это могло и подождать. Знали это только он и боги, но Дом Дамаос только что начал мстить своим врагам.

Глава 12

Ночью колдовство подкралось к Дому Лохри и его хозяйке.

Это было отнюдь не великое колдовство. В некоторых странах даже столь обнищавший клан, как Дом Лохри, держал бы на жалованье колдуна, для которого превзойти чары Скирона было бы детской игрой.

Но это был Аргос, где от любого колдовства остались одни воспоминания, а от великого колдовства и того не осталось. Обыщи госпожа Дорис хоть всю страну, от Рабирийских гор до Западного моря, то все равно не нашла бы никого, способного противостоять Скирону.

Это было небольшим достижением, но вполне реальным. Скирон сделался величайшим колдуном, какого Аргос не знал на протяжении многих поколений. И теперь его таланты, какие ни на есть, обратились против Дома Лохри.

Госпожа Дорис пробудилась в пустой постели от сна, в котором она вновь пережила часы, проведенные в постели с капитаном Конаном. Вот это мужчина, достойный десятка любых других, кого она знала!

Нет, лучше сказать любых троих. Киммериец, несомненно, был создан не из железа, а из плоти и крови, из которых можно было выжимать силы лишь до определенного предела. Но из него их можно было выжать больше, чем из многих, многих других, — и она многое отдала бы за возможность снова почувствовать, как могучий варвар прижимается к ней, как его вес давит на нее, в то время как она обвивает его руками и ногами и пытается сделать его вес еще тяжелее.

Из внешних покоев донесся пронзительный вопль. Дорис вскочила с постели, и при этом спальный халат соскользнул с ее плеч. Не обращая внимания на свою наготу, она прошлепала босиком к двери.

У нее не нашлось времени открыть дверь, как не возникло и надобности в этом. Та резко распахнулась, замок вылетел, словно стгнивший плод, с петлями, скрученными, словно змеи. Дверь ударила ее, швырнув на пол, полуоглушенную, пронзенную болью и испуганную. Затем пришел гнев, присоединившись к другим чувствам и частично изгнав их.

— Охрана! К госпоже!

Она возблагодарила богов за проницательность Конана, победившего ее людей, не калеча и не убивая их. Знай она, кто их так умело исцелил, она возблагодарила бы богов и за умение этого человека. Благодаря Конану и целителю ее дом был еще способен защищаться.

Ответом послужил новый вопль, а затем смех. Глухой, издевательский смех, — если бы большая акула умела смеяться, то могла бы издавать подобные звуки. Дорис попыталась встать, но ноги и дыхание подвели ее. Извиваясь по полу, она попыталась прикрыться ладонями.

Третий вопль. Он донесся из внешнего покоя, где дежурившая ночью горничная дергалась в руках чего-то огромного и невидимого. Она также теряла свои одежды, клок за клоком и начинала извиваться, охваченная несомненным желанием.

К тому времени когда горничная осталась нагой, голова у нее была откинута назад, глаза закрыты, а рот — открыт. Она, казалось, обнимала пустой воздух. Дорис уставилась на происходящее, желание вспыхнуло в ней столь стремительно и столь горячо, что прогнало страх.

Горничная издала последний вопль и рухнула на пол. Теперь Дорис нашла в себе силы подняться, а затем удержать себя на ногах, ухватившись за дверной косяк. Металл замка был горячим на ощупь, и она почувствовала запах дыма, так же как мускусный запах от впавшей в экстаз горничной.

Затем взгляд ее упал на лицо горничной. Там, где кожа была юной и свежей, она теперь стала дряблой и морщинистой. И морщины эти углублялись на глазах у Дорис. Молодость и

свежесть исчезли. Когда из уголка ее рта потянулась струйка крови, старость распространилась по лицу горничной, а затем равномерно растеклась и по ее телу. Дорис хотелось отвернуться, но ее глаза зажили собственной жизнью. Они оставались прикованными к телу горничной, пока оно не стало изможденным остатком прекрасной молодой женщины, какой та была до этой самой минуты.

А затем Дорис попыталась одновременно завопить и блевануть, так как кошмар на этом не закончился. Теперь тело горничной перешло из старого в могильное, а из могильного — в разлагающееся нечто, бывшее полупрахом, полуутратительной сукровицей цвета крови. Ветер швырнул в лицо Дорис этот прах, воняющий могилой, и она упала на колени, в то время как желудок у нее взбунтовался. По пятам за прахом прибыли страшные миазмы сукровицы, и все чувства у Дорис пошли кругом.

Она стояла на коленях у двери, пытаясь опустошить и так уже пустой желудок, скребя согнутыми пальцами по ковру и скуля, как угодивший в капкан зверек. Она не видела двух возникших прямо в воздухе огромных желтых глаз и черного тумана, растекшегося и заплясавшего вокруг этих глаз. Она не видела, как этот туман потек вперед, пока его передовые клочья не заиграли по ее голой коже. Затем она ощутила их прикосновение, холодное, как сама смерть, и пахнущее хуже всего, что ей доводилось чувствовать раньше. Прикосновение это она ощущала недолго, так как ее разум мог вынести лишь определенную нагрузку. Когда госпожа Дорис погрузилась в глубокое забытье, в покоях снова отдалось эхо ужасного издевательского смеха.

Конан сидел на скамье, составлявшей одну треть всей мебели в его камере. Другие две трети образовывали соломенный тюфяк и большое ведро, выполнявшее обязанности нужника.

Киммериец бывал и в тюрьмах похуже и в самом-то деле едва ли ожидал увидеть столь хорошую, как эта. Его опыт подсказывал, что люди, которым оставались считанные дни до встречи с палачом, редко наслаждались безграничным гостеприимством.

Еду и выпивку тоже давали удовлетворительную. Пить, правда, давали только воду, но та была достаточно чистой и почти свежей, а не полуутвердой от размножившейся зелени. Пища состояла из ячменно-бобовой каши с прячущимися в ней несколькими кусочками мяса величиной с палец. Мясо это годилось лишь на корм псам.

Конан съел свою полуденную порцию тюремной пищи, но некоторое время спустя прибыла обещанная корзина из Дома Дамаос. Должно быть, госпожа Ливия опустошила всю свою кладовую, так как охранник едва смог эту корзину поднять. Вино, сыр, колбаса, лепешка хлеба и булка, изюм и яблоки, и даже кувшин пива, — если он пробудет здесь меньше пяти дней, то едва ли вновь понадобится тюремная пища.

Сперва ему требовались только хлеб и сыр, но он знал, что ему нужно поддерживать силы. Возможно, у госпожи Ливии есть средства мирно вызволить его отсюда, но он не стал бы многим ручаться, бьюсь в этом об заклад, и уж конечно не своей жизнью. Поэтому он вытащил одну из колбас и отрезал кусок.

Сделав это, он увидел две вещи. Сначала — крысу, выглядывавшую из трещины у основания задней стены, затем — тонкий разрез с одного края колбасы.

Конан не испытывал ни малейшей любви к крысам, но эта была и впрямь жалким созданием, серым, малоподвижным и исхудальным. Такая и от мышки побежит, не говоря уж о кошке.

— Отлично, — молвил Конан. — Никто не скажет, что я отвернулся от нищего, когда мог поделиться едой. — Он отрезал дольку от разрезанного конца колбасы и кинул ее крысе.

Завидев еду, крыса умела двигаться быстро. Она, казалось, перехватила кусок колбасы прямо

на лету. Три откуса — и он исчез. Крыса понюхала пол, словно надеясь на новый. Конан принялся отрезать еще кусок.

Затем крыса завизжала, словно ее жарили заживо, она перевернулась на бок, затем на спину, подтягивая худенькие ножки к свалившейся шерстке на животе. Она извивалась и корчилась, в то время как изо рта у нее потянулась пестрящая зеленою пеной. Глаза ее, казалось, засветились от знания, которым не должно обладать ни одно смертное создание, а потом закрылись. Миг спустя она обмякла.

— Сгнои их боги!

След этой корзины вел через столько рук, что теперь одни боги знали, чьи это лапы отравили колбасу. И Конан не ожидал, что узнает это, если отправитель находится в этой тюрьме.

Но если негодяй скрывается под крышей Ливии, то Конан поклялся выбить из него эту тайну и свернуть башку.

Большинство жителей Мессантии удивились бы, узнав, что господин Арфос не выбежал с воплями из дома матери, едва там запахло колдовством. Даже знаяшие, что Арфос не так прост, каким кажется с виду, не ожидали бы от него этой ночной работы.

Арфосу повезло, что он бодрствовал в своем потайном кабинете. Он находился далеко от центра атаки Скирона и, когда она распространилась по всему дому, приготовился встретить ее.

Его знания целителя не включали никаких сведений о чарах. Обучивший его старый Кирос ясно дал понять, что ничему такому он учить Арфоса не будет:

— Без согласия вашей матушки ни в коем случае!

— Не бойтесь, учитель. С ней приступ случится, а может, и что покруче.

— В некоторых отношениях ваша матушка мудрее, чем сама понимает.

Теперь, мудра она или нет, его мать находилась в опасности, и Арфосу было вполне по чину применить для ее защиты те самые знания, которые она ему запретила приобретать. Если он не сможет защитить ее, то сможет по крайней мере защитить Дом Лохри и отомстить за мать.

Поэтому Арфос сделал две затычки из целебных трав, которые должны уловить принесенные ветром или наведенные чарами яды и засунул их себе в ноздри. Из других трав он сделал настой и пропитал им шарф, а затем завязал им себе рот. Он надел оббитый железными заклепками пояс и сумку с железным замком и положил в сумку два заткнутых пробками пузырька. Один отгонит любую сонливость, какую могла наслать магия. А второй придаст ему примерно на полчаса силу, не уступающую, наверно, и конановской.

Запоздало вспомнив и об оружии, Арфос заткнул за пояс короткий меч. Он не ожидал, что столкнется сегодня ночью с врагами-людьми. Но если по какому-то случаю это произойдет и они заявятся не слишком большой ватагой, их ждет неприятный сюрприз.

Снарядившись таким образом для битвы, Арфос поднялся по лестнице к покоям матери. По пути он не увидел никого, кто в добром здравии стоял бы на ногах. Попалась парочка свежих трупов, а также несколько несчастных, хрипящих в предсмертной агонии. Он мог лишь надеяться, что, коль скоро чары покинут дом, разум к этим обезумевшим вернется.

Когда он поднимался по лестнице, страх грыз его внутренности, как волк кролика. У выломанной двери в покоя матери этот страх превратился в нечто осязаемое, холодное, как лед, и такое большое, что, казалось, выпирало наружу во всех направлениях. Он утихомирил свои кишki и желудок и вошел в спальню.

Сломало его наконец вовсе не наводящее страх заклятье Скирона. Сделало это зрелище того, что осталось от горничной, вонь от ее смерти — и плавающий в дверях спальни госпожи Дорис образ колдуна.

Арфос бросил всего один взгляд на эти усаженные шипами черные руки, обхватившие его

мать, и вскрикнул. А затем повернулся и побежал.

Он не помнил, как выскочил из дома или несся по улицам, быстрее, чем когда-либо бегал раньше. На самом деле он не смог бы бежать быстрее, даже если бы принял оба пузырька. Он бежал, ломая руки и ничего перед собой не видя, и те, кто рыскал и хищничал по ночам, расступались перед ним, принимая его за сумасшедшего.

На самом-то деле он не помнил ничего, пока не оказался скребущимся в ворота дворца Дамаос. Миг спустя он оказался перед сержантом Талуфом.

— Что, во имя Эрлика?..

— Это... это сделано не богами, — задыхаясь проговорил Арфос. Он ухватился за прутья решетки ворот, словно стоило ему разжать захват, как его швырнуло бы в жерло вулкана. — Колодство! Колодство в нашем доме!

Талуф-то ума не терял. Ворота отъехали в сторону — Арфос заметил, как бесшумно они двигались по сравнению с ржавым чудищем во дворце Лохри, — и Арфоса окружили охранники. Кто-то дал ему воды, кто-то подставил для опоры плечо. Потом отвели к дому, где ждала госпожа Ливия.

Она сидела на шелковых подушках в кресле из резной слоновой кости, и лицо у нее приобрело тот же оттенок, что и слоновая кость. Такой же была и ее ночная рубашка. Она открывала ее прекрасное тело больше, чем Арфос когда-либо мечтал увидеть. Однако вид имела такой гордый, словно облачилась в рыцарские доспехи. Глаза-то у нее определенно выглядели такими же холодными, как сталь, и они ничуть не потеплели, когда Арфос закончил свой рассказ.

— Значит, ты сбежал? — вымолвила она. Даже судья, приговаривающий человека к сажанию на кол, мог говорить добре.

— Су... Ливия... — выговорил Арфос, отваливая в сторону, когда ноги начали помимо воли плести узоры, как в танце. — Я... колдун оставил одно заклинание, чтобы заставить бояться любого. И не только его к тому же. — Он описал образ своей матери — или начал его описывать, потому что Ливия подняла одну ладонь, призывая его к молчанию, а другой прикрыла себе рот.

Когда она снова овладела собой, голубые глаза ее казались менее холодными.

— Что же, по твоему, стало с твоей матерью?

— Не знаю, — сказал Арфос. — Но мне кажется, что ваши враги, возможно, стали моими. Я думал, может, вы знаете по крайней мере, жива она или нет.

— Нам это неизвестно, — ответила Ливия. — Но думаю, мы, возможно, знаем, кому это известно.

— Господину Акимосу? Она впервые улыбнулась, а затем кивнула: — Я б удивилась, если бы он ничего не знал. — Тогда мы можем позвать...

— Не думаю, что он ответит на любые вопросы, заданные ему законными средствами. Что же касается других средств — прежде, чем мы сможем применить их, нам надо освободить капитана Конана.

Не промелькнуло ли что-то при этих словах на лице у рослого иранистанца? Арфос напомнил себе найти немного правдословия или изготовить его, если не сможет найти ничего пригодного к употреблению.

— Где его держат?

Теперь настала очередь Ливии рассказывать о случившемся. Арфос выслушал, и ноги снова стали слабеть, пока Реза не подтолкнул к нему табурет. Когда Ливия закончила, Арфос сидел уставясь в пол, чтобы она не увидела выражения его лица.

Он предпочел бы, чтоб ему скорее переломали все кости, чем вернуться в дом, где теперь царили колдовские ужасы. Но он скорее предпочел бы, чтобы с него содрали кожу, чем

позволить Ливии считать его трусом.

— Тогда — если несколько ваших людей смогут вернуться со мной в дом...

— А как насчет колдовства? — проворчал Реза.

— Есть путь в погреб, не проходящий через остальной дом. Все, что нам нужно, находится в погребе, и большую часть его может унести один человек. И человеком этим буду я, так как я чуть-чуть защитил себя.

Солнце засияло с лица Ливии, и если б Арфос не сидел, то упал бы грудой. Ради сохранения на лице его возлюбленной такого выражения снятая заживо кожа будет небольшой ценой!

Глава 13

Часовой у двери в дом Харофа стоял один, как в самом деле и следовало ожидать. Устройства, призванные помешать побегу тех, кто пребывал в этом доме, были настолько многочисленными и хитрыми, что считали, что одного часового вполне достаточно. Его обязанности заключались в том, чтобы оставаться бодрствующим и отмечать на висевшей у двери табличке тех, кто входил и выходил.

Он вытянул ноги, перегородив ими половину туннеля, а руки — на половину расстояния до потолка. А затем застыл, когда раздались легкие шаги на лестнице, как раз вне поля зрения.

Он поднялся и обнажил короткий меч.

— Кто там?

— Всего лишь друг. — Голос был женским и принадлежал скорее девушке, чем женщине. Миг спустя в поле зрения появился источник этого голоса.

Ей едва ли могло быть больше семнадцати, но при всем при том она была неплохо сложена. Надетая на неё латаная и замызганная туника проходилась чуть ли не до дыр, и часовой мог бы побиться об заклад на месячное жалованье, что под ней она ничего не носила. И она определенно ничего не носила ни на ногах, ни на голове, оставив непокрытой массу темно-каштановых волос.

— Друг, говоришь? — Часовой не убрал меч в ножны, но острие опустил.

— Ну та, кто может стать своей со временем.

— Я не видел тебя наверху.

— А когда ты в последний раз был над дверью Имгоса?

Часовой рассмеялся и покачал головой. Девушка улыбнулась.

— Так давно? Тогда не удивительно, что ты меня не видел. Я появилась на кухне всего пять дней назад.

Часовой кивнул. Это объясняло то, что она ему незнакома, а также почему одета словно беглый заключенный. Повара и судомойки в караулке получали голодное жалованье и мстили, предлагая только голодную еду. Часовой помнил рационы получше и на борту кораблей, проведших месяц в море!

— Ну, если у тебя нет лучшего занятия, то не посмотреть ли нам, не сможем ли мы подружиться? — Часовой надеялся, что ей не потребуется иной подстилки, кроме его плаща. Если ей понадобится нечто большее, чем просто подстилка, то прекрасный шанс может ускользнуть...

— Разумеется. — Она бочком проскользнула мимо него, задев его бедром и проведя ему по руке длинными пальцами. Затем она села и сунула руку за пазуху туники. Оттуда появилась маленькая бутылочка. Прозрачное стекло, оно ясно показывало, что в ней содержалось, — марочное огненное вино.

Девушка протянула бутылочку. Когда она это сделала, туника у неё соскользнула сперва с одного плеча, затем с другого. Она медленно сползла к ее грудям, затем ниже их, до талии.

Он был прав. Под туникой она ничего не носила. Он сделал шаг вперед, а затем в голове у него громыхнул гром и сверкнула молния. Его следующий шаг вперед стал бескостным спотыканием, и после этого он ничком упал на пол.

Девушка натянула платье на плечи, вытащила пробку из бутылочки и брызнула несколько капель на часового. Сержант Талуф одолел одним прыжком последние три шага и опустился на колени рядом с часовым. Опытной рукой он забрал с пояса часового ключи и собственный кинжал из угла. Брошенный рукоятью вперед, кинжал уложил часового настолько аккуратно,

насколько вообще можно требовать.

— Это напрасная трата хорошего огненного вина, знаешь ли, — заметил Талуф.

— Чем сильнее от него будет разить, тем меньше они будут подозревать, — отрезала Гизела. — Мне бы хотелось увидеть его поглубже в навозе.

— Гизела, — раздался голос с лестницы. — Мужчины будут на тебя смотреть, хочешь ты этого или нет, если ты не упрячешь себя в камеру.

Гизела сверкнула зубами в насмешливой улыбке, когда по лестнице спустилась госпожа Ливия. По бокам от нее шли двое бойцов Конана и двое ее собственных, все в туниках и сандалиях Воителей. Замыкал шествие Арфос, в той же одежде, но со значком капитана на поясе и значком целителя на плече туники. На другом плече у него висла на ремне туго набитая кожаная сумка.

— Я, конечно, склоняюсь перед огромным опытом госпожи в таких дела, — отпарировала Гизела.

— Вандар, тебе лучше по крайней мере раз в неделю задавать трепку этой нахалке, пока она не научится говорить повежливее, — заметила Ливия.

Вандар хмыкнул:

— Она скорей всего обойдется со мной так же, как Талуф с часовым.

— Нет, кинжал полетит острием вперед, — возразила Гизела.

— Хватит болтать, — пресек Талуф. Он взял ключ длиной чуть ли не с детскую ручку, вставил его в замок, а затем повернул. Заскрежетал металл, и камень заскреб о камень, лязгнули цепи, и откуда-то издалека снизу долетело еле слышное шипение.

Когда снова воцарилась тишина, дверь в дом Харофа распахнулась. Опустился узкий подъемный мостик, перекидываясь через провал, тянувшийся от одной стены до другой. Опустив взгляд, Талуф увидел, как камень погружается во тьму. Когда он ступил на подъемный мостик, ему подумалось, что он увидел, как далеко внизу в темноте что-то двигается. И понял, что снова услышал то шипение.

Он едва дышал, пока снова не почувствовал под ногами прочный камень. И другие тоже не медлили. Все, кроме Арфоса, который остановился и взгляделся близорукими глазами во тьму.

— Проклятье, Ар... капитан, что ты там высматриваешь, Сокровища Гимли?

— Я пытаюсь разобрать, что за зверь там внизу. Если я буду знать, у меня, возможно, найдется чем его успокоить.

Талуф заставил себя заткнуться. Если Арфос хотел получить разрешение испробовать на змеях сонное зелье, то пусть просит его у капитана Конана. Сержант горячо веровал, что большинство трудностей решает либо холодная сталь, либо быстрота ног, и совсем не веровал, что надо поощрять сумасшедших!

Желудок Конана дошел до точки раздраженного урчания, но, чтобы убавить киммерийцу сил или быстроты, требовалось нечто большее. Поэтому он поднялся с тюфяка и приготовился к любой помощи или угрозе в тот же миг, как услышал за дверью голоса.

Затем он услышал звук, который ни с чем не перепутаешь, — скрежет отмычки в замке.

— Талуф?

— Капитан?

— Здесь.

— Ты прикован?

— Свободен как птица.

— Слава богам.

От этого голоса у Конана прервалось дыхание. Ливия, здесь? Она тоже заключенная или

настояла на участии в спасательной операции? Зная Ливию, Конан заподозрил последнее и сомневался, что кто-либо посмел воспротивиться ей.

Лязганье и скрежет умело применяемых отмычек продолжились. Затем они прекратились и сменились проклятиями.

— Этот поганый последний запор, — прорычал Талуф.

— Насколько он велик?

— С палец толщиной.

— У нас мало времени. Отойди. — Конан вздохнул поглубже, нашел на шершавом каменном полу точку опоры для ног, а затем навалился плечом на дверь и толкнул.

Он толкал, пока на лбу и на шее у него не вздулись жилы, а пот полился с него, как вода в мельничном лотке. Но он почувствовал, как что-то поддается, и услышал из-за двери крики.

Он отступил, перевел дух, прислонился спиной к двери и снова толкнул. Металл застонал, затем завизжал, а затем с жутким воплем не выдержал и уступил силе.

Конан ощущал на спине холодок, когда подумал обо всех, кто мог здесь умереть именно с такими воплями на устах. Ни боги, ни жрецы не могли особо помочь с Призраками, если человек не мог держаться дальше от мест, где они появлялись.

Дверь со скрежетом открылась. Конан вышел в коридор и увидел, как Ливия откинула с лица капюшон плаща и шагнула вперед. При этом лицо Арфоса скривилось. С глубоким поклоном Конан схватил Ливию за руки, поднял их к губам и поцеловал поочередно.

— Сударыня, рад вернуться к вам на службу.

На лице Арфоса отразилось заметное облегчение. У Ливии был такой вид, словно она готова то ли закричать, то ли заплакать.

Вандар, однако, сохранил соображение воина:

— Твой меч, капитан.

Конан повесил сталь к поясу.

— Кто-нибудь из вас придумал байку для извлечения всех вас отсюда?

Арфос показал пропуск, на котором красовалось больше печатей, чем, по мнению Конана, мог вместить такой маленький кусочек кожи.

— Сомневаюсь, что у меня останется много друзей, когда они узнают, что я сделал с их подарками. Но это уж пусть улаживают боги.

Они повернули и направились обратно тем же путем, каким пришли, с Конаном в арьергарде. Он оглядывался посмотреть, нет ли каких-либо признаков погони, когда услышал, как выругался Талуф.

— Эта свинячья дверь закрыта, а подъемный мостик поднят!

Так оно и было. Конан посмотрел в темные глубины, и ему ответило долгое шипение. Он посмотрел через провал и счел, что нет никакой надежды силой опустить мост. Даже если бы они смогли дотянуться до крючка, то петли, когда дверь закрыли, скорей всего прочно заперлись.

В то же время тот, кто закрыл дверь, должно быть, поджидал за ней, скорей всего с большим числом воинов, чем могла одолеть спасательная группа. На пути к выходу имелись и другие двери, наверняка они тоже охранялись.

В конечном итоге киммерийца и его людей ждали поражение и погибель, а Ливию — поражение и позор. Если они не смогут найти еще один выход...

Конан внимательно глянул за грань провала. Он смутно различал на дне извивающиеся кольца толщиной с человека. И более отчетливо — он увидел вделанные в нишах противоположной стороны провала бронзовые скобы ступенек. Сознавая устремленные на него взгляды женщин, он опоясался мечом поверх набедренной повязки.

— Я намерен посмотреть, нет ли выхода наружу со дна этой ямы. Мне доводилось

сражаться и с более крупными змеями, чем лежащий там внизу любимец Воителей, и именно из их шкур сделаны мои щиты.

Ливия открыла было рот, собираясь что-то сказать. Но первым заговорил Арфос:

— Погодите. У меня здесь кое-что есть. — Он неуклюже стащил с плеча сумку, порылся в ней и достал небольшую бутылочку, сделанную, скорей всего, в Китае.

— Что это? — спросила Гизела. — Любовный напиток?

Арфос покраснел:

— Сонное зелье. В бутылке достаточно, чтобы уложить без чувств шестерых человек. Наверно, этого хватит для одного змея.

— Змеи — скоты малоподвижные, — указал Конан. — Сталь действует быстрее.

— Да, но если Воители всего лишь найдут змею спящей, то не будут уверены, что путь нашего бегства пролег мимо нее, — вставила Ливия. — Дай ему попробовать. В худшем случае это может облегчить тебе работу.

Конан начал было резко отвечать, что ему не нужно никакой помощи в любой работе хорошим мечом, а затем вспомнил, что он капитан, отвечающий за шесть-семь человек, из них две женщины, один совсем не воин, и ни один не пригоден для борьбы со змеями, даже будь у них время.

— Дай-ка эту бутылочку мне. Если этот змей подползет достаточно близко, я дам ему хорошую дозу.

— Я сам, — начал было Арфос.

— Нет, Арфос, — прервала его Ливия. — Лестница-то на противоположной стороне. Ты, в отличие от капитана Конана, не прыгун. И поймать тебя он тоже не сможет.

— Во всяком случае без того, чтобы мы оба загремели вниз и стали змеиным кормом, — добавил Конан. — Если ты не думаешь просто прыгнуть вниз и облегчить мне труд, позволив убить змея, пока он питается тобой.

Арфос побледнел, а затем покраснел, когда на его руку легла ладонь Ливии. Считая этот вопрос решенным, Конан подобрался для прыжка, воспарил над провалом и схватился за верхнюю скобу лестницы.

Темнота внизу мгновенно ожила, наполнившись шипением, и теперь он различил поднимающуюся к нему чудовищную длиннозубую голову. И ноздри, и пасть широко разинуты, а поверх рогатой черной морды на него злобно смотрели два красных глаза размером с арбуз.

Конан вытащил из бутылочки пробку, подождал, пока змей не поднялся как мог выше, а затем швырнул бутылочку прямо в разинутую пасть. Шипение сделалось оглушительным, а чешуя заскрежетала и завизжала, скребя о камень, когда змей заметался по яме.

Конан подобрал ноги как можно выше, надеясь, что снадобье Арфоса сработает. То, что он был лучшим змееборцем в их группе, отнюдь не означало, что он занимался этим для собственного развлечения. Кроме того, Ливия была права, рекомендуя оставить поменьше следов их побега.

Конана внезапно осенило, что из Ливии и Арфоса может выйти неплохая пара. По крайней мере, они могли попробовать, если госпожу Дорис можно будет заставить умолкнуть с помощью чего-то меньшего, чем удушение, и если Арфоса не волнует, что жена вдвое умнее его.

Время, казалось, вытянулось к концу света, пока Конан ждал, когда снадобье подействует. Он также обнажил меч, так как змей ударил на расстоянии вытянутой руки от его пяток. Если снадобье не подействует или подействует медленно...

Искры полетели, когда зубы скребанули по камню. Затем змей выпрямился, стоя на хвосте, пока его разинутая пасть не нацелилась прямо вверх. Из его глотки, бурля, выступила зеленая пена, а язык неистово метался. Затем со звуком, похожим на закрывающиеся железные ворота,

пасть захлопнулась. Миг спустя огромный змей, казалось, утратил все свои кости. Он повалился в тени и лежал не двигаясь.

Балансируя между поспешностью и осмотрительностью, Конан сосчитал до десяти, а затем отковырнул от стены кусок известнякового раствора и уронил его на голову змея. Он мог с таким же успехом бросить его в колодец.

— Отличная работа, Арфос. Я спущусь убедиться. Талуф, я видел у тебя под туникой веревку?

— Да разве я пошел бы без веревки? Скорее госпожа Ливия — будет гулять без ту...

— Повежливее там!.. — начал было Арфос, прежде чем Ливия сказала что-то, чего Конан не рассышал, но что определенно заставило Арфоса умолкнуть.

Конан спустился по лестнице, приземлившись в черной липкой грязи глубиной по голень, мерзкой на запах и еще более мерзкой на ощупь. Но один быстрый взгляд сказал ему, что усилия были не напрасны. В темноту вел туннель, и туннель этот шел чуть на подъем. Конан перешагнул через неподвижного змея.

— Талуф, веревку! — Киммериец поднял руки, но, сделав это, бросил последний взгляд в глубину туннеля.

И хорошо, что бросил. От каменных стен отразилось эхо, подобное всем извергающимся одновременно гейзерам Ванахейма. Конан отпрыгнул назад, рубя мечом по устремившейся к нему из туннеля чудовищной чешуйчатой голове.

— Их двое! — заорал Арфос.

Будто Конан сам этого не знает, — донесся голос Ливии, а затем киммериец стал слишком занят борьбой со своим противником, чтобы слышать, что там происходит наверху. Удивление змея, обнаружившего, что его подруга неподвижна, дало Конану секундный выигрыш во времени, которым он воспользовался сполна. Он перепрыгнул обратно через спящую змею, встал, пригнувшись, с мечом над головой, а затем, ухватившись за рукоять обеими руками, рубанул по открывшейся шее другого чудовища.

Окрашенные в цвета корицы и розы чешуйки размером с ладонь разошлись, и под ними обнаружилось бледное мясо. Но змей не получил смертельных ран, и теперь он знал, что его противником нельзя пренебрегать. Змеи, знал Конан, соображали по большей части медленно, но, не умея драться, они б не выросли до такой длины.

Человек и змей вступили в смертельный поединок. Провал был слишком узок, чтобы позволить змею обвить Конана своими кольцами. Поэтому он раз за разом бросался на киммерийца — со скоростью, которая оказалась бы смертельной для любого менее сильного противника, — стремясь впиться в него зубами.

Каждый раз, когда он ударял, там оказывалась сталь Конана, рассекавшая чешую и мясо. Иногда бросок проносил его мимо киммерийца, заставляя врезаться в канал с силой тарана. Конан увидел, как под этими ударами из стен начинают сыпаться известковый раствор и даже целые камни. Все это начало походить на своеобразное состязание: что случится раньше — достукается ли змей до потери сознания или обрушит весь провал на них обоих!

С верха провала с грохотом и стуком рухнул камень. Он отскочил от змея, а затем от стены, чуть не ударил по правой руке Конана, а затем зарылся в грязи. Прежде чем киммериец успел выругаться, за ним последовал второй камень.

Этот ударил змeya по рогатому носу. Змей расправился из спирали и устремился прямо вверх, шипя неистовой, чем когда-либо. И тут же открыл Конану свое горло.

Со всей силой своих железных рук и со всей скоростью в ногах киммериец нанес удар. Его меч рассек чешую и мясо, добираясь до жизни змея. Кровь какой-то миг фонтанировала, когда тварь, казалось, взмыла выше, а затем, как и его подруга, он, казалось, утратил всякие силы.

Конан едва смог отпрыгнуть в сторону, когда змей рухнул на свою спящую подругу.

— Эти камни бросил один из вас? — крикнул он. Молчание нарушил тихий голосок.

— Да, — призналась Гизела. — Я думала...

— Если ты вот так действуешь, когда думаешь, то не дай мне Кром оказаться рядом, когда ты действуешь не думая! — оборвал ее Конан. — Талуф, давай спускаться и убираться отсюда.

На скользких змеиных телах можно было потерять равновесие и свалиться, но спутники съехали по веревке без каких-либо неприятных происшествий, за исключением Гизели. Та поскользнулась, зацепилась туникой за один из носовых рогов и приземлилась в грязи в чем мать родила.

Вандар стащил с себя тунику, чтобы одеть на Гизелу, когда она тщетно пыталась стереть грязь с ног и ягодиц.

— Фу! — наморщила нос Ливия. — Чем занимались эти звери... Конан, что ты делаешь?

Конан резал на куски спящую змею. В качестве последней меры он вонзил в один глаз кинжал, проникнув глубоко в мозг. Змея перешла из сна в смерть со всего лишь легким содроганием.

— Следую вашему же совету, сударыня, — отозвался Конан, вытирая меч о чешую и убирай его в ножны. — Если оба будут так порубаны, то все будет выглядеть, надеюсь, так, словно они убили друг друга. А также первый не очнется и не будет гоняться за нами по туннелям.

Ливия содрогнулась и подала одну руку Арфосу, а другую Конану. На мгновение мужчины поддерживали ее, не давая упасть в грязь. Затем Ливия сделала глубокий вдох:

— Давайте-ка убираться отсюда.

— Как пожелаете, сударыня, — молвил Талуф. — Но первым лучше пойти мне. Думаю, я изучил эти туннели все ж таки получше, чем остальные из вас.

Конан прожег сержанта гневным взглядом:

— Талуф, ты наврал, говоря, будто никогда раньше не бывал в Мессантии?

— Капитан, ты же только спрашивал, известен ли я Воителям. Я сказал — нет, и это было правдой.

— Несомненно, потому что ты проводил все свое время чураясь дневного света, — чуть улыбнулась Ливия.

— Не только воры лучше всего обделывают свои дела в темноте, — ответил Талуф и свернулся в туннель.

Вскоре им довелось узнать, чем питались змеи. Из грязи торчали кости, по большей части раздробленные туго сжатыми кольцами и зубами змей, но узнаваемо человеческие.

К счастью, путь на улицы им понадобилось отыскивать немногим дольше, при свежем воздухе и сухом камне под ногами. Они выбрались наружу в сумерках, и к тому времени, когда они подходили ко дворцу Дамаос, на город опустилась темнота.

Они также решили меж собой один вопрос. Прежде чем они смогут выступить против внешнего врага, надо сорвать планы врага внутреннего. В доме, несомненно, действовал шпион, и если его звали не Реза, то Реза поможет им поймать этого шпиона, или его ждет та же участь.

Глава 14

Реза быстро проснулся от шума в его комнате. На иранистанской границе те, кто не умел быстро просыпаться, недолго служили в кавалерии Хаджара. Если их не выгонял Хаджар, то им рубили головы, а иногда и другие части тела иранистанцы.

Быстро проснувшись, Реза еще быстрее откатился на другую сторону постели, более удаленную от двери. Когда он перекатился, его рука нырнула под подушку. И появилась оттуда, держа короткий меч.

Но когда он скатился с постели, ему опустился плащмя на запястье тяжелый двуручный меч. Пальцы у него разжались, и клинок с лязгом упал на пол. Он увидел перед собой огромную фигуру, двигающуюся со скоростью разящей гадюки, и упавший меч придавила нога в сапоге.

Затем что-то твердое ударило его в висок. Он рухнул ничком на пол, смутно сознавая у своей щеки холодный камень. И не столь смутно он почувствовал, как железные руки связывают его по рукам и ногам. Он хотел выругаться, но у него не нашлось сил.

Видел он, однако, все отчетливо. Из-под кровати получался хороший обзор: просматривалась и дверь, и стоящие в ней люди. Когда Реза заметил их, то стал совершенно уверен, что ему все это снится. Госпожа Ливия здесь, следит за тем, как его вяжут, словно предназначенного на убой кабанчика? И Арфос из Дома Лохри, стоящий так близко к Ливии, что его дыхание могло взъерошить ей волосы, и с туго набитой кожаной сумкой через плечо?

Реза как раз решил, что он, должно быть, ударился головой и лишился рассудка, когда почувствовал, как сила великана поднимает его в сидячее положение. На него пристально смотрели пронзительные голубые глаза. У гиганта-варвара было темное, словно высеченное из камня, лицо.

— Очнулся, — сообщил Конан.

— Я... — начал было Реза.

— Чем меньше ты сейчас скажешь, тем скорее мы покончим с этим, — посоветовал ему Конан. Голос его казался менее суровым, чем лицо. — Арфос, ты готов?

— Я... хотя я бы предпочел видеть наготове под рукой немного оливкового масла.

— Оливковое масло? — хором переспросили Ливия и Конан.

— Да. Доза травяного настоя, такая крепкая, какая нам понадобится, заставит его через некоторое время изрыгать свои внутренности по всему помещению. А если мы, закончив допрос, скормим ему немного оливкового масла, этого может и не произойти.

Ливия кивнула:

— Гизела, ты можешь передвигаться по дому, вызывая меньше всего вопросов. Кухня на тебе.

— Да, госпожа. — Реза увидел, как горничная выскользнула за дверь, а Арфос поставил сумку и принялся доставать оттуда бутылочки и пузырьки.

— Итак, Реза, — обратилась к нему госпожа Ливия. — Похоже, что в нашем доме есть шпион. Слишком много он выдал наших тайн. Несмотря на твою давнюю службу, у тебя хватает причин быть тем шпионом. Господин Арфос приготовил снадобье, которое заставит тебя сказать правду об этом деле. Если ты откажешься принять его, нам придется считать тебя виновным. Тогда мы должны будем использовать более суровые...

Реза захотел, да так, что долго не мог остановиться. Он увидел, что другие переглянулись: несомненно, подумали, что парень сошел с ума.

С трудом переведя дыхание, Реза снова улыбнулся:

— Госпожа, простите, что я так долго оставлял вас в сомнениях. Я... причины, которые, как

вы подозреваете, у меня есть — достаточно реальные, но я не шпион, не предатель, не разрушитель клятв, которые давал и вашему кровному отцу, и отцу-опекуну. Давайте свои снадобья, и когда я закончу с ними, то покажу вам, где я оставил настоящего шпиона.

Ливия посмотрела на других:

— Он настолько не боится...

Конан покачал головой:

— Возможно, он говорит нам все это, чтобы сделать менее осторожными. Хотя его готовность нисколько не вредит.

— Конан, может, ты перестанешь говорить обо мне так, словно я бессловесная скотина? Арфос, можешь давать мне какую хочешь дозу. Но если меня будет рвать, пока я не смекну слишком слабым, чтобы сражаться с настоящими врагами Дома Дамаос, то не суйся сюда, пока я не восстановлю силы. Иначе я спущу тебя с лестницы пинком под зад, выброшу за дверь и утоплю в рыбном садке.

Арфос нервно рассмеялся, а затем снова принялся отмерять дозу снадобья. Это дало Резе время понаблюдать за хозяйкой, когда та смотрела на двух своих спутников.

Конан задел ее сердце. Этого нельзя было отрицать. Но он не имел никакой власти над ее рассудком, и не мог сбить ее с пути. Если Ливия не отправит побоку всю мудрость, какую она приобрела за те годы, что ее знал Реза, то киммериец не мог причинить вреда Дому Дамаос.

Теперь оставалось всего лишь убедить киммерийца в том, что он, Реза сын Ширама, столь же невиновен!

Госпожа Дорис из Дома Лохри очнулась и сразу почувствовала боль, не имеющую никакого отношения к неудовлетворенному желанию. Ощущения больше походили на те, которые она помнила с того раза, когда, убегая от напавшего на нее, налетела прямиком на колючую изгородь. Кожа прям-таки горела от странного, болезненного покалывания.

Покачивание и равномерный стук подсказали, что она находится в легкой телеге, быстро едущей по столбовой дороге. Телегу накрывал, столь же непроницаемо, как птичью клетку ночью, тяжелый, как парусина, чехол.

Надежно укрытая от любопытных глаз, она сняла халат, бывший ее единственной одеждой. Боль от уколов была отнюдь не игрой воображения. Все тело Дорис покрывали красные пятнышки, похожие на следы от укусов насекомых. Миг спустя она почувствовала, что фургон остановился. Когда наступила тишина, она услышала птичье пение, фырканье лошадей, а затем мужские голоса. Она принялась оглядываться в телеге в поисках еды или хотя бы воды и, что важнее и того и другого, ночного горшка!

Она как раз пришла к выводу, что ничего подобного в телеге не имелось, когда у чехла откинули полог. В отверстие сунулось квадратное лицо с остроконечной седой бородой и лысой головой.

Дорис решила не доставлять лысому удовольствия видеть, как она хватается за халат. Она положила одну руку на колени, а другой прикрыла грудь.

— Господин Акимос! Чему я обязана удовольствием этого визита?

— Похоже, сударыня, что это вы решили воспользоваться моим гостеприимством. Я был бы плохим хозяином, если бы подумал о ваших удобствах.

— Мне нужно только одно удобство — объяснение. Если вы не можете предоставить его, то как насчет лошади для возвращения в Мессантию?

— Увы, сударыня. Срочные дела не позволяют мне оказать ни ту ни другую любезность. Но все прочее, что в моей власти, будет вашим в тот же миг.

Дорис подумала об отказе от любых услуг со стороны человека, который явно похитил ее по

причинам, о которых она узнает, когда он соизволит уведомить, — если вообще узнает. Эта девчонка Ливия определенно сочла бы такое поведение отличным способом продемонстрировать свою смелость.

Дорис-то лучше знала жизнь. Она начинала достаточно бедной, чтобы почти постоянно испытывать холод и голод. Она понимала, что жажда, голод и свинячья жизнь в собственных испражнениях подорвут те силы и ум, которые ей понадобятся.

— Ночной горшок. Еды и воды. Какую-нибудь приличную одежду. И мазь для моих... следов от укусов насекомых.

— Конечно.

Лицо Акимоса исчезло, и когда она натянула халат, то услышала его голос, подзывающий людей. Откинутый полог показывал треугольник пурпурного сумеречного неба над темными горами. Поближе к ней находилась искривленная олива, а около нее сидел худощавый молодой человек в поношенном за долгие скитания синем балахоне.

С первого же взгляда Дорис ощутила ужас. Этот человек с виду сильно походил на ее сына Арфоса. Неужели он участвовал в этом заговоре, стремясь освободиться от нее ценой рабства у Акимоса?

Затем она увидела, что этот человек годится Арфосу в отцы и в его темных глазах таится глубокое внутреннее знание. Знание того рода, какое, поняла она, будет использовано против нее прежде, чем она вырвется из рук Акимоса.

Сидевший поднял голову и пристально посмотрел на нее. Дорис задрожала, хотя ночь стояла теплая. Эти глаза, казалось, пронзали халат и кожу под ним, стремясь изучить ее кости, внутренние органы и даже душу.

Она поплотнее запахнулась в халат и повернулась к нему спиной. Она больше не гадала, когда же ее освободят. Вопрос теперь стоял так — освободят ли ее вообще?

— Насколько мы близко?

Талуф приложил палец к губам и прошептал:

— Слишком близко для твоего киммерийского рева, капитан.

Реза усмехнулся, но был бледен и вспотел.

— С тобой все ладно? — спросил его Конан.

— Дело не в продолжающемся действии снадобья. Дело во вкусе оливкового масла.

— Если на кухне прогорклое оливковое масло, Реза, то ты сам виноват... — начал Арфос, но рот ему тут же захлопнула могучая длань киммерийца.

Дальше они двигались молча, Конан, Реза, Талуф, Арфос и восемь отборных бойцов — половина из Дома Дамаос, половина из отряда Конана. Четверо бойцов и Талуф переоделись тайными Воителями.

Тайные Воители были не настолько тайными, чтобы Арфос не сумел узнать, как они одевались. Это была группа Воителей, умевших проскальзывать в дома для приобретения улик, которые не удавалось достать другими средствами. По строгим понятиям аргосийского права, они были преступниками, но эти представления уже не один век ничуть не стесняли ни их самих, ни их хозяев. Услышав об этом, Конан рассмеялся:

— Аргос начинает больше походить на другие места, где я бывал. У него десяток законов там, где у других один, но эти законы по-прежнему таковы, как их толкуют те, кто правит.

— Конан, прежде чем смеяться над этим, подожди, пока сам не будешь править, — посоветовал ему Арфос.

— Так долго может ждать только бог, — снова засмеялся киммериец.

Что бы там ни говорили о них законы, тайные Воители окажутся удобным оружием.

Магнатам вроде Акимоса редко приходилось особенно опасаться их, но вот слуги магнатов — другое дело.

Еще через сотню шагов отряд оказался перед узким туннелем, полого идущим вверх. Талуф опустился на четвереньки и полез вперед. Миг спустя Конан услыхал змеиное шипение, сообщившее ему, что все хорошо.

Реза и Конан пролезли по туннелю присоединиться к Талуфу. Проход был низким, но широким, так что обоим хватило места ухватиться за перегораживавшую туннель бронзовую решетку. При их объединенной силе в действии не могла устоять даже бронза холодной ковки.

— Один из тех змеев прошел бы сквозь нее, как через пергамент, — заметил Реза, когда они опустили решетку на пол.

— Он едва ли смог бы притиснуться в этот ход, — указал Конан, разминая мускулы. — И готов побиться об заклад, что есть какая-то преграда, которой мы не нашли, чтобы зверьки Воителей не заползали в погреба знати. Слуга-другой, может, и невелика потеря, но если один из них съест оленину для пира у Главного Архонта... — Киммериец притворно содрогнулся от ужаса.

Они с Резой извлекли из своих поясных сумок черные маски и натянули их на головы. Позади них бойцы сделали то же самое.

— Готовы, ребята? — осведомился Реза.

Бойцы кивнули.

— Отлично, — заключил Конан и добавил: — Помните, никакого кровопролития, если мы в состоянии избежать его. В худшем случае захватите кого-нибудь в плен, пусть Арфос его попользует своим снадобьем.

— Я не прихватил ни капли оливкового масла, — грустно посетовал Арфос.

— Мне наплевать, если слуги Акимоса изрыгнут свои кишki по всем его красивым мраморным полам, — бросил Реза. — Просто постарайся оставаться в живых, чтобы накормить их снадобьем.

Арфос, похоже, вознегодовал из-за того, что ему запретили участвовать в драке. Но его негодующий взгляд лишь беспомощно скользнул по спинам двух рослых молодцов, когда они пролезли через отверстие. Перед ними возник обрыв высотой в человеческий рост, но оба спрыгнули бесшумно как кошки, подняв только облачко пыли. За ними спрыгнули и остальные бойцы в масках.

После Конан сказал, что дальше начнется та часть этого дела, которая беспокоила его больше всего. Некоторое время они бродили по погребу дворца Акимоса, не встречая ничего крупнее крысы. Затем посланный к комнатам слуг разведчик доложил, что и они покинуты всеми, кроме старух и мальчишек.

Конан отказался беспокоить и тех и других. Он начал гадать, а не решил ли Акимос сохранить свои тайны, забрав с собой всех слуг, которые могли их знать. Если так, то налетчикам предстоял невеселый выбор: допрашивать женщин и детей или обыскать дворец от крыши до погреба и молиться, чтобы им удалось найти что-то проливающее свет на случившееся.

Они пробыли во дворце достаточно долго, чтобы поужинать в приличной винной лавке, когда им повезло.

— Я слышу пение, — сказал разведчик.

Конан кивнул. Он тоже услышал его, наряду с барабанным боем. Они поднялись по лестнице из комнат для прислуги и двинулись по коридору к личным покоям Акимоса. Один остался позади — передавать сигналы группе Талуфа.

Гобелены в этом коридоре отличались таким же великолепием, как и висевшие в Доме Лохри — своей обветшалостью, даже тот, который укрывал спавших на полу мужчину и

женщину. Более их ничто не прикрывало, а чем они занимались — было столь же очевидно, как и винные пятна на мраморе.

Пение, доносящееся из-за полуоткрытой двери, стало громче, чем раньше. Оно, однако же, не заглушало ни звона чащ, ни бульканья поглощаемого вина, ни глухого стука, возникавшего, когда кто-то поглотивший слишком много вина валился на пол.

Кто-то принял стучать на барабане или, по крайней мере, на чем-то подобном. Конан кивнул. При таком гаме по коридору могла бы проскакать неуслышанной и шайка казаков.

Он выхватил меч, распахнул дверь настежь и ворвался в помещение.

В следующий миг самое большее, чего пришлось опасаться Конану, так это того, что слуги Акимоса перебьют друг друга, пытаясь скрыться от него. Если кто-то из них и был в состоянии держать оружие, то он такого не видел. И было совсем нелегко казаться вором, жаждущим не только добычи, но и крови, да при этом еще в действительности не причинить никакого вреда отупевшим от вина слугам Акимоса оказалось делом нелегким.

Конан издал гирканийский боевой клич — сигнал Талуфу и его "Воителям" присоединяться к нему. А затем повернулся к одному охраннику, который начисто забыл про меч у него на поясе и замахнулся табуреткой, проявляя больше ярости, чем умения.

Удачный взмах табуреткой столкнулся с мечом Конана. Сталь застряла в дереве. Конан крутанул меч, выдергивая его, и одновременно как можно сильнее пнул по табуретке. Та отлетела назад, врезавшись в живот забывчивому меченосцу. Тот в свою очередь тоже полетел назад и врезался спиной в стол, ломившийся от кувшинов с вином и блюд с разносолами. Стол опрокинулся с грохотом от падающих блюд и бульканем разливающихся марочных вин.

Несколько слуг, и мужчин и женщин, настолько отупели, что опустились на четвереньки, как собаки, и принялись лакать вино. У Конана так и чесались ноги дать им пинка, как тем же собакам.

Гам перекрыл гирканийский боевой клич.

— Хвала Митре! — пробормотал Конан себе под нос, но вслух язвительно выругался. Затем в помещение вбежали с мечами наголо Талуф и его "Воители".

Спасая свою жизнь, Конан и то сражался с меньшей осторожностью, чем сражался сейчас в этой псевдобрите. Его людям и ребятам Талуфа требовалось выглядеть кровными врагами, по-настоящему не проливая крови — ни своей, ни кого-либо из слуг, пиявшихся на происходящее или распростертых на полу. Именно это-то на самом деле и представляло для Конана самую большую трудность — как не поскользнуться в лужах вина и еды или не споткнуться о тела слуг, слишком набравшихся, чтобы уползти из-под топающих сапог дерущихся!

Один за другим люди Конана "теряли мужество" и удирали по лестнице на крышу. Киммериец отступал в арьергарде, фехтуя с Талуфом так бешено, что их мечи высекали искры, задевая о стены. Конан напомнил себе, что надо будет показать меч кузнецу, прежде чем отправиться по следу госпожи Дорис.

Наконец Конан и его "воры" собрались на крыше. Перед ними стояло две задачи. Одна — послушать, как Талуф будет говорить со слугами, и помочь, в случае если с Талуфом и его ребятами что-то стряется. А другая — помешать слугам ринуться всей толпой на крышу и в отчаянии броситься вниз. Если они не приземлятся на головы, то, может, и не причинят себе серьезного вреда. Но шум, несомненно, выйдет за пределы дворцовых стен. И если он и не приведет вовремя настоящих Воителей, то определенно приведет к появлению соседей Акимоса, задающих вопросы, на которые Конан совсем не желал отвечать.

План Конана увенчался успехом. Он услышал, как слуги говорят о пещерах Зимгаса, об отборных бойцах и лошадях, приготовленных для долгого путешествия, о крытой дорожной повозке, оборудованной словно для удобства знатной дамы. Он услышал о слугах,

расспрашиваемых, знают ли они что-нибудь о Доме Лохри, и многое другое.

Если б услышанное Конаном было веревкой, то ее хватило бы, чтобы повесить Акимоса десять раз кряду. Он дождался, пока Талуф не сказал слугам, что они хорошо служили своему хозяину и что он будет сразу же предупрежден. И добавил, что им следует очистить дом от всяких следов своего пиршества, иначе даже услуга, оказанная ими Воителем, не защитит их от хозяйствского гнева.

А затем Конан и его люди убрались, так же украдкой, как и те воры, какими они прикидывались. Когда они добрались до заранее обговоренного места встречи в туннелях, то застали Талуфа уже там, и его ребята несли два сундука.

— В одном — свитки со стола Акимоса, — доложил сержант. — Я сказал, что нам надо изучить их, чтобы узнать побольше о том, что же искали воры.

— А в другом? — спросил Конан, ткнув в сундук носком сапога. Вес его сам по себе кое-что говорил, и он оказался набитым серебряными монетами, с примесью нескольких золотых и цепочек с самоцветами.

— Этот вернется обратно, — распорядился Конан.

— К Акимосу? — Талуф вытаращился, словно те же пьяные слуги.

— Нет, слугам. Назови это наградой за их добрую услугу Воителем.

— Клянусь причиндалом Эрлика! — выругался Талуф. — А я уж чуть не испугался, что ты стал честным человеком, Конан.

— Уж не знаю, каков Конан, — влез в разговор Реза. — Но тебе я, сержант Талуф, так скажу. Если у тебя завелись мысли сделаться вором, то не оглашай их там, где мне слышно.

Госпожа Дорис легла на живот, приподняла края палатки и выглянула наружу. Она, несомненно, смогла бы больше увидеть из входа в палатку, но тогда охранники заметили бы ее и что она не настолько отупела от страха, как притворялась.

Пока что охранников легко удавалось обмануть. Она не воображала, что одурачить Акимоса и Скирона будет столь же легким делом, но по крайней мере охранники были началом. Что угодно было лучше, чем заливаться слезами, пока не превратишься в ком безмозглой плоти.

К тому же эти охранники почти все время были единственными людьми, находившимися в пределах ее досягаемости. Если они не будут с ней настороже... ну, это было не больше чем хрупкой надеждой. Но и самая хрупкая надежда — это больше чем то, что у нее осталось, когда то... создание... появилось в ее покоях.

Выше по склону она увидела красное пламя бивачного костра. Оно, казалось, освещало вход в пещеру. У этого входа в пещеру плясала силуэтом на фоне пламени худощавая фигура. Ей подумалось, что это Скирон, и он казался неодетым.

На нее накатила волна страха, заставляя впиться зубами себе в руку, чтобы не заскулить как голодный щенок. Она лгала себе, когда думала, что от обмана охранников будет какая-нибудь польза. Ей не удастся так лихо провести их, чтобы сбежать, прежде чем Скирон снова наслеп чары. И даже если удастся сбежать, Скирон может послать следом за ней своих тварей.

Через некоторое время страх достаточно спал, чтобы она снова могла дышать. Теперь она увидела на фоне пламени и другие силуэты. Люди, несущие груз — стеганые одеяла, дрова, кувшины и другие предметы, которые ей не удалось опознать. Похоже, они заносили их в пещеру.

Теперь страх уступил место смеху. Неужели она напугала себя чуть не до истерики из-за того, что Скирон накладывал на припасы Акимоса чары сохранности?

Смех принес ей облегчение, так что она смогла поесть колбасы, выпить пива и забыться сном.

"Фрагменту" потребовалось бы несколько дней, чтобы присоединиться к Великому Дракону. Теперь же, в пещерах Зимгаса, "фрагмент" всего за несколько часов окажется рядом со Змеем. Два чудовища подпитывали свои "фрагменты" — подпитывали силой — и прорезали ходы в скалах, которые разделяли их на рассеянные существа.

Дракон и Змей также воскресили древнюю мыслесвязь, как ее называли создавшие чудовищ маги. Сами же Драконы не употребляли названий, не нуждаясь в таких помощниках памяти.

Они ведь, в конце концов, были почти бессмертными. Определенно века минувшие, с тех пор как они ушли в скалы под горами, были для них все равно что дни для человека. Они ничего не забыли из того, что знали тогда. И часть этого знания относилась к тому, как вновь обрести утраченную ими силу.

Питание было частью этого процесса, но живая плоть не могла удовлетворить всего их голода. Для нахождения новой силы требовалось и колдовство.

Поэтому когда изолят явился к чудищам с известием о колдовстве, совершающем в пещерах Зимгаса, те расценили это как ценное знание. Тем более что колдовство там творилось такое, каким монстры могли пытаться.

Если б им было свойственно так вот подражать человечеству, то Драконы обрадовались бы этой новости.

Глава 15

Госпожа Дорис видела сон.

Ей снился любовник более красивый, сильный и цивилизованный, чем Конан. Он обладал великолепной силой киммерийца, но еще и шептал ей на ухо чарующие любовные клятвы, когда они сплетались друг с другом.

Она еще плотнее обвила этого мужчину руками и ногами, вдыхая запах его пота так, словно тот был самым тонким и ароматным фимиамом. Она откинула голову назад и закричала в экстазе, услышала его крик, почувствовала запах его дыхания.

Его дыхания? Его дыхание было таким же душистым, как ее сад в те давно минувшие годы, когда за ним ухаживали как положено. Как его дыхание вдруг — между одним вдохом и другим — сделалось зловонным?

Как?..

Она проснулась, и тело, сплетавшееся с ней, придавившее ее к тюфяку, не было ни красивым, ни сильным. А что до цивилизованности господина Акимоса...

Это не имело значения. Он не остановится, и из-за того, что он не остановится, она поняла, как она беспомощна. Желание поднялось в ней как прилив, увлекая ее в пучину, заставляя руки и ноги трепыхаться, лицо кривиться, а рот — кричать.

Крякнув, Акимос кончил и скатился с нее. Госпожа Дорис лежала вытянувшись на тюфяке, облаченная только в спутанные волосы и капающий пот, с бессильно открытым ртом, и рассудок ее пребывал едва ли в лучшем состоянии.

— Разве это было не великолепно, Дорис?

Одно из достоинств Конана, поняла Дорис, заключалось в том, что он не ожидал похвал своей мощи. Конечно, когда женщина после засыпала как убитая, мужчине было трудно усомниться — или спросить, если он все же усомнился. Однако вплоть до этой минуты Дорис не понимала, как она ненавидит мужчин, ожидающих похвалы.

— Уверена, что для человека твоего возраста...

— Его ладонь ударила ее прежде, чем она увидела движение его руки.

Трижды и сильно. Она почувствовала, что глаза у нее заслезились, но отказывалась моргнуть. Она не позволит этому сыну уличного подметалы считать, будто он может заставить ее плакать. Или считать, будто он может также и запугать ее.

— Мужчина твоего возраста действует отлично, если ему вообще удается удовлетворить женщину. Я достаточно довольна.

На этот раз оплеухи превратились в удары. Дорис перевернулась на живот. А затем сообразила, к чему это может привести, если Акимоса охватило желание причинить ей боль. Она снова перевернулась на спину — с помощью двух потных рук, болезненно тянувших ее за волосы.

Акимос снова рухнул на нее, выдавливая воздух из ее тела и заставляя занять ее неисцелившиеся ранки. С болью пришло и желание, которого она никогда раньше не испытывала, несмотря на распространяемые о ней сплетни.

Теперь же оно возникло. Она знала, что если б Акимос принял грызть ее тело, как волк ягненка, то экстаз поднялся бы и на большую высоту. Душу овеяло ужасом, словно ледяным ветром, но тело ничто не охлаждало. Оно обрело собственную волю и неслось теперь по волнам желания, как корабль по штормовым волнам.

Стон проложил себе дорогу в горло Дорис, стал громче и превратился в самый настоящий вопль.

Скирон услышал этот вопль и улыбнулся. А затем покосился на сидевших у бивачного костра, и его улыбка растаяла.

Чары, принуждающие госпожу Дорис стать для Акимоса рабой любви, были и мощными и сложными. Однако, похоже, они действовали не так уж плохо. Еще несколько дней их действия, и госпожа Дорис будет рабой Акимоса в такой же мере, как любой вендиец мог бы стать рабом макового сиропа.

В то же время, однако, эти чары напоминали всем другим мужчинам в лагере, что они-то не разделяют удовольствий своего магната. Или же всех этих мужчин заставляли выглядеть кислыми или охваченными похотью, или и теми и другими сразу, всего лишь доносившиеся из палатки крики?

Это не имело значения. Позволить этим мужикам утолить свое желание становилось важным для спокойствия в лагере и успеха магната Акимоса. Если Скирон сможет изобрести способ утолить его и дать слугам знать, чем они ему обязаны, то они будут прислушиваться к нему с большим уважением.

До сих пор ему хватало и непрочной дружбы да развязанного кошелька Акимоса. Однако приближалось время, когда для планов Скирона понадобится больше рук и еще больше друзей. Рабов, превращенных чарами в полных тупиц и используемых словно жертвенные животные, будет уже недостаточно.

А если эти друзья придут из рядов людей Акимоса — ну, это накинет узду на любые мечты избавиться от услуг Скирона, какие могли завестись у этого магната.

Скирон вышел за пределы круга светает костра, а затем и вообще в более глубокую ночь, за пределы лагеря. Вдали он услышал трубный зов оленя-самца.

Еще глубже в лес, всего лишь чуть ниже по склону, от лагеря. Скирон знал чары, способные превратить воженок и других самок в то, что сойдет за женщин, по крайней мере в постели и ночью. Это были мощные чары, даже для стран более древних и мудрых по части колдовства, чем Аргос. Никто не посмеет усомниться в величии колдуна, который наведет их.

Но этот колдун еще и утомится, и использует много незаменимых порошков и трав, которые он с таким трудом привез в такую даль. Если ему когда-нибудь позже понадобятся все его силы — нет, должен быть и более легкий способ.

Был такой. Он находился чуть дальше вниз по склону, в виде деревень, мимо которых они проезжали, поднимаясь к пещере. В каждой из тех деревень водились девушки и молодые жены. Несколько таких, скованных теми же чарами, что и госпожа Дорис, заставят слуг улыбаться весь месяц. Скирон вернулся к свету костра:

— Партаб!

— Господин Скирон? — Рослый вендиец поднялся, и свет отразился от его лысого черепа и клинка заткнутого за пояс талвара. Он поднялся с небрежной легкостью, словно говоря, что он не проявит открытого неповинования Скирону, но подчинится ему ничуть не быстрей, чем сочтет нужным.

— Возникло одно дело, связанное со здоровьем слуг.

Партаб медлил следовать за Скироном, однако постарался осмыслить слова колдуна.

— А ты мудрее, чем я смел надеяться, — порадовался Парта. — Я и впрямь скорбел, если б, к примеру, почувствовал в себе силу молодого жеребца, а рядом не оказалось ни одной кобылки.

— Это можно исправить, если ты и еще десяток бойцов отправитесь со мной.

— Я тотчас же соберу их.

— Хорошо. Напомни им, что мы должны красться так же незаметно, как ласки при набеге на курятник, когда все крестьянские псы не спят. Акимос нас не поблагодарит, если мы

восстановим против него всю округу, рыщущую в поисках пропавших жен и дочерей.

— Они ничего не найдут, — пообещал Партаб. Выхватив талвар, он взмахнул им так, что воздух засвистел, рассекаемый острым клинком.

— При самой малости осторожности — не найдут, — согласился Скирон. Понадобится больше чем малость осторожности, равно как и несколько мелких заклинаний для потери памяти. Если же у него не найдется времени для этого, то предложенное Партабом решение может оказаться единственным.

Конан сидел на постели, занимаясь смазкой кольчуги-безрукавки, которую наденет завтра под кожанку для верховой езды. Эта кожанка, вместе с остальным его снаряжением от начесленника до меча, лежала на сундуке около постели.

Ливия предложила ему поручить приготовить оружие и одежду какому-нибудь слуге, но он отказался, а Реза объяснил почему:

— Мы поедем налегке и по-быстрому, госпожа. Никаких слуг ни для кого, кроме вас. Некоторые бойцы делают то, что им следует сделать, с прохладцей, если не видят, что капитаны тоже занимаются этим.

Ливия вежливо кивнула. Она услышала в голосе Резы, как и в голосе Конана, намек, что они могли бы ехать быстрее и дальше, не будь с ними ее.

Но Арфос настаивал, и никто не мог отказать ему, да и не стал бы даже пробовать. А коль скоро Арфос присоединился к спасательной группе, Ливия тоже настояла на этом. И Конан, и Реза пытались отказать ей — настолько твердо, насколько позволял их чин. А она проигнорировала их обоих настолько твердо, насколько позволял ее чин.

Конану казалось, что эти двое юнцов вызывали друг друга на состязание — кто проявит больше смелости? Навидавшись того, как такие состязания заканчиваются по большей части тем, что их участники в конечном итоге служат пищей стервятникам, Конан не испытывал душевного спокойствия, видя Арфоса и Ливию втянутыми в подобное же соперничество.

Ну, они были всего года на четыре моложе его, хотя об этом было легко забыть из-за мудрой головы на юных плечах Ливии. Если они не желают слушать возражений и быть осторожными, то им придется ехать и драться. Со всей помощью, какую смогут оказать отборные бойцы да они с Резой, и большей, если возможно.

Конан услыхал, как рука прикоснулась снаружи к незапертой двери, прежде чем увидел как дверь начала открываться. Он застыл где сидел, делая дыхание глубоким и ровным и сузив глаза в щелки.

Он стал столь же неподвижным, как валун, и по виду — таким же нечувствительным, когда дверь открылась ровно настолько, чтобы в нее проскользнула Гизела.

Она бросила один взгляд на Конана, кажется, подумала, будто он спит, а затем на цыпочках подошла к постели. Стоя рядом с ней, она сбросила сперва одну сандалию, затем другую. И опустила руки к подолу туники — а Конан швырнул в дверь кувшин с оливковым маслом, заставившее захлопнуться. Конан одним прыжком очутился у двери, задвигая засов. Еще один прыжок, и он очутился на постели, сгребая Гизелу в свои массивные объятия.

Вместо того чтобы протестовать, та улеглась на спину и покрутила бедрами, не волнуясь о том, что туника соскользнула куда как выше голеней, когда Конан подхватил ее на руки.

Конан рассмеялся, поднял горничную еще выше, а затем бросил на постель. Она трижды подскочила, прежде чем остановиться. К тому времени она так сильно смеялась, что ей пришлось перевести дыхание прежде, чем она смогла сесть и снять наконец тунику.

Теперь на ней осталась только нижняя туника, которая начиналась как раз над грудями и заканчивалась чуть ниже пупка. Вышитые на тонком шелке цветы отнюдь не делали одежду

более скромной.

Конан рассмеялся:

— Раз уж я бросил тебя на постель, а не скинул с нее, то надеюсь, ты знаешь, зачем ты здесь.

Она выпрямилась:

— Конан, я вовсе не зеленая девчонка.

В самом деле, семнадцать лет считались в Аргосе возрастом женщины. Как, впрочем, и вздывающиеся под туникой груди — весьма соблазнительными.

— Оно и к лучшему. Те мне не очень-то по вкусу. Но я видел тебя с Вандаром...

Никаких сомнений. При этих словах по лицу ее пробежала тень. Конан нахмурился:

— Вы поссорились?

— Капитан Конан, а это твое дело?

— Да, Кром побери! — прорычал киммериец.

— Если вы поссорились, то я обязан знать. Это касается одного из моих лучших бойцов. Если же вы не в ссоре, то что ты здесь делаешь?

— Сижу на твоей постели.

— Почти голая и, похоже, готовая наброситься на меня, как тигр на козу! Так вот, ты сама себе хозяйка, и, если у тебя есть веская причина быть здесь, я не стану с тобой бороться. Но ты либо скажешь мне об этой веской причине, либо выйдешь отсюда с покрасневшей задницей, а Вандар завтра утром останется здесь.

Гизела побледнела и отвернулась. И когда она заговорила, то ее слова звучали чуть громче шепота:

— Если Реза узнает, что я тебе сказала...

— Я готов поклясться любой клятвой, какую ты выберешь, не говорить Резе. Просто скажи мне, и побыстрее.

— Меня прислал Реза. Он... незачем, чтобы ты думал о госпоже Ливии... как о женщине?

— Тролли побери Резу и демоны засунь Ливию в навозную кучу! — От рычания Конана Гизела съежилась в страхе и зарылась лицом в подушку. Голову она подняла, только когда заметила, что нижняя туника выставила теперь ее ягодицы на обозрение, и рассмеялась.

Все оказалось так просто, что ему следовало понять это, не пугая бедную девушку. Это следовало понять любому мужчине, достаточно взрослому, чтобы спать с женщиной! У Резы в голове только одна мысль — охранять репутацию Ливии. Как это сделать? Ну конечно, сыграть роль сводника.

Конан снова рассмеялся. Он надеялся, что в голове у Резы найдется место не только для одной мысли, начиная с завтрашнего дня. Иначе киммерийцу придется думать за них обоих. Если такое произойдет, то он попросит дополнительной оплаты!

— Ливии меня нечего бояться. Я знаю, что она положила глаз на Арфоса.

— Он недостоин ее!

— Не вздумай говорить это при ней, если хочешь сохранить кожу на спине. Я никогда толком не понимал женщин, но одно усвоил твердо: если женщина считает, что мужчина ей подходит, их не разлучат даже боги и демоны, вместе взятые.

— Совершенно верно, — воскликнула Гизела. Она сорвала с себя нижнюю тунику и протянула руки к Конану. Кожа у нее была светлее, чем у Конана, достаточно светлой, чтобы покрыться веснушками, при всем том, что волосы у нее были черными, и она смазала их так, что они, казалось, пылали при свете лампы. Она соскользнула с постели и подошла к нему, груди ее слегка покачивались, пока он не протянул руки и не привлек ее к себе.

После этого прошло не много времени, прежде чем он снял с себя собственные одежды,

отнес Гизелу обратно на постель и узнал, что женщина весьма изобретательна в искусстве любви.

Драконы устремились друг к другу, находя проемы в скале там, где те существовали, и проделывая их там, где таковых не было. Продвигаясь, они притягивали к себе последние "фрагменты", поглощали их, впитывая всю их силу и воспоминания, и чуть ли не с каждой минутой становились все больше.

К тому времени, когда два чудовища просунули отростки через последний проем, они были почти одинакового размера. По людскому счету в таких делах, каждый стал размером с полдюжины слонов. Они не могли стоять или бегать, как слоны, но никакое стадо слонов не смогло бы выйти живым из их хватки.

Они соприкоснулись друг с другом, обменялись всем, что узнали со времени Осознания, и принялись отдыхать. Это было нелегко при волнующих их все еще пульсирующих в скале чарах, но древние воспоминания говорили им, что в этом и заключалась мудрость.

В каждом из них хватало материи для создания еще пары Драконов, способных при надлежащем питании быстро вырасти до полного размера. Но им придется отдохнуть и приказать своей собственной субстанции сформироваться в тех монстров, пока они отдыхают. Потом настанет время поискать пищу в горах и даже рискнуть выбраться под открытое небо, к имевшимся там более обильным запасам пищи.

Босая Ливия потихоньку убралась от двери в комнату Конана. Она не боялась, что находившиеся в ней услышат ее. Они были слишком заняты и слишком шумно предавались своим удовольствиям.

Боялась же она встретить Резу. То, что ей пришлось бы сказать ему, могло вдребезги разбить хрупкий мир между ними. При свете дня, без горящих у нее в голове воспоминаний о доносившихся из комнаты звуках, она смогла бы придержать язык. Но сегодня ночью...

Сегодня ночью была особенная ночь. Она будет последней ночью, проведенной ею под собственной крышей, в собственных покоях, окруженной женщинами, умевшими рассказывать сказки. Которые будут рассказывать сказки, если Реза вселит в них страх.

А завтра ночью, и много ночей впредь, она будет спать в постоянных дворах, палатах или в чистом поле. Куда она отправилась, и кто отправился с ней, и что они делали, — это останется ее личной тайной.

Глава 16

Конан услышал женский крик, донесшийся с неба над верхушками деревьев. Он поднял руку, останавливая ехавших по тропе следом за ним:

— Вандар, пойдешь со мной. Реза, мне понадобятся бойцы на флангах.

— Я знаком с этими делами, Конан.

— Так же как и Конан, а командует здесь он, — заявила Ливия.

Если б он командовал, подумалось Конану, то он желал бы иметь возможность скомандовать этой dame помолчать. Ее выпады в адрес Резы потихоньку крошили мир между двумя капитанами. Сомнения в преданности друг друга исчезли, а вот ревность Резы к влиянию киммерийца на его хозяйку осталась.

Конан спешился, с такого коня это был не велик подвиг. Аргос не славился своим коневодством, и большая часть отряда ехала на низкорослых мелких меринах или даже на мулах. Однако они казались достаточно неспотыкающимися и выносливыми, и им не требовалось мчаться в атаку или стремительно нести конных стрелков к вражескому флангу.

— Пошли.

Густой полог из сосновых веток скрывал почти все небо, загораживая здешнюю землю от солнца стволами, толщиной с человека. Благодаря редкому подлеску и пологости склона, киммериец поднимался без труда. Временами ему приходилось притормаживать, позволяя Вандару не отставать от него.

Они вышли из леса на берег горной речки. На противоположном берегу речки поднималась, загораживая собой полнеба, мрачная серая скала. На краю этой скалы стояла женщина с откинутой назад головой и поднятыми руками, и она пронзительно кричала.

Пока Конан изучал скалу, выискивая путь наверх, на вершине появилась вторая женщина. Она, похоже, делала какие-то знаки первой женщине. Но каждый раз, когда новоприбывшая подходила на расстояние в двадцать шагов, первая женщина делала шаг назад.

— Еще десять шагов, и она свалится, — проворчал Конан.

— Наверно, она этого и хочет, — предположил Вандар. — Значит, сегодня мы занимаемся спасением деревенских дурочек? — А затем отшатнулся, увидев выражение в глазах киммерийца.

— Да, — бросил Конан. Он вынул из ножен меч и кинжал, чтобы не намочить их в воде, а затем шагнул в речку. Через три шага вода стала ему по грудь. Вандар сделал глубокий вдох и последовал за ним, вздрагивая от холода.

Когда они наконец вылезли из воды, Вандар стал таким же синим, как глаза Конана. Северянин прошелся вдоль кромки скалы, выискивая путь наверх, и наконец нашел его. На самом деле все выглядело так, словно кто-то высек некогда в скале лестницу.

Конан вскарабкался к самым нижним из ветшающих ступенек и встремхнулся, как собака. Вандар последовал за ним, с сомнением поглядывая на дальнейший путь наверх.

— На вид этот подъем годится больше для коз, чем для людей, капитан. А где твоя борода и рога?

Конан легонько постучал по голому подбородку юноши:

— Если уж на то пошло, а где твоя? Вот отрасти ее, а уж потом спорь со своим капитаном. За мной, — и принялся карабкаться наверх, используя руки для балансирования, так же как и для хватания за лозу и кривые деревца, которые каким-то образом росли прямо на голом камне.

К тому времени когда они одолели полпути к вершине скалы, первая женщина перестала кричать. Вторая теперь говорила тихим, настойчивым голосом. Конану не удавалось разобрать

ее слов, но он не мог и ошибиться: в ее голосе звучала нота мольбы.

Вандар взобрался к Конану и сделал глубокий вдох:

— Капитан, а что мы все-таки здесь делаем?

— Безумная, бродящая по такой местности, вдали от своей деревни, — для меня это пахнет колдовством.

— Не все безумие происходит от колдовства, капитан.

— Не все, но достаточно. И даже если это не тот случай, мы можем спасти ее. Если спасем, то ее деревня и родные будут нам благодарны. Возможно, они видели нечто, что поможет нам, если они расскажут об этом без утайки.

— Прости, капитан. Мне и самому следовало подумать об этом.

— Когда проживешь с мое своим умом и мечом, будешь думать. Или же не проживешь так долго!

Они продолжили восхождение. При следующей остановке для передышки Конан прислонился спиной к скале и посмотрел за речку. Они теперь поднялись выше уровня деревьев, и ему открылся беспрепятственный обзор горной долины, вплоть до противоположных склонов. Они забрались недостаточно далеко на север, чтобы на пиках лежали в это время года снежные шапки, но все прочее, делающее их труднопреодолимыми, у них наличествовало.

В этой местности могла спрятаться хоть целая армия, и без того, что они узнали в доме Акимоса, поиски торгового магната и его цепного колдуна были бы дурацкой затеей. Они могли снова превратиться в такую затею, если Акимос пронюхает об их приближении. Если односельчане этой женщины не смогут сделать ничего другого, то Конан попросит их держать язык за зубами относительно присутствия в горах его отряда.

Последние несколько десятков шагов вверх по обветшалой лестнице Конан и Вандар проделали, стараясь быть такими же бесшумными, как мыши, когда охотится кошка. Околдованная она или обезумевшая, та женщина могла слишком легко удариться в панику. И тогда спасатели вызовут тот самый прыжок, который они стремились предотвратить.

Два воина остановились под самым краем скалы. Конан увидел сумасшедшую, стоящую скрестив руки на груди меньше чем в пяти шагах от края пропасти. Хуже того, ее отделяло не больше двух шагов от ведущей к краю скалы ложбины. Если она прыгнет или упадет в нее, то заскользит, как мешанка в свином корыте, вниз по склону — и в пропасть.

Конан привлек к себе Вандара и прошептал:

— Последние ступеньки мы одолеем рывком. Беги между ней и краем. Я буду охранять ложбину. Что бы ты ни делал, действуй только голыми руками.

— Отлично. Если она выцарапает мне глаз, колдун Акимоса сможет выкупить свою жизнь, вернув его на место.

Киммериец набрал побольше воздух в легкие, постучал своего спутника по плечу, а затем только что не взлетел на последние несколько ступенек. Вандар отставал от него всего на шаг, но одна нога ступила на непрочный камень, пропущенный киммерийцем. Тот перевернулся под ногой Вандара и заставил его растянуться — по милости богов на ровной почве.

Даже распластавшись на животе, он все равно преграждал женщине путь к краю пропасти. Та завыла, словно волчица, и бросилась к ложбине. Оглядываясь посмотреть, не упал ли Вандар, Конан на какой-то миг опоздал поймать ее.

Но он не опоздал последовать за ней в ложбину, вцепившись железной хваткой в ее лодыжки. Он раздвинул ноги, пытаясь упереться ступнями в стенки ложбины и удержать их обоих. Но ложбина была слишком крутой, и, хотя он использовал кроме ступней еще и локти и колени, он почувствовал, что соскальзывает. Еще десять шагов, и для них обоих не останется ничего, кроме долгого падения к смерти в речку, и, наверно, спасать эту женщину, в конце

концов, было-таки дурацкой затеей.

На голень ему упало что-то мягкое. Затем голень плотно обхватили жилистые пальцы. Он услышал сзади и выше голос Вандара, кричавшего: "Да поскорее ты, безмозглая сука!" А затем вокруг другой его голени обвился еще один кусок ткани.

Он почувствовал, как затянулись узлы. Сперва они не больше чем остановили его скольжение навстречу смерти. Затем он смог выпустить одну лодыжку женщины и использовать свободную руку для толкания назад их обоих. Наконец, он смог сразу использовать и ступни, и колени, и локти, ползя по ровной земле, словно пьяная гусеница, но в безопасности.

Конан сделал глубокий вдох и встал. Женщина потеряла сознание, и, судя по ее виду, оно и к лучшему. Конан увидел свежие ссадины, порезы, то, что походило на следы от кнута, и даже ожоги.

— Капитан, у тебя все в порядке?

Вандар и вторая женщина стояли бок о бок. Оба были голыми по пояс.

— Ты научился думать быстрей, чем я ожидал, — одобрил Конан. — Если б ты сам бросился в ложбину, то в речке могло оказаться три тела вместо двух.

— Я не без труда уговорил Шилку пожертвовать своей туникой, когда понадобилось спасать ее сестру.

— Ее сестру? — начал было переспрашивать Конан. Но тут Вандар указал рукой вперед. Конан тоже разглядел за валунами какое-то движение.

Мужчины мигом распластались на земле. Шилка осталась стоять, а потом сложила руки рупором и крикнула:

— Эй! Если вы из деревни Олений Скок, то эти люди друзья. Они спасли Комару.

— Это ты так говоришь, — отозвался грубый голос. — Но когда по горам гуляет магия, как в последние четыре ночи...

— Магия? — воскликнул Вандар.

Конан тоже сложил руки рупором:

— Какая именно магия?

— Тебе лучше знать, ты... — начал еще кто-то.

— Погоди, — скомандовал первый голос.

— Кто ты?

— Капитан Конан, служу Воителям.

— Я никогда не видел тебя в форту в долине.

— А я никогда и не бывал. Я приехал прямо из Мессантии, возможно по следу той самой магии, которой вы опасаетесь. Расскажите мне о ней.

— Да, расскажите ему, — крикнула Шилка. — И пока ты рассказываешь ему, Орис, остальные позаботятся о моей сестре. Мы не для того вырвали ее из зубов смерти, чтобы дать ей истечь кровью на камнях.

Стыд или надежда — или и то и другое вместе — заставили четырех селян выйти из-за валунов. Конан заметил, что все четверо держали в руках арбалеты и либо копья, либо короткие мечи. Он подошел к краю скалы, готовый дать сигнал Резе прислать еще бойцов. Селянам он в какой-то мере доверял; и будет доверять им еще больше, когда они узнают, что их превосходят в численности.

Когда Конан добрался до края скалы, в поле зрения попалась знакомая светловолосая голова. Конан отступил на шаг и помянул нескольких богов, которых в приличном аргосийском обществе обычно не призывают. Смех Ливии походил на журчание речки по камням.

— Извините за неожиданное появление, капитан. Но я подумала, что могу понадобиться, чтобы убедить этих горцев, что мы друзья. Горцы могут иногда быть столь же неподатливыми и

упрямыми, как скалы в их горах, о чем, уверена, вы и сами знаете.

Прежде чем Конан смог придумать ответ на это, она повернулась к селянам:

— У этой несчастной есть родня?

— У нее есть муж, — ответил тот, кого Шилка назвала Орисом. — Но примет ли он ее назад, после этого...

— После того, как она пострадала от подлой магии, он назовет ее нечистой? — резко бросила Ливия.

Конан услыхал в ее голосе треск льда. Так же как и селяне. Они отступили на шаг.

— Ну, — сказал Орис. — Я не стану ни за что ручаться. Сам-то я, разумеется, буду на ее стороне, и...

— Отлично. Сделай все, что в твоих силах. Если их окажется недостаточно, эта женщина получит место в моем доме до тех пор, пока будет нуждаться в нем.

— А кто ты такая, шлюха мессантийская? — зарычал тот селянин, который заговорил вторым.

Конан сделал три быстрых шага вперед и поднял его за пояс и за шиворот туники.

— Она та, кто может выполнить это обещание. А я могу выполнить обещание переломать тебе все кости, если твой язык будет снова болтать, как помело.

— Я — госпожа Ливия из Дома Дамаос, — заявила Ливия. Она, похоже, впервые осознала, что ее одежда для верховой езды насквозь промокла и прилипла к телу. Мужеподобный вид, который она приобрела в пути, теперь полностью исчез.

— Она та самая, и не только, — подтвердил Канан. Он опустил селянина на землю и заботливо вытер руки о штаны. — Но если хоть слово об этом дойдет до наших общих врагов...

— Я позабочусь, чтобы этого не случилось, — пообещал Орис. — А теперь, сударыня, капитан Конан, вы одни?

Конан сделал знак Ливии предоставить говорить ему. К некоторому его удивлению, та кивнула.

— А в чем дело?

— Если вы здесь с воинством, то умоляю вас заехать в Олений Скок и уберечь нас от умыкательниц женщин. А если вы не с воинством, то, пожалуйста, уезжайте. Вы только навлечете гнев этих умыкательниц, но не сможете дать им отпор.

Этот человек был явно не столь уверен в честности Конана, как делал вид. Конан решил, что хватание селян за шкирятник и махание ими, словно боевыми знаменами, во второй раз не сработают.

— Сколько деревень пострадало?

— Четыре. Каждую ночь иная.

— Тогда почему бы не проводить нас к месту, где мы сможем быстро добраться до всех четырех деревень? Если эти умыкательницы заявятся опять, то уйдут с разбитыми носами, и селяне смогут спать спокойно.

— В этом есть мудрость, капитан.

— Тролли побери мудрость! Есть ли место?

Он решил рискнуть:

— Мы слышали о месте под названием пещеры Зимгаса, в них...

Орис побледнел и выглядел готовым рухнуть на колени, в страхе или мольбе.

— А чем плохи пещеры?

— Они... капитан, вы не знаете, о чем просите.

— Ну так скажи мне! Или в этих горах все говорят загадками?

— В пещерах Зимгаса, капитан, обитают Дра... Драконы. — Орис сглотнул. — Это

порождения древней магии. Они созданы много веков назад для охраны границ Аргоса. Когда магия покинула эту страну, они уснули, но говорят, что они не умерли. А если они живы, то действующая магия может пробудить их.

— Значит, тем хуже для колдуна, — заметил Конан. — Пробуждение чужих тварей убило больше колдунов, чем все прочее, кроме доброй стали.

Орис содрогнулся:

— Если вы действительно желаете охранять от чудовищ, то есть замок Теброт. Он недалеко от любой из деревень. Только... вы должны знать...

— Да, я должен знать, или тебе понадобится вернуться в деревню и поискать лекарства для восстановления ума, — проворчал Конан.

— Говорят, что этот замок вырос за одну ночь и его камни подняли на место сами Драконы.

Конан не содрогнулся, но его старая ненависть к колдовству заставила его на миг умолкнуть. Затем он кивнул:

— Орис, сделка. У нас приличный отряд внизу, вместе с едой и лечением для ваших людей и Комары. Проводите нас к замку Теброт и заберите свою долю. А потом отведите домой Комару и предупредите сторожей каждой деревни о нашем присутствии. А потом они могут использовать факелы или вестников, если умыкательницы женщин заявятся вновь.

— Я тоже должна отправиться, — заявила Шилка. Она не натянула тунику, и взгляд, который она бросила на Конана, едва ли вызывал сомнения в истолковании. — Моя сестра нуждается в женском уходе.

Ответ Ливии на это заявление безмолвно умер при взгляде на Конана. Но выражение лица у нее было столь же красноречивым, как и у деревенской девушки. Миг спустя девушка снова надела тунику.

Конан от души пожелал, чтобы все женщины находились в каком-нибудь местечке подальше от него, пока это дело с Акимосом и умыкательницами женщин не закончится. Затем он посмотрел на Ориса:

— Ну?

— Как пожелаете, капитан.

— Хорошо. — Конан повернулся к остальным спиной, подошел к краю скалы и на этот раз закончил сигналить следившему снизу дозорному Резы.

Конан был вполне готов поверить, что замок Теброт построили в качестве крепости. Он угнездился высоко на скале, господствующей над узкой долиной. Единственный путь к нему вел по извилистой тропе, на которой полдюжины лучников могли удерживать целую армию.

Орис рассказывал байки о замке и о том, как Драконы приволокли камни на скалу по всей длине тропы. Когда они приблизились к скале, Конан начал гадать, нет ли в этих байках правды. Многие из камней определенно не уступали размерами небольшим домам. Он не мог себе представить никакой человеческой силы, способной втащить их вверх по склону. Однако ради поддержания смелости у своих воинов он сказал иначе.

— Я поверю в Драконов, когда обнаружу одного из них, стерегущего меня, — сказал он Талуфу. — Камни эти, признаю, большие. Но если хватает рабов, можно затащить что угодно куда угодно.

— Ты когда-нибудь был надсмотрщиком, Конан? — спросила Ливия. Она шла почти достаточно близко, чтобы прижаться к нему бедром, — только потому, что тропа такая узкая, заверила она его.

— Нет, — коротко ответил Конан. — Я был рабом.

Это заставило высокородную даму замолчать, пока они не добрались до ворот замка.

Железные части их давно исчезли, но Конан увидел достаточно валявшихся там нескрепленных раствором камней, чтобы хватило на высоченную баррикаду. Оказавшись в замке, они будут хорошо защищены от любого человеческого нападения. Что же касается других видов нападений — Конан предполагал найти колдуна прежде, чем тот найдет их, а потом показать любым монстрам чистую пару пяток.

В замке имелся внутренний двор, немногим больше огорода. Они собирались там, прислушиваясь, как ветер жутковато свистит среди потрепанных ветром и солнцем башен.

— Ты знаешь, где что в этой куче ошибок каменщика? — спросил Конан у Ориса.

— Как немногие люди, — заверил его тот. Он понизил голос: — Будь я на вашем месте...

— Ты не на нем. Пошли. Мне нужен совет, а не аргосийские манеры.

— Я бы посоветовал выставить часовых у входа в погреб, а не только на стенах. — Орис теперь говорил шепотом, почти терявшимся в вое ветра. — Рассказывают, что отсюда прямо через горы проходят тунNELи к пещерам Зимгаса. Когда Драконы завершили свою работу, их отправили спать в эти тунNELи.

— Значит, если они проснутся, то могут вернуться сюда и наведаться к нам в гости?

Орис пожал плечами.

— Я б не шутил насчет Драконов, будь я на... прошу прощения. Но я помню, что были отвратительные твари. По тунNELю, достаточно большому для такого чудища, могли проехать телега и лошадь. По нему может пройти и добный отряд воинов.

— Намек уловил. Помешу перед дверью в погреб часовых и кучу камней.

Расстановка часовых и наваливание камней затянулись до темноты. К тому времени когда работу завершили, к удовлетворению Конана и Резы, от дня осталась только легкая красноватость на западной половине неба. Ветер стих до слабого шепота, который Конан понимал ничуть не хуже. Если б ветер стонал так же жутко, как тогда, когда они прибыли, киммериец все равно бы разгуливал, положив руку на эфес меча и время от времени оглядываясь назад.

Рассказы Ориса о Драконах заставляли их казаться чересчур уж фантастическими. И были еще похитители женщин, рыскавшие по деревням, словно бешеные волки, а вот они и их магия были вполне реальными. В этих горах закручивалось что-то покруче, чем простые коварные замыслы торгового магната.

Мысль об умыкательях женщин напомнила Конану о Комаре, лежащей на своем тюФяке в самой теплой комнате, какая нашлась в древнем замке. Он спустился по винтовой лестнице с крыши башни и постучал о дверной косяк рукоятью кинжала.

— Кто там? — отозвался голос Ливии.

— Капитан Конан.

Войдя, Конан увидел Ливию, стоящую на коленях рядом с тюФяком проводя по порезам женщины губкой, смоченной в уксусе и в воде из греющегося на огне котелка. Реза сидел на подоконнике, с усталым и мрачным видом.

— Где Шилка?

— Я отослала ее немного поспать. Она два дня гонялась за сестрой по долинам и за эти два дня видела мало отдыха и еще меньше пищи.

— Как Комара?

— Думаю чары сходят на нет. Она вскрикивает, как от боли или как при кошмарах. Похоже, она знает, что находится среди друзей.

— Она к тому же находится в пустом замке, который может через несколько дней подвергнуться одним богам известно каким нападениям, — указал Реза. — Я уговаривал госпожу отослать эту женщину на рассвете, вместе с другими селянами.

— Ну, Реза, если уж она тебя не послушается, то я не буду зря терять дыхание, которое мне может понадобится для боя, — решил Конан. — И тебе также лучше вспомнить, что говорила Шилка. В деревне Комара может и не оказаться среди друзей.

— В самом деле, Конан, вполне может, — добавила Ливия. — К тому же Арфос оставил мне кое-что из своих трав и образцов. В деревне не найдется ничего подобного им, и некоторые уже пошли ей на пользу.

— Кстати, а где Арфос?

— Он тоже отправился подыскать тюфяк, — ответила Ливия, но только ли померещилось Конану, будто голос у нее на миг прервался, а лицо зашла краска? — Он сказал, что хочет заступить в караул с полуночи до рассвета, так что теперь он должен уже спать.

— А я и не слышал, что Арфос был солдатом, — проговорил Конан старательно вежливым тоном.

— Он сказал, что для него это будет единственной возможностью научиться данному искусству, — вставил Реза. — Он желает отправиться с нами в пещеры, когда придет время спасать его мать.

В ответ Конан нечленораздельно крякнул и кивнул. Что-либо большее выдало бы его подозрения. Арфос и Шилка ушли вместе, и Ливия беспокоится из-за этого? Она что, ревнует или разыгрывает из себя сваху по своим личным причинам?

Конан сомневался, что когда-нибудь узнает это, учитывая, что женщины были такими, какие есть, а Ливия — и того чище! Определенно ради поисков ответа не стоило терять сон.

Равным образом он сомневался, что из Арфоса когда-либо выйдет приличный боец. Определенно не настолько приличный, чтобы больше помогать людям, спасающим его мать, чем подвергать их опасности, но как уберечь его, если он хотел броситься навстречу опасности? На этот вопрос сегодняшней ночью тоже не найти ответа.

— Спасибо, — поблагодарил Конан. — Если я кому понадоблюсь, то я буду спать на верху восточной башни.

Первым ощущением, проникшим сквозь густую вуаль сна вокруг Конана, было ощущение тепла. Неужели эти одеяла выполнили наконец свой долг или эти горы каким-то образом привели теплый ветер к скале с замком?

Затем пробудился рассудок Конана, в достаточной мере для того, чтобы он понял, что тепло исходило из одного места. Наверно, от жаровни или от очага — но когда он лег спать, с ним на крыше башни не было ни того ни другого.

Он отбросил одеяла и сел, потянувшись одновременно за мечом. И оказался глядящим в два широко раскрытых голубых глаза. В глазах этих таился смех, так же как и в красных губах рта под ними.

— Я не могла уснуть в миазмах тех покоев, там внизу, — объяснила Ливия. — И поэтому поднялась спать там, где у меня будет безопасность и свежий воздух.

Конан заметил, что плечи у нее над обертывающими ее одеялами голые. Жаровня давала достаточно света, чтобы показать легкую пыльцу веснушек на этих плечах.

— Прежде чем настанет утро, ты можешь обнаружить, что воздух этот посвежее, чем тебе нравится. — Конан потянулся. Если эта деваха намеревалась поболтать, то сна ему какое-то время не видать, так что лучше всего устроиться поудобнее.

— Ты случайно не захватила вина?

— Нет, но зато захватила один из горшочеков с мазями Арфоса. Я видела, что ты весь в ссадинах и царапинах.

— Едва ли. Когда я влезал на скалу, то лез на нее в кожанке и крагах. Попробуйте как-нибудь

полазать по скалам с голой кожей, вот тогда действительно узнаете, что такое ссадины и царапины. Или попробуйте дружеское состязание с борьбе.

— А что такое дружеское состязание?

— Это когда состязаешься с другом, чтобы увидеть, кто лучший борец, или просто тренируешься. Я участвовал в состязаниях, где владельцы выставляли друг против друга своих рабов. Проигравшего, конечно, ждала порка или что похуже.

— Ты поучишь меня немного борьбе? — Голос у Ливии снова прервался, но краски у нее на лице он не увидел.

— Зачем?

— У меня есть кинжал, но если на нас нападут и бой затянемся...

— Понятно. Вы с Арфосом оба хотите стать солдатами за одну ночь.

— Не оскорбляй нас, Конан. Мы всего лишь хотим научиться чему можем, чтобы помочь разбить магната Акимоса. И мне думается, я годна для обучения борьбе.

Должно быть, Ливия не раз репетировала этот жест, потому что она сбросила все одеяла одним движением. Под ними она была одета именно так, как начал подозревать Конан. В свою собственную кожу, слегка усыпанную веснушками не только на плечах, и больше ни во что.

— Ну, Конан?

— Для серьезных состязаний, Ливия, обычно надевают набедренную повязку.

— Женщины устроены иначе, чем мужчины, о чем ты, уверена, и сам знаешь. Кроме того, я не вижу никакой повязки и на твоих бедрах.

— Да, но я вижу, что жаровня упала и одеяла через минуту загорятся.

Ливия стремительно обернулась, и взгляд Конана приковали к себе плавность линий ее тела и мягкая округлость ее груди. Кровь у него уже бурлила, и только самая строгая команда своим рукам не позволяла им протянуться к ней.

Упало всего несколько углей, и медного горшочка с мазью хватило, чтобы раздавить их. Закончив, Ливия снова повернулась к Конану:

— Если нам не нужны набедренные повязки, то чего же нам еще не хватает?

— Борьбой лучше всего заниматься на чем-то мягком.

— Вроде одеял?

— Да.

Она расстелила свои одеяла, и когда Конан расстелил свои, их руки встретились. Его ладони жили самостоятельной жизнью, взлетев вверх по ее рукам, чтобы схватить ее за плечи и привлечь к себе.

Она сопротивлялась всего миг. А затем полетела вперед так, что Конан упал на спину, опрокинув на себя Ливию. Поскольку все, что они собирались сделать, можно было проделать лежа, то прошло какое-то время, прежде чем они снова поднялись, да и тогда лишь ненадолго.

Они не угомонились, пока не взошла луна и не застала их обоих спящими, обвитыми руками друг друга и спутанными одеялами.

Глава 17

— Конан, Конан, проснись!

Проснуться-то Конан проснулся, но был занят тем, что любовался через полузакрытые глаза Ливией. А полюбоваться ею стоило, так как прежде, чем подойти к парапету, она не потрудилась одеться.

— Я проснулся. В чем дело?

— Я вижу четыре десятка человек на пути к замку.

Конан вскочил и тоже поспешил к парапету, не утруждая себя одеванием. Затенив ладонью глаза от восходящего солнца, он изучил приближающихся людей. А затем рассмеялся:

— Там в основном женщины и дети. Я вижу несколько парнишек с луками и дубинами, но больше ничего. Думаю, одна из деревень отправила своих жителей укрыться здесь.

— Извини, что я их не узнала.

— В том, что ты не солдат, ничего плохого нет. У тебя уйма других талантов.

Ливия покраснела, что сделало ее светлую кожу розоватой при еще более розовом свете зари. А затем рассмеялась и изящно наклонилась за одеждой.

Конан поспешил натянуть штаны, подхватил оружие и спустился по лестнице вниз. К тому времени и Реза, и Арфос стояли на посту, мечники построились, готовые помочь лучникам, если новоприбывшие окажутся враждебными. Реза казался таким же нерушимо гранитным, как всегда, но у Арфоса был вид человека, проведшего большую часть ночи в постели, но в основном без сна.

Орис предложил выйти и встретить селян и быстро вернулся с сообщением от них.

— Они взяли с собой еду, воду, спальные принадлежности?

— Я таких не видел.

Конан пожелал троллям побрать деревенских вождей и сделал глубокий вдох:

— Я не буду отсылать их обратно, не могу, так как они, несомненно, всю ночь брели сюда. Но я хочу, чтобы нескольких парнишек разослали по деревням и велели им передать вот что: "Без своей еды и спальных принадлежностей в замок никому не приходить. Воды у нас навалом, но мы не в состоянии укрыть пол-округи".

— А не разумно ли будет попросить их также прислать и нескольких вооруженных мужчин? — вставил Арфос. — Нам ведь придется разделить свои силы, когда мы выступим спасать мою мать от...

— Арфос, помолчи, пока мы не останемся одни, — резко оборвал его Реза. Юноша потерял половину своих лет и стал похож на мальчика, которого только что пригрозили высечь.

Конан вмешался в эту ссору:

— Мы и в самом деле будем отправлять бойцов на вылазки. Но этот форт и десять бойцов удержат против целой армии.

— Верно, будь он совершенно цел, — указал Арфос. — Но я... ночью, когда искал тихое местечко, где можно... спать, увидел слабые места. К тому же деревенским бойцам не нужно являться в замок. Они могут разбить лагерь в долине, готовые предупредить нас о нападении. А потом они могут подождать и ударить по нападающим сзади, пока мы бьем их спереди.

Конан посмотрел на Арфоса с уважением. Миг спустя, и с неохотой, на него так же посмотрел и Реза.

— Ты мыслишь как солдат, — одобрил мажордом и схватил Арфоса за плечи. — Если это будет продолжаться, то твоя мать, возможно, наконец поблагодарит тебя за изучение того, чему она тебя не учila!

— Реза, если ты так думаешь, то у тебя просто трогательная вера в человеческую доброту, — отозвался Арфос. — Капитан Конан, можно мне показать вам слабые места?

Большинство показанных Арфосом Конану слабых мест ничуть не походили на таковые. Иные из них устрашили бы даже специально обученных обезьян, и только два предлагали хоть какую-то надежду, даже для самых ловких скалолазов. Арфос выглядел довольно приунывшим, но Конан его утешил:

— Сударь, я год прослужил капитаном в войсках Турана, прежде чем многое узнал о строительстве крепостей.

— В Туране не очень-то много замков, не так ли?

— Только в горах, где могут перекрыть дороги. В остальном же у Турана слишком много открытых границ, и слишком много врагов. Нет смысла тратить золото на круговую оборону.

— Понимаю. — Арфос отвернулся, глядя на долину, и, казалось, с трудом подыскивал нужные слова. — Капитан Конан, могу я попросить вас об услуге?

— Отправиться вместе с нами?

— Арфос кивнул.

— Ваше искусство целителя нам не помешает. Но умеете ли вы совершать длинные переходы и сражаться?

— Всю дорогу от Мессантии я ведь не отставал, не так ли?

— Да, но нам не пришлось драться. Арфос, я не могу выделить четырех воинов на то, чтобы... чтобы...

— Нянчиться с мальчишкой?

— Я бы выразился не совсем так.

— Да, полагаю, не так, и я благодарен вам за доброту. — Арфос положил руку на эфес короткого меча. — Капитан, не провести ли нам несколько заходов, я с этим оружием, а вы с оружием по вашему выбору. Если я покажу что далеко не беспомощен, то мне можно будет отправиться?

— Да.

— Даете слово?

— Клянусь Митрой и Эрликом, покажи, что ты знаешь сталь, и можешь отправляться, куда ни приведет нас это путешествие.

Конан обнажил кинжал, обмотал левую руку плащом и отступил на шаг. Добавление меча к его более длинным, чем у Арфоса, рукам сделало бы это состязание жалко — односторонним. Но при его кинжале против короткого меча Арфоса досягаемость у них будет примерно равной. Итог схватки решат другие качества.

После нескольких глубоких вдохов, принесших спокойствие и отстраненность, столь нужные воину, Конан отметил, что Арфос обладает вполне приличными бойцовскими качествами. Он был пружинист, настолько быстр, насколько нужно, и умел неплохо судить о дырах в защите противника. И самое главное, он передвигался по неровной почве с ловкостью, показывавшей, что его неуклюжесть была не более чем игрой.

У Конана все равно имелось преимущество, но ему приходилось трудиться, чтобы сохранить его. Первый заход закончился, когда Арфос с силой сделал выпад, чиркнув Конана по ребрам, а затем обнаружил, что кинжал Конана сцепился с его мечом и держит его на месте, когда он попытался отдернуть его обратно. Длинная нога киммерийца ударила словно змей, и Арфос потерял почву под ногами.

Ударился он сильно, но меча не выпустил и направил его в живот Конану прежде, чем киммериец успел отступить. А затем он рассмеялся:

— Похоже, что для занятия фехтованием и борьбой требуется больше тренировки, чем довелось получить мне.

— Так оно и есть. Но хороший боец никогда не забывает про оружие, которое ему дали боги, просто потому, что кузнецы дали ему другое. Еще заход?

— С удовольствием. — Арфос поднялся, отряхнулся и принял стойку.

Они сделали еще четыре захода, и Конан выиграл в каждом из них, но не без труда. Он быстро отказался от мысли позволить Арфосу выиграть. Юноша наверняка понял бы, что произошло, и рассердился бы. К тому же если поддаваться, то он мог нанести киммерийцу ранение, которое сделает его в ближайшие дни не столь быстрым, а Конан знал, что для этой битвы ему понадобятся в полной мере и сила, и скорость, и сообразительность. Акимос и его охранники были отнюдь не слабаки, но и не представляли собой ничего страшного, что нужно для хорошего бойца. А вот цепной колдун Акимоса — другое дело, тем более когда бойцу приходилось беречь не только свою спину, но и целую деревню девок и детей! Можно сказать кое-что хорошее, решил Конан, о прежних временах, когда он был вором в Зингаре. Тогда ему не приходилось отвечать ни перед кем, кроме как временами перед Воровским Братством, и ни за чью шкуру, кроме своей собственной!

Арфос попытался закончить последний круг ближним боем. Он замышлял перейти в него, не предупредив Конана, и в настоящем бою мог бы вскрыть киммерийцу живот прежде, чем умереть.

Конан снова швырнул Арфоса на спину и на этот раз отступил. Глава Дома Лохри перевел дух, а затем принял предложенную Конаном руку.

— Ну, капитан?

— Довольно неплохо. Но все равно я помешу тебя в центр отряда. Не в позор тебе, а потому что твое умение целителя нам будет нужно больше, чем твоя рука с мечом. У меня есть дюжина мечников получше тебя, но никто из них не отличит слабительное от ночного горшка.

— Как пожелаете, капитан. Лишь бы отправиться с вами. И... если я паду... вы можете позаботиться о том, чтобы Шилка получила то, что я ей обещал?

Конан не сказал, что если Арфос погибнет, то и с остальным отрядом, по всей вероятности, произойдет то же самое. Он пообещал сделать все, что в его силах, и позаботиться, чтобы Ливия тоже помогла.

Конан не терял зря времени на поиски подземного хода к пещерам Зимгаса. Даже если он существовал не только в легенде, на его обнаружение мог уйти целый месяц. К тому же под землей у врага будет то же преимущество, какое имелось у Конана близ замка, — в виде горстки бойцов, способных остановить вдесятеро более сильного противника.

Внезапность даст не столько скрытность, сколько скорость, а внезапность им понадобится. Даже если у Акимоса нет чар, способных отразить их, Акимос едва ли постесняется скорее скинуть госпожу Дорис с ближайшей скалы, чем оставить ее в живых и стать свидетельницей против него.

Поэтому Конан повел сорок отборных бойцов, как охранников, так и селян, в лес по другую сторону хребта и от замка, и от пещер. Они выступили в сумерках, с намерением забраться до рассвета как можно дальше, а затем на дневное время затаиться. После этого переход длиной менее чем в полночи должен привести их к пещерам.

В первую ночь и большую часть следующего дня Ливия была слишком загружена работой, чтобы думать о том, с чем могут столкнуться Конан и Арфос. Требовалось на чем-то уложить спать женщин и детей и разместить враждующие семьи настолько далеко друг от друга, насколько позволял замок. Требовалось не дать очередям у колодца превратиться в толпу

дерущихся. Требовалось не дать детям улизнуть, чтобы их матери не поднимали ночью переполох своими воплями из-за пропавших чад.

Благодаря управлению дворцом Дамаос, Ливия знала почти все, что требовалось. Остальное знал Реза. Поэтому Ливия почувствовала, что рассудок и силы покинули ее лишь вечером следующего дня, после выступления отряда спасателей. Она поднялась по лестнице на башню, где отдала Конану свою девственность, и села там, где лежали их тюфяки.

Она все еще сидела там, когда солнце ушло за горы и по лестнице поднялся Реза.

— Госпожа, вы здоровы?

— Всего лишь устала, и душой и телом.

— Тут едва ли самое лучшее место для сна.

— Да, но самое спокойное. Думаю, я попрошу у тебя распорядиться принести сюда тюфяк и воду.

Реза поклонился, но нахмурился:

— Госпожа, это будет не очень-то удобное место.

— Ищущие госпожу Дорис будут сегодня ночевать с еще меньшими удобствами. Для некоторых эта ночь может стать последней в их жизни. Следует ли мне в таком случае купаться в роскоши?

— Мне думается, тюфяк в более теплом помещении едва ли можно назвать роскошью, — улыбнулся Реза. — Но я вижу, что у вас душа истинного воина. Поэтому мне не следовало бы удивляться тому, что произошло между вами и капитаном Конаном.

Ливия застыла, словно получив пощечину. А затем погасила первую вспышку гнева при мысли, что Реза случившегося, похоже, не одобряет. Более того, если догадался о происшедшем только он, то ее тайне никакое разоблачение не угрожает.

Словно прочтя ее мысли, Реза снова улыбнулся:

— Я никому не говорил и не скажу. Не сомневайтесь, что Конан будет столь же сдержан.

— Так же как и я. Уверена, он знал многих женщин, но не оставил ни одной, если они сами не обошлись с ним скверно.

— Да. — Реза теперь казался более серьезным. — Госпожа, вы давали друг другу какие-нибудь обещания?

— Насчет брака? — Это казалось совершенно невероятным, но она увидела, что Реза кивнул. Гнев вспыхнул вновь. — Реза, ты ведь не обозвал меня распущенной. Так зачем же обзывать меня дурой?

— А вы были ею?

— Нет. То, что произошло между мной и Конаном, — все это закончено и завершено. Оно определенно не приведет нас к брачному алтарю.

Она не могла ошибиться: плечи у Резы облегченно опустились.

— Хвала богам. Я должен быть уверен. Госпожа, для мужчин использовать превратности битв для избавления от соперника — дело известное. Пообещай вы что-нибудь Конану, у него могло бы возникнуть искушение.

Ногти Ливии остановились в волоске от лица Резы.

— Никогда больше не смей так оскорблять Конана! Его честь так же крепка, как и его мужество! — Лицо Резы осталось непроницаемым, но она почувствовала, как между ними пролегло нечто невысказанное, но смертельное. — Реза, ты сейчас же скажешь мне, что ты сделал, или сегодня же вечером покинешь службу у меня, а утром и замок!

— Я послал двух человек с приказом стеречь Арфоса, как наследки — единственного цыпленка. Они должны сразить Конана, если покажется, что он не дорожит жизнью Арфоса.

Ливия решила, что воплями, плачем или выцарапыванием глаз Резе ничего не добиться, да

еще и потеряешь зря время. Она схватилась за кинжал.

— Ты отправишь гонца к этим людям. И передашь им, что, если они хоть пальцем тронут Конана, я лично заживо сдеру с них кожу. Гонец получит приказ тотчас же при мне и покинет замок, прежде чем я покину тебя...

Реза упрямо скжал челюсти:

— Госпожа, никто не успеет добраться до отряда спасателей прежде, чем тот ударит по пещерам. И даже будь это возможно, гонца могут перехватить по дороге слуги Акимоса. И тогда он погибнет. Но не раньше, чем раскроет Акимосу наши тайны. Акимос приготовится к встрече, и тогда погибнут и наши бойцы, и ваша репутация.

Слова и спокойная решимость Резы прорвались сквозь ярость Ливии.

— Полагаю, в твоих словах что-то есть. Отлично. Я попрошу лишь, чтобы ты поговорил с теми двумя по возвращении и тоже предупредил их. Полагаю, до тех пор Конан сможет поберечь свой тыл.

— По крайней мере от моих людей, — сказал Реза. — Что же касается других врагов, с которыми он столкнется, — будем молить богов о милости. И тогда, госпожа, вы бы могли хоть немного поспать. Если вы не выснитесь, то будете утром скверно выглядеть.

Ливия попыталась ответить, но ее слова исчезли в широком, смачном зевке. Она положила руку на его массивные плечи:

— Я спущусь, Реза, если ты мне поможешь дойти, как столь часто помогал в прошлом.

— С удовольствием, госпожа.

Скирон больше не поворачивался спиной к господину Акимосу, когда вытирал пот с лица. Да и пот у него вызывала не только жара в пещере.

В последние три раза, когда он наводил чары для удержания в узде Дорис из Дома Лохри, он ощутил то, что назвал бы эхом, если б оно достигло его ушей. Так как он воспринял его средствами, каких никакой колдун людям обыкновенным объяснить не мог, то он держал язык за зубами.

Теперь, однако, Акимос спрашивал у него совета. И если торговый магнат не получит его, то он еще может профукать их победу. А если он победит без советов Скирона, это будет едва ли лучше. Тогда Скирону повезет, если он сможет вернуться к жизни бродячего чародея. Акимос еще мог подумать, а не выдать ли его Воителям, чтобы показать, какие чистые у него руки...

— Господин Скирон! Я задал вопрос. Есть ли опасность, требующая, чтобы все наши люди находились здесь?

Скирон сглотнул. Ответный вопрос по крайней мере позволит выиграть время.

— А куда им еще отправляться?

— Взять лагерь Конана.

— Я не солдат, но...

— Вот на сей раз ты говоришь правду. Продолжай.

— Разве тот замок не неприступен для любых сил, какие мы можем бросить против него?

— Для любых естественных сил — да. Его построили Драконы — так во всяком случае гласят предания. Но я думал, что ты отправишься с нами и посодействуешь нам.

Скирон снова сглотнул. Он надеялся, что Акимос не заметил, как он содрогнулся, возможно, это и не они откликались на его чары, с каждым разом все громче. За минувшие века в этих горах сотворили много чего магического. Могло уцелеть до настоящего времени и еще что-нибудь помимо мифических Драконов.

Он говорил себе это, покуда его язык произносил слова, не имевшие для него ни малейшего смысла, но, казалось, успокоившие Акимоса. Наконец торговый магнат поднялся:

— Отлично. Если ты уверен, что можешь навести отсюда чары против замка ничуть не хуже, чем откуда-нибудь перед его воротами...

— Никакой колдун не может напускать свои наилучшие чары, когда у него над ухом свистят стрелы. К тому же если я не останусь здесь, чтобы возобновить оковы госпожи Дорис, то, вернувшись, вы можете найти ее не столь любезной.

По выражению лица Акимоса Скирон понял, что он попал в точку. Видеть, как Дорис омыает слезами его ноги, умоляя его потоптать ее, стало для Акимоса источником немалой гордости. С этим он так легко не расстанется.

Поэтому Скирон останется и сделает для Акимоса все, что сможет. Но еще больше он сделает, стараясь узнать, что же могло проснуться в недрах этих гор и что же все боги, законные или иные, могли позволить ему сделать с этим!

Дорис из Дома Лохри лежала на тюфяке, пропитавшемся потом от ее последней схватки с Акимосом и слез, пролитых ею, когда он ее покинул. Она ненавидела себя за эти слезы, но в каком-то не затронутом Скироном уголке мозга она знала, что стыдиться ей нечего. Скирон заставил ее нуждаться в Акимосе, как нуждается ежедневно в маковом отваре пристрастившийся к нему. Привязанная к нему этой потребностью, она бы с радостью вышла за него замуж, а затем увидела бы, как ее сын женится на Ливии, а после этого увидела бы, как Акимос правит обоими домами. Но доживет ли она до возышения Акимоса? Одно наверняка: если чары Скирона когда-нибудь дадут сбой, она снова сможет стать хозяйкой собственной воли и собственных рук. И тогда сами боги не смогут помешать ей вонзить кинжал в сердце Акимоса.

При этой мысли ее пронзила мучительная боль, смешанная с желанием. Какое же она чудовище, думать так о человеке, который так нежно ее любил!

Она перевернулась, зарывшись лицом в мокрый тюфяк, чтобы приглушить свои крики. Когда она снова овладела собой, то услышала топот марширующих ног, а затем лязг доспехов и оружия и голос того рослого вендица Парtaba, ревевшего словно инструктор по строевой подготовке Воителей.

Акимос выступал в поход разделаться с Конаном. С Конаном, который замарал ее тело своим варварским прикосновением! С Конаном, который чуть не сделал ее недостойной любви Акимоса!

— А-а-а-а! — Это был полувопль, полустон. На него живо прибежали двое слуг, а за ними и Скирон.

Со скального насеста, подходившего больше для ястребов, чем для людей, Конан изучал спускавшуюся по склону горы колонну вооруженных людей. Даже для его острого зрения она находилась слишком далеко, чтобы узнать людей, не говоря уж о значках, но подсчитать силы он мог достаточно легко.

Когда он насчитал сорок воинов, то понял, что они нашли свою добычу там, где и ожидали. Если б в горы привел такой отряд еще кто-то кроме Акимоса, то селяне наверняка прослышали бы о нем.

Конан наверняка смотрел на воинов торгового магната. Более того, он готов был побиться об заклад, что видит, как они выступают напасть на замок Теброт, оставив пещеры Зимгаса малоохраняемыми.

Киммериец слез обратно к своим и обнаружил, что Талуф и Арфос выставляют часовых.

— На войне, сударь мой, не существует никакого "всегда", — веско сказал Конан. — Это один из тех случаев, когда часовые нам не нужны. — Он описал увиденное им.

— Можем ли мы быть уверены, что Акимос действительно очистил пещеры? — спросил

Талуф.

Ответил на это Арфос:

— Не вижу, как он мог заполучить больше пятидесяти-шестидесяти бойцов. Если он не нанял каких-нибудь собственных кондотьеров, а разве он стал бы это делать, если они могут проболтаться?

— Никогда не будь уверен, что враг думает так же, как ты, — посоветовал Конан. А затем добавил, когда Арфос, похоже, надулся: — Но это достаточно похоже на то, как думает Акимос. Выступаем тотчас же.

Идя впереди этих двух к гребню, Конан строил планы. Они спустятся к верхнему концу ущелья. Оттуда лучники смогут господствовать над подходами к пещере. Их задача: помешать возвращению Акимоса, если тот пронюхает о нападении.

— Мы также просигналим нашим друзьям из деревень, — добавил Конан. — Если они выставят один-другой крепкий отряд на пути отступления Акимоса, я не поручусь, что мы снова увидим его сегодня ночью.

Остальных своих бойцов киммериец поведет сам — вниз по ущелью, через валуны в его нижнем конце и прямо к пещере. У них будут носилки и лекарства для госпожи Дорис и никакого плана или цели, кроме как по-быстрому утащить ее.

Учитывая численное превосходство и внезапность, защитники пещеры не должны были помешать Конану. Если в их число не входит господин Скирон, и киммериец знал, что тут ему придется рискнуть. Будь он на месте Акимоса, отправившись в поход на замок Теброт с десятой частью воинов, нужных для его взятия, то прихватил бы с собой все оружие и чары, имеющиеся в его распоряжении.

Но как он только что сказал Арфосу, негоже считать, что враг думает точно так же, как ты.

Глава 18

Бойцы Конана выходили на рубеж атаки медленнее, чем он планировал. Акимос оставил сторожить лишь горстку воинов, но те казались бдительными. К тому же на последнем отрезке горного склона до входа в ущелье укрытий едва ли хватило бы даже кошкам, не говоря уж о вооруженных людях. Поэтому они залегли в кустах и дожидались, когда померкнет последний свет для. Талуф немного поворчал из-за этого:

— В темноте мы будем действовать не самым лучшим образом. Я мог бы спуститься сейчас незамеченным и отвлечь часовых.

— Вероломство! — прорычал один из ребят Резы. Конану пришлось

поспешить, чтобы не дать Талуфу пролить на камень кровь рычалы. А затем он сам прорычал на ухо вору:

— А я-то думал, что тебе лучше всего работалось ночью.

— Да, но как насчет остальных ребят? Незачем рисковать их головами.

— Равно как и головой моей матери, — вставил Арфос. — Даже если Талуф отвлечет часовых, их уход может предупредить Скирона и любых оставшихся в пещере.

Конан усмехнулся. Он не ошибся, думая, что Талуф теперь больше капитан, чем вор, и что Арфос быстро обучается военному делу.

— Довольно, — остановил он товарищей. — А то еще часовые услышат, как мы спорим. А я совсем не намерен гоняться по всем этим горам за госпожой Дорис, слыша, как у меня свистят над ухом чары и стрелы.

Великий Дракон отдохнул и поэтому практически восстановил свои силы. Теперь ему требовалась еда — драгоценная небесная пища, которую так легко поймать и которая придавала еще больше сил.

Он уже не нуждался в наводимых людьми чарах. Но когда колдовство все же испускало свои импульсы, да притом еще в верхней пещере, магию вполне можно было использовать в качестве указателя.

Великий Дракон принял форму, которая позволит ему перетекать через трещины в скале, слишком маленькие даже для собаки, а потом начнет свое восхождение к небу.

Конан шепотом указал лучникам цели.

— И если кто-нибудь из вас пустит хоть одну стрелу с недолетом до них, я ему боком вобью колчан в задницу, — добавил киммериец. — Я хочу, чтобы вы представляли опасность для Акимоса, а не для нас.

Лучники кивнули. Задача перед ними стояла нелегкая, но они были отборными стрелками — как из Дома Дамаос, так и из кондотты Конана. И те и другие гордились тем, что им выпало исполнить приказ Конана, так как приказ этот лишь казался невыполнимым и всегда был опаснее для врагов, чем для тех, кто выполнял его.

Конан сел и снял сапоги. В темноте на неровной почве он мог передвигаться быстрее, ведомый своими загрубевшими, как дубленая кожа, подошвами. Затем он убрал меч в ножны, взял поданный ему Талуфом окованый железом посох и начал медленно спускаться в ущелье.

Он как раз добрался до верха груды валунов, когда земля у него под ногами задрожала. Это была всего лишь слабенькая дрожь, как в миске с жидккой кашей, когда по ней слегка постучит пальцем детская ручонка. Но даже в темноте Конан разглядел, что валуны пошевелились.

Вернуться или подождать? Толчок мог быть единственным, но если нет, то от следующего

валуны могли с грохотом покатиться по ущелью. Все валуны, и любой перебирающийся через них покатится, предупредив часового. Не успеешь и глазом моргнуть, как тебя окружат солдаты с копьями и алебардами наперевес.

Конан плюнул на осторожность и бесшумность, прыгая с валуна на валун, словно ринувшийся на добычу лев. Он почувствовал под ногами некое перемещение, но сама земля оставалась спокойной.

По крайней мере, она оставалась спокойной до тех пор, пока он не одолел пол-ущелья. Он увидел проворно двигавшиеся факелы часовых, как будто те почуяли опасность, но не ее природу. Затем почва у него под ногами вздыбилась, и все валуны сразу покатились.

Любой, кроме киммерийца, тут же свалился бы и был бы перемолот кувыркающимися валунами в кровавое месиво. Даже у Конана едва хватило ловкости и скорости, чтобы уйти за пределы досягаемости валунов. Будь он десятью шагами дальше от сплошной скалы по одну сторону ущелья, его не спасли бы даже эти дарования.

Сплошная скала все еще дрожала, когда он почувствовал ее у себя под ногами. Прибегая на пересеченных участках к посоху, он проскользнул к краю ущелья, пока почва не начала выравниваться. А затем он рванул бегом. Валуны поднимали такой грохот и столько пыли, что за ними мог бы промаршировать необнаруженным целый отряд Воителей. Вместо того чтобы убить его, землетрясение дало Конану требуемую ему внезапность.

Конан подбежал к обрыву высотой в рост человека и шагнул вниз, не сбиваясь с шага. Он приземлился, покатился, прерывая падение, почувствовал, как камни долбят и даже рвут кожу, но поднялся с посохом в обеих руках. Тот вращался вокруг него, словно ветряная мельница при сильном ветре, отлично разбивая лица и круша черепа.

Конан уложил троих и еще двух обратил в бегство, прежде чем услышал, как по ущелью кто-то подходит. Он не смел обернуться и посмотреть, кто же это может быть, так как из пещеры высыпало еще с полдюжины охранников. Не смел он также и отступить, даже при соотношении сил шесть к одному.

Возможно, два толчка — это еще не все. Третьего могло хватить, чтобы обрушить на госпожу Дорис своды пещеры, если кто-то не окажется достаточно близко, чтобы вовремя вытащить ее.

Ибо теперь Конан был единственным другом. Дюжина крепких товарищей совсем не помешала бы, но этого нельзя было сказать про ожидание, пока они подбегут, если это означало потерю внезапности. Он переложил посох в левую руку, чтобы не только разить, но и парировать, и выхватил меч.

— Подходи, жалкие жабы! — прорычал он не менее громко, чем горный обвал. — Подходи отведать моей стали. А то я стану охотиться на вас, а потом пойду и скажу вашему хозяину, что он просадил свое серебро на трусов!

Уязвленные охранники бросились вперед. Сталь столкнулась со сталью с лязгом, который поднялся в ночи, словно грохот, вызванный усердно трудившимся кузнецом.

Ливия пробудилась от приятного сна о Конане и обнаружила, что ее трясет за плечи Реза. Она откинула голову назад и попыталась отстраниться. Железные руки выпустили ее, и она упала обратно на тюфяк.

Затем на нее, казалось, обрушилось целое небо холодной воды. Она завопила и вскочила на ноги, позабыв, что одета она была как обычно, когда спала. Реза поставил ведро и вместо того, чтобы вежливо предложить ей одеяло, бросил ей полотенце и тунику.

— И возмите кинжал, госпожа, пока он не заржавел, — резко бросил он. — Нас атакуют.

Теперь, когда чувства у нее пробуждались, Ливия увидела пробегающих воинов, услышала доносящийся из-за стены зов трубы и почувствовала запах горящей сосновой смолы. Схватив кинжал, она сбежала по лестнице, сунув под мышку тунику и полотенце.

Ее появление во дворе голой — в чем мать родила, — чуть не обратило вспять ход битвы — не в пользу защитников замка Теброт. К ней было приковано столько взглядов, что мало кто следил за воротами или тропой к ним.

А именно в этот момент воины Акимоса и предприняли попытку штурмом взять ворота.

Конан рассчитал все не так хорошо, как обычно рассчитывал. Бойцов у Акимоса набралось скорее семьдесят, чем сорок, и он бросил их всех вверх по тропе в одной отчаянной атаке. Лучники показали самую лучшую стрельбу, какую могли, но она оказалась недостаточно хороша. У них отсутствовало всякое освещение, за исключением получаемого от немногих брошенных через стены пучков сосновых веток. Даже те стрелы, которые попадали в живые мишени, застревали в доспехах так же часто, как и в телах.

Бойцы Акимоса добрались до ворот, потеряв упавшими с тропы столько же, сколько и от стрел защитников. Они подошли к перегородившей вход в замок баррикаде, имея втрое больше сил, чем у находившихся там защитников, накатили словно волна, угрожая перехлестнуть через нее.

Когда они это сделали, подбежала Ливия, пронзительно выкрикивая слова, знания которых она в себе и не подозревала, и размахивая в одной руке кинжалом, а в другой — туникой. Столкнувшись с тем, что казалось обнаженной богиней войны, атакующие в свою очередь остановились и разинули рты.

Для них это оказалось более роковым, чем для защитников. К тому времени уже не имело большого значения, каким образом госпожа Ливия предпочла одеться для ночного сражения. Значение имело лишь то, что на кон оказались поставлены их жизнь и честь, и они могли вот-вот потерять и то и другое. И — замешательство врагов, для того чтобы сократить неравное соотношение сил на добрый десяток бойцов.

Затем атакующие опомнились и собрались, но еще пять-шесть пало вместе с тремя защитниками. Сама Ливия бросилась к баррикаде, столкнулась с воином, неуверенно державшимся на ногах, и вспомнила кое-что из того, чему ее научил Конан по части настоящей борьбы.

Стройная ножка зацепила бойца за лодыжками и сделала подсечку. Он с грохотом упал, помяв на камнях шлем, а заодно и череп. Корчась, он скатился с баррикады под ноги двум товарищам, пытавшимся забраться на нее. Один упал, а другой перепрыгнул через него, стремясь добраться до Ливии.

Но добрался он до нее, думая только об одном: это та самая женщина, которую господин Акимос хотел взять живой. Поэтому он проигнорировал свою сталь и попытался схватить ее за талию. Делая это, он позабыл, что его горло находится как раз на уровне держащей нож руки Ливии.

Вспомнил он это, когда чиркнувший кинжал вскрыл ему горло от уха до уха. Кровь хлынула фонтаном, когда он повалился, казалось целуя последним движением ноги Ливии. Затем Ливия почувствовала себя так, словно она взлетела ввысь, когда Реза сдернула ее с баррикады.

Она поднялась на колени, попыталась встать, а затем сообразила наконец, что находится в гуще боя, а на ней ничего, кроме пота, пыли да крови человека, убитого ее же собственной рукой, нет. Она оставалась на коленях, пока ее желудок бунтовал и выворачивался наизнанку, а затем пошатываясь поднялась на ноги и пошарила в поисках туники, которая, как ей смутно помнилось, была у нее в руке.

Пока она искала, Реза и сержант Киргестес поворачивали ход боя вспять. Стоящего на

баррикаде Резу сперва приняли по ошибке за самого Конана. Это до одури напугало тех атакующих, кто уцелел при нападении на Дом Дамаос. И даже когда они сообразили-таки, с кем же им довелось столкнуться, страх не покинул их. Реза, помнили они, был почти таким же грозным противником, как и киммериец.

Еще полдюжины атакующих погибло от рук одного Резы прежде, чем они смогли справиться со своим страхом. И еще столько же пало от рук других защитников. Со стен и башен к схватке подключились женщины и дети, швыряя камни не столько умело, сколько обильно.

Теперь в строю атакующих зазияли местами разрывы. Реза приказал своим бойцам пробиваться через эти разрывы.

— Ударьте им в тыл! — прогремел он. — Ударьте им в тыл!

Тем временем Киргестес собирал вокруг себя лучников. Теперь горело достаточно пучков сосновых веток, чтобы во дворе воняло от их дыма, но также и позволяло лучникам отличить друга от врага. Акимос прислал несколько противоборствующих лучников, и те пали первыми. Затем Киргестес сам застрелил капитана Акимоса, и его бойцы принялись в хорошем темпе опустошать колчаны.

При контратаке с баррикады и граде стрел сверху у воинов Акимоса, если они желали жить, оставалась только одна дорога. Они бросили атаковать и отступили через ворота. Это было отступление, а не бегство, хотя проделали они его скорее поспешно, чем достойно.

К тому времени когда Ливия оделась, как требовали приличия (в тунику, под которой не было ничего, кроме обмотанного вокруг бедер полотенца), вход в замок уже надежно перекрыли. Она сидела на отвалившемся камне, уткнувшись лицом в ладони, когда подошел Реза.

— Госпожа, на этот раз мы отбились от них.

— Они нападут вновь?

— На это я смогу ответить, когда подсчитаю...

Его прервал торжествующий крик. Затем его подхватил другой, и наконец все в замке кричали в один голос:

— Ливия Дамаос! Ливия Дамаос! Да здравствуют Дом Дамаос и госпожа Ливия!

Глаза Ливии заполнили сдерживаемые ею до сих пор слезы. Ей понадобилось опереться на руку Резы, чтобы встать, и она на мгновение пожелала, чтобы это была рука Конана, а затем повернулась лицом к тем, кого она возглавила.

Крики нарастили, пока не стали отражаться эхом не только от камней замка, но и горного склона. Ливия ухитрилась улыбнуться и помахать рукой; она слишком заливалась слезами, чтобы подыскать какие-то слова.

В следующий миг земля у них под ногами, казалось, пошла волнами, словно беззаботно брошенное на постель шелковое покрывало. Волнение это пришло и ушло на протяжении одного глубокого вдоха, но приветственный крик оно оборвало.

Ливия тряхнула головой, смахнула с лица спутанные волосы и обрела наконец голос:

— Благодарю вас, и да благословят и сохранят вас боги. А теперь эти козьи дети могут снова напасть. Так что давайте будем готовы!

Приветственные крики были на сей раз пожиже, но только потому, что приличное число защитников уже приступило к работе, собирая раненых. Ливия снова села, незаметно вытащила из-под туники полотенце и принялась стирать с ног кровь и пыль.

Третье землетрясение даже не заставило Арфоса сбиться с шага. Оно было недостаточно сильным, чтобы поколебать валуны у него под ногами, а все прочее он мог проигнорировать. То есть все прочее, кроме стремления вовремя добраться до капитана Конана.

Когда пыль осела и оставшиеся факелы высветили киммерийца, бьющегося в одиночку с

шествью воинами Акимоса, Арфос ожидал общего броска по ущелью. Но вместо этого вперед бросился только Талуф. За ним не последовал никто, даже лучники воздержались от стрельбы.

Конан достаточно обучил Арфоса, чтобы тот понял, что требовалось сделать. То же самое говорила ему и его собственная честь.

— За мной! — закричал Арфос и, выхватив короткий меч, помчался вниз по ущелью. Воины, которые могли бросить на произвол судьбы северянина, не бросят с той же готовностью наследника Дома Лохри, так он во всяком случае надеялся.

Ринувшись вниз по ущелью, Арфос ни разу не оглянулся. Если воины не последуют за ним, его взгляд на них не поможет. Еще меньше этот взгляд поможет, если он споткнется и упадет, вышибив о скатившиеся камни те мозги, в существовании которых у себя он иногда сомневался. Арфос был всего лишь близорук, а не страдал никталопией, но он никогда не пробовал сбегать по валунам в туче пыли, когда внизу дожидались враги.

Каким-то образом простая сила воли и страх сделаться посмешищем помогли ему удержаться на ногах. Он все-таки с облегчением вздохнул, когда добрался до ровной почвы. И снова вздохнул, услышав шум и топот сбегающих следом за ним воинов. Возможно, его искусство фехтовальщика и не подвергнется испытанию сегодня ночью...

Облегчение сделало его неосторожным. Когда он наблюдал за бегством последних противников Конана, его нога погрузилась в трещину в скале. Ногу ему пронзила боль, когда камень содрал ему кожу и надавил на кость голени.

А затем у Арфоса отвисла челюсть, когда один из мертвых воинов Акимоса оказался в конце концов не таким уж и мертвым. Меч-то Арфос выхватил, но никак не ожидал, что столкнется с противником, когда его нога буквально приросла к земле.

Полетели искры, и с Арфоса градом полил пот, когда он парировал кинжал этого воина. По милости богов, воин этот оказался раненым и окровавленным, более медлительным из-за ран и усталости, а его клинок — не длиннее, чем у Арфоса.

Сражаясь, наследник Дома Лохри почувствовал, что кативший с него пот добрался до голени. Он сделал рывок, и, словно смазанная потом, его нога выскользнула на волю. В последнем отчаянном усилии воин Акимоса сделал выпад, а затем умер, когда клинок Арфоса вошел ему меж ребер, а тяжелый меч Конана — раскроил череп.

Арфос попытался рассмеяться — ухитрился улыбнуться и не потерять сознания.

— Конан, будь этот удар хоть чуть-чуть сильнее, ты бы расколол мне... сзади!

Крик Арфоса отозвался эхом меж скал. Киммериец с нечеловеческой скоростью обернулся. Вместо того чтобы рубить воина, готового ударить его в незащищенную спину, он сильно пнул его между ног, а затем ловко подсек. Воин рухнул, охая и корчась.

Арфос узнал одного из людей Конана, которого звали Дарусом. А один воин из Дома Дамаос, Мехас, выронил меч и смотрел куда угодно, только не на Конана.

— Что, во имя Митры... — начал было Арфос.

— Послушайте его, когда он заговорит, — проворчал Конан, ткнув большим пальцем под челюсть Дарусу. Тот стал корчиться еще сильнее, но ничего не сказал.

— Капитан Конан, — едва слышно проговорил Мехас. — Я... я подумал, что следом вы собирались убить Арфоса. Нас предупредили об этом. А потом я увидел, что ошибся. Я попытался остановить Даруса. А потом все, что я мог сделать, это крикнуть.

— Ну, я достаточно благодарен за это, — поблагодарил Конан. — Я буду еще больше благодарен, если ты скажешь мне, кто же это вас предупредил. Может, даже буду достаточно благодарен, чтобы не отдал тебя так, как отдал Даруса.

Мехас уперся взглядом в землю. Арфос прожег его взглядом:

— Если Конан оставит что-нибудь от тебя, я предупрежу госпожу Ливию, что надо

закончить. Итак, кто предупредил вас, что Конан, возможно, подумывает убить меня?

— Реза.

Арфос и киммериец дружно выругались.

— Я выхолощу этого свинячьего сына докрасна раскаленным ножом, — прорычал Конан, когда закончил ругаться. — Слишком уж часто он сует свой нос куда не просят. Если он не...

Он оборвал фразу, а Арфос зажмурился при виде зрелища, которого, он не сомневался в этом, никогда не увидят глаза смертного: киммериец казался смущенным. Затем Конан рассмеялся:

— Наверно, он всего лишь думал спасти свою госпожу — скорее от ее собственной глупости, чем от моего честолюбия. Если так, то его может выхолостить она.

Арфос нахмурился. Киммериец больше не казался смущенным, но он говорил загадками, что было едва ли лучше.

— Какой глупости Ливии?

Конан заткнул за пояс большие пальцы рук:

— Ее желание — назовем это выбором — переспать со мной.

Арфос на миг почувствовал себя так, словно его пнули в живот, не говоря уж о том, что отвесили ему оплеуху и отдубасили по спине. Дыхание его стало прерывистым. Затем он вспомнил определенные вещи, не самой незначительной из которых было то, как он провел свою первую ночь в замке Теброт, уютно прикорнув в объятиях Шилки.

И это, сообразил он, несомненно устроила Ливия, чтобы держать его приятно занятым, в то время как она сделала Конану подсечку и набросилась на него! Арфос был уверен, что все произошло именно так, и возникшая у него в голове картина заставила его улыбнуться, а затем рассмеяться.

— Что тут, во имя гордости Эрлика, такого смешного? — нахмурился Конан.

— Мысль, что моя намечаемая жена разве что не похитила тебя, капитан. Я знал, что она обладает огромной силой целеустремленности, но не до такой же степени. Ну, мне придется сказать ей об этом пару ласковых.

Теперь киммериец выглядел почти ошеломленным.

— Так ты не злишься?

Арфос вздохнул:

— Если бы ты пытался скрыть всю эту историю, я б вполне мог заподозрить тебя, как и Реза. А раз ты сказал правду, я с тобой больше не в ссоре. Вот моя мать — другое дело. Она закатит королевский скандал. Но для меня давно прошли времена, когда я позволял ее скандалам сражать меня, как брошенный из верхнего окна ночной горшок. А вот с Резой хуже... Не думаю, что он может оставаться на службе...

— Если Реза переживает эту ночь, мы сможем тогда разобраться с ним, — вставил Конан. — Пока же мы проводим за болтовней время, которое нам может понадобиться для спасения твоей...

Их прервал вопль, исходивший, казалось, с самого дна бездны демонов. Арфос резко повернулся и посмотрел вверх по склону мимо наваленной у входа в пещеру Зимгаса кучи трупов. Там стояла, обрисованная силуэтом на фоне мерцающего света, женщина. Даже не видя ничего, кроме силуэта, Арфос узнал мать.

— Похоже, что моя мать сама себя спасла, — молвил он. Он бросил меч в ножны и ринулся вверх по склону, туда, где госпожа Дорис упала теперь на колени, с опущенной головой и плечами, трясущимися то ли от рыданий, то ли от истощения сил.

Пока Арфос бежал, то увидел, что свет в пещерах померк, словно между светом и входом что-то прошло.

Из-за снадобий, истощения сил, чар и боли госпожа Дорис мало что помнила о том, что произошло в ночь ее спасения. Она определенно никогда не вспоминала, что обязана своей жизнью господину Скирону.

Но это было правдой. Скирон первым в пещерах почувствовал приближение Великого Дракона. К тому времени, когда он услышал шипение и шорох его приближения, он уже двигался. Его раб уже взвалил на спину сумки с магическими приспособлениями, а колдун следовал за ним с посохом и пузырьком для возобновления чар, наложенных на госпожу Дорис.

Когда шипение стало громче, они оба побежали. Они побежали к тюфяку госпожи Дорис, и раб сорвал занавески, в то время как Скирон силком поднял даму на ноги. Та уставилась на него невидящим, несосредоточенным взглядом, не делая никаких попыток прикрыться. А затем вырвалась из его рук.

— Я должна остаться здесь. Акимос придет ко мне. Он скоро будет здесь. — Она действительно улыбнулась.

— Акимос снаружи, ждет тебя там. Вы с ним с помпой вернетесь в Мессантию. Но вы должны поторопиться. А теперь, сударыня, идемте, пожалуйста! Идемте к Акимосу!

Уговаривая ее, Скирон услышал, как Дракон в первый раз подал голос, издав глухой низкий вой. Он швырнул в госпожу Дорис пузырек с зельем. Оно могло войти в тело и через кожу, пусть и не так быстро, как через рот. Дорис провела пальцем по струившемуся у нее между грудей зелью, а затем лизнула его. Она снова улыбнулась:

— Иду. — А затем вскочила на ноги и побежала ко входу в пещеру так быстро, что обогнала даже Скирона.

Конан увидел, как у входа в пещеры Зимгаса появилось с полдюжины людей, как раз когда Арфос добрался до матери. Он выкрикнул предупреждение, но этих людей, похоже, больше занимало бегство, чем нападение. Они побежали мимо Арфоса, словно зайцы, удирающие от волка, увидели внизу Конана и его воинов и резко свернули в сторону.

— За ними! — проревел Конан. — Если они сбегут, тех, кто упустит их, я изжарю на завтрак! — Он был почти уверен, но не горел желанием произнести это вслух, что одним из беглецов был Скирон. Если в распоряжении у колдуна еще имелись какие-то чары...

Затем мысли о всего лишь человеческих противниках разом вылетели у Конана из головы, когда до входа в пещеры добрался Великий Дракон.

Некоторые увидевшие его воины упали в обморок. Другие же упали на колени — то ли молиться, то ли блевать. Некоторые стояли так, словно и чувства, и конечности у них одинаково онемели. Не многие смогли бы описать увиденное ими иначе, как то, что оно было полупрозрачно-серым, пронизанным расплывчатыми пятнами болезненно малинового и темно-золотого цвета.

Будь Арфос одним из тех, кто начисто лишился ума, они с матерью умерли бы на месте. А так он увидел, что монстр вытягивает вперед щупальце, оканчивающееся клыкастыми челюстями. Он с размаху опустил на эту пасть меч, отрубил кусок, увидел, как тот рассек воздух, а затем приземлился и пополз назад к основному телу.

И все же Дракон казался способным чувствовать боль или по крайней мере чувствовать ставшую у него на пути опасность. Он убрал щупальце, выдвинул четыре покороче, покрытые присосками, но сам не наступал. Это дало Арфосу время увести, уволочь, а под конец почти унести мать подальше от опасности.

По крайней мере на мгновение. Чудище немного помедлило, поэтому Конан успел собрать своих бойцов. К тому времени, когда Дракон выполз на открытое пространство, воины были уже по большей части на ногах, подняты и с оружием в руках.

И когда он выполз, то выбросил часть себя далеко вперед и вниз по склону. Масса серой слизи приземлилась на двух воинов, и их вопли быстро замерли, когда она поглотила их. И когда она это сделала, ужаснувшиеся очевидцы увидели, как она делается малиновой от их плоти и крови, и затем выпускает ноги, хвост и голову с большим количеством зубов, чем у целой стаи акул.

Однако прежде, чем чудище смогло двинуться, Конан уже добрался до него. Его меч сверкнул в свете бивачного костра, рубя ударом, который мог бы рассечь гору до самых корней. Полголовы срезало как бритвой и рассекло воздух. Монстр пополз обратно к ногастому "фрагменту", а затем ощутил выше по склону присутствие Змея. Он свернулся, не разбирая дороги, и переполз через горячий уголь от разбросанного бивачного костра воинов Акимоса.

И мгновенно уши всем разорвал пронзительный вопль. Конан увидел, как задергался и закрутился "фрагмент", когда из-под него повалил дым. Схватив свободной рукой горящую ветку, он бросился вперед и рубанул "фрагмент" по спине мечом. Это было все равно что рубить по панцирю морской черепахи, но сила киммерийца отвечала этой цели. Твердая кожа на спине гадины разошлась, и Конан вогнал в разрыв ветку.

Заклубился дым, и вопль раздался вновь, поднимаясь до таких высот, пока даже Конану захотелось заткнуть уши и отгородиться от звуков сходящего с ума мира. "Фрагмент" разбух, пока кожа у него не начала трескаться, а затем лопнула, словно гигантская пустула. На лагерь посыпались зловонная сукровица и дымящиеся обрывки кожи, но воины Конана не обращали на них внимания.

Они увидели, что Дракон не был непобедим и даже то, как именно его можно одолеть. Они побежали хватать горящие ветки. Те, что добрались до бивачных костров слишком поздно, вырывали пригоршни сухой травы и пускали в ход кремень и кресало или искали по палаткам что-нибудь еще способное гореть. Арфос сложил руки рупором и крикнул:

— Отлично сработано, капитан Конан! Кажется разумным, что должен был существовать какой-то способ уничтожать этих тварей без колдовства!

Конан кивнул. Ему пришлось признать, что создавшие Драконов древние колдуны проявили чуть больше предусмотрительности, чем большинство их собратьев. Определенно побольше, чем Скирон, который разбудил это чудовище со всей осторожностью человека, разводящего костры в сухом, как трут, лесу!

Великий Дракон почувствовал уничтожение "фрагмента", но у него имелись воспоминания об уничтожаемых и прежде "фрагментах", без опасности для него самого. Это была та ситуация, которая требовала больше знаний, прежде чем может быть принято решение либо сражаться, либо отступать. И путь к приобретению этого знания, казалось, находился впереди.

Поэтому Великий Дракон целиком выполз из пещеры на открытый склон. Столкнувшись с его полным ужасом, некоторые бойцы снова утратили власть над собой. Некоторые даже повернулись бежать, но на пути, у них встал Арфос, обнимая одной рукой мать, а в другой держа ксиф.

— Если вы не боитесь бесчестия, то лучше бойтесь меня! — прорычал он, и в этот миг он выглядел таким же свирепым и грозным, как сам Конан. Несостоявшиеся беглецы опомнились и повернули обратно присоединиться к товарищам.

С верхней части склона теперь засвистели пускаемые в Дракона стрелы. Лучники подошли на шум боя и теперь стреляли как можно лучше при плохом свете, пытаясь попасть во все, что выглядело похожим на глаз или рот.

— Огненные стрелы! — проревел Конан столь же громко, как сам Дракон. — Пускайте огненные стрелы, если у вас такие есть! Если этой твари коснется огонь, она сгорает, как стог сена!

Услышали его лучники или нет, у Конана времени учитывать не было. Его крики привлекли внимание монстра, и тот пополз к нему, выпуская, чтобы ускорить движение, двадцать коротких ног, заканчивающихся когтистыми стопами. Благодаря склону Дракон спустился к Конану так быстро, что три клыкастые головы потянулись к нему со всех сторон, прежде чем он успел это сообразить.

Однако его спасла присущая ему быстрота, быстрота и воин Дома Дамаос, подбежавший и вонзивший копье глубоко в ближайшую шею. Голова остановилась, и воин повернул копье в ране, прежде чем вытащить его. Затем, когда шея заизвивалась, подбежал второй воин, увернулся от щелкнувших челюстей и вогнал в рану горящую ветку.

Дракон завопил в две глотки, когда третья башка отлетела, извергая дым и выворачивающие желудок ошметки. Усеченная шея заизвивалась неистовей, чем когда-либо, но две другие головы по-прежнему обладали жизнью, волей и острыми зубами. Конан увидел, как одна голова схватила воина, высоко подняла его, а затем вытряхнула из него жизнь и начала его поглощать.

Один из бойцов Конана подбежал ко второй голове, орудуя талваром с силой, почти равной силе киммерийца. Голова полетела в воздух и приземлилась на воине, стоящем у костра, зажигая импровизированный факел. Оба упали в костер. Воин завопил, почувствовав боль от ожогов и зубов, вонзившихся в его тело, а затем голова исчезла в огромном облаке вонючего зеленого дыма. Миг спустя воин шатаясь поднялся на ноги, опаленный и окровавленный, но ругавшийся слишком яростно, чтобы быть смертельно раненным.

Теперь Великий Дракон казался ошеломленным, даже остерегающимся, сбитый с толку энергией своих врагов. Но Конан сомневался, что чудище серьезно ранено. И он хотел изменить это, прежде чем оно найдет какой-то новый метод атаки, менее уязвимый, чем эти клыкастые головы.

К тому времени вернулись воины, рыскавшие в лагере Акимоса, и Конан увидел, что двое из них тащат соломенные тюфяки. Он быстро схватил новую горящую ветку, подозвал носителей тюфяков и собрал пару копейщиков. А затем повел всю группу вперед.

Меч Конана свистнул, рассекая воздух, и роговой покров на обрубке одной шеи вскрылся. Двое копейщиков подняли тюфяки на остриях копий, и Конан вогнал глубоко в солому горящую ветку. Затем все трое дружно подняли и воткнули тюфяк в рану чудища, как пробку в бутылку. После Конан говорил, что даже гибель всего мироздания вполне могла наступить тише, чем смерть Великого Дракона. Ни один человек не мог устоять рядом с иззыхающей тварью, слушая предсмертные вопли, которые начались шипением, а закончились пронзительным ревом.

Не мог никто вынести дыма и вони, хлынувших, когда взорвался Великий Дракон. Мало кому улыбалось рисковать получить удар острыми как бритва кусками кожи размером с тарелки или быть забрызганным дымящейся сукровицей.

Все как один, Конан и его группа бросились бежать вниз по склону и оставались там, пока у чудовища не погасли последние искры жизни. Конан тыкал в дымящиеся ошметки острием меча, когда увидел поднимающегося к нему Арфоса. Юноша был обнажен, если не считать сапог, набедренной повязки и короткого меча, с которого капала слизь.

— Как дела у госпожи Дорис? — спросил киммериец.

— Неважно, — ответил Арфос. — Я одел ее в свою тунику и наложил мазь на самые опасные раны. Но ей понадобятся носилки, и, наверно, не только они. Она кричит, зовя Акимоса, как умирающий от жажды кричит, прося воды.

— Обоим совсем не требовалось употреблять слово "колдовство".

— Ну тогда давай отправимся искать Акимоса, — предложил Конан, кладя меч в ножны. — Орис говорил, что монстр был не один. Если где-то шляется еще одна гадина, то, наверно, мы сможем скормить ей Акимоса.

— Боги, Конан, неужели ты начисто лишен милосердия? Отправить даже такую тварь, как Дракон...

— Это спасет моих и твоих бойцов, так же как местных селян. — Конан был не в настроении для шуток.

— Тогда, если ты раздобудешь носилки, я посмотрю, кто из ребят способен идти.

Прошло уже некоторое время с тех пор, как Конан отвесил Арфосу официальный аргосийский поклон, но сейчас он это сделал, и не только потому, что того требовал его "чин". Сегодняшняя ночь могла превратить юношу Арфоса в мужчину и хозяина Дома Лохри, не говоря уж о том, что в достойную пару для госпожи Ливии.

Глава 19

Акимос вздрогнул, когда из темноты вырос Партаб.

— Это всего лишь я, господин.

Значит, эта свинья-вендиец знал, что магнат Дома Перам встревожен! Долго ли придется ждать, прежде чем это поймут все воины под замком Теброт?

— Есть какие-нибудь новости от часовых?

— Они слышали шум, который мог быть вызван передвижением деревенщины, диких быков, оленей или многим другим.

— Будь прокляты эти выросшие в городе дураки! Но если б он вздумал нанимать людей, сведущих в сельской жизни, то его планы живо перестали бы быть тайной. И тогда он, вполне вероятно, не стоял бы теперь в горах перед угрозой неминуемой гибели.

— Проклясть их могут боги, когда сочтут нужным. Нам же я предложил бы усилить караулы.

Акимос нахмурился. В отчаянной битве при входе в замок он потерял почти треть своих сил. Это было бы небольшой ценой в уплату за победу и обладание Ливией. Но вместо того чтобы попасть в плен, эта девка дралась голая с головы до пят и повернула вспять ход боя. Теперь она сидела на своей прекрасной заднице и насмехалась над ним!

Акимос выругался вслух, а затем скомандовал себе прекратить.

— Насколько вероятно нападение со стороны деревенщины? — Ему не нравилось спрашивать совета у подчиненного вроде Партаба, но этот малый был коноводом в набегах на деревни и знал деревни и их жителей лучше любого другого воина Акимоса.

— Если они знают, как мы слабы, — вполне возможно. А если у засевших в замке есть средства отправлять в деревни сообщения, они узнают.

— И насколько вероятны такие сообщения?

— Не думаю, что Реза может сам подумать об этом, так же как и Арфос или госпожа Ливия. Но вот Конан — иное дело.

Конан, как казалось Акимосу, был иным делом с того самого дня, как он появился в Аргосе — и, самое главное, на пути у Акимоса! Он чуть не произнес это вслух.

Но эти слова так и не сорвались с его уст, потому что из замка над ними раздался кошмарный шум. Сперва грохот падающих камней, затем крики и вопли страха и боли и наконец шипение, словно подали голос сразу все змеи в мире.

Змей неожиданно осознал, что связь с Великим Драконом прервалась. Когда это случилось, он был уже почти готов присоединиться к товарищу в поисках небесной пищи.

Он ждал в полости пещер Зимгаса, глубоко под землей, до тех пор, пока не понял, что Великий Дракон больше не обретет сознания. И тогда он быстро пустился в обратный путь через пещеры и дальше через другие туннели — к еще одному выходу в небо.

За тем выходом будет еще больше небесной пищи. Потребность в ней была теперь больше, чем когда-либо, так как вся задача произведения на свет новых Драконов легла теперь на Змея.

Но пожирание двуногих тварей, бывших наилучшим источником небесной пищи, удовлетворит также и еще одну потребность. У человека эту потребность назвали бы стремлением к мести.

Первыми людьми в замке Теброт, встретившими Змея, оказались часовые у баррикады при входе в погреб. Их там стояло только трое, и все с легкими ранениями. Реза был готов поверить в сказочных чудовищ. Но не был готов поверить, будто что-либо сможет преодолеть эту кучу

камней.

Тroe часовых заплатили за ошибку Резы своими жизнями. Они услыхали слабое шипение, более громкое рокотание и наконец грохот, словно каменщик колол каменный блок. В самом деле, это очень походило на услышанное ими.

Змей преобразил себя в живой стенобитный таран с головой, твердой как броня, и массивными ногами, вгоняющими эту голову в камни. Камни под ударами разлетались во все стороны. Один из них обрушился на часового, насмерть задавив его так, что он даже вскрикнуть не успел.

Двое других часовых успели схватиться за оружие, прежде чем погибли, так и не нанеся удара. Башка чудовища разделилась, и оба рта щелкнули зубами.

Однако, умирая, солдаты издали мучительные вопли, и крики эти предупредили всех, кого еще не разбудил шум, вызванный появлением Змея. И один только взгляд на монстра, когда тот неуклюже выбрался на всеобщее обозрение, убедил защитников, что безопасность могло дать только бегство.

Поэтому некоторые сломя голову выбежали за ворота, не волнуясь о том, кто и что может ждать впереди, лишь бы бежать от того, что надвигалось сзади. Большинство же бежало по ветшающим лестницам и взлетало по ним на стены, башни или в донжон.

Когда они оставили между собой и Змеем ступенек так тридцать, то задыхали спокойней. В конце концов, такая тварь едва ли могла взбираться по лестницам, не говоря уж о стенах и башнях.

Ливия с ужасом смотрела, как ее люди убеждались в обратном. Змей осел у одной стены и превратился в огромную, твердопанцирную массу, похожую на миндальный орех. Из этой массы вырастала шея, до тех пор пока не достигла уровня верха стены. Затем на этой шее выросла голова с клыкастыми челюстями, словно какой-то ужасный цветок, и начала бродить по стене туда-сюда, срывая вопящих людей, словно мальчишку, очищающий ягодный куст.

Ливия пыталась закрыть уши, чтобы не слышать истошных воплей погибающих. Она исхитрилась заставить себя молчать, заткнув рот кулаком. Ее бы охватило безумие, если бы не остававшаяся еще надежда, что женщины и дети все же могут оказаться в безопасности.

Наконец, Змей приобрел темно-малиновый оттенок и, казалось, стал теперь похож на подушечку для булавок от пускаемых в него копий, стрел и камней. Реза слегка тронул Ливию за плечо:

- Госпожа, существуют предания, что огонь имел какую-то власть над чудовищами.
- У нас есть огненные стрелы?
- Нет, но есть горящие головни.

Ливия ничего не сказала. Для горящих головней понадобятся люди, подносящие их поближе к монстру, и она не видела, как смельчаки сумеют уцелеть — и прежде всего Реза, который наверняка возглавит их. Но другой надежды на спасение нет.

— Отлично. Я спущусь позаботиться о раненых. Если не сработает все прочее, я не дам им умереть в одиночку.

Если не сработает все прочее, она тоже обречена. Но, по крайней мере, смерть придет достаточно быстро. При удаче первым, что она узнает о ней, будут падающие внутрь башни, камни, которые раздавят ее насмерть, прежде чем зверь сожрет ее...

Ее желудок забунтовал, и она прислонилась к стене, пока не прошел спазм. Когда он минул, она готова была поклясться, что уши тоже предают ее.

Она услышала донесшийся издалека снизу, под горой, боевой клич Дома Лохри "Вперед, всегда в бой!" и даже "Ливия Дамаос!".

Конан и его бойцы добрались бы до замка одновременно со Змеем, если б не одна несчастливая случайность.

Когда они пробегали рысью последнюю четверть лиги до тылов рати Акийоса, то столкнулись с отрядом селян, двигавшихся к той же цели. И те и другие приняли друг друга за подкрепление для Акимоса. Оба отряда залегли, и их капитаны начали готовить бойцов и к атаке, и к обороне.

Только после того как на все это потеряли некоторое время, Конан узнал крестьянскую одежду, а некоторые из селян узнали знак Дома Дамаос. Затем два отряда двинулись вперед достаточно быстро, но они все еще поднимались на гору, когда Змей нанес удар.

При всем учиненном им в замке погроме, монстр оказался для Конана и селян благословением богов. Акимос и его воины были настолько ошеломлены тем, что могло происходить в замке, что и забыли оглядываться на тылы. Поэтому Конан вывел шестьдесят с лишним следовавших за ним бойцов на рубеж атаки прежде, чем Акимос узнал, что у него гости.

Затем они двинулись вперед, и горный склон растворился в хаосе ночного боя. И сквозь этот хаос несся подобно буре Конан, с мечом, оставлявшим кровавые ошметки везде, где разил. Боевой клич киммерийца придавал смелости его бойцам и лишал ее врагов. Той ночью северянин один стоил десяти, и для некоторых из бойцов Акимоса не было позором то, что они бросились бежать вверх по склону, крича, что на них напали демоны.

А затем они добрались до ворот и оказались лицом к лицу с настоящим демоном. На них обрушился Змей.

Ливия следила через бойницу в башне, как монстр вырастил ноги и усаженную шипами безглазую голову. Теперь он походил с виду на гигантскую черепаху с восьмью или десятью — нет, теперь с двенадцатью — ногами и с панцирем, гладким как стекло, за исключением мест, где оставили шрамы брошенные головни.

Легенды не лгали. Воткни в тушу монстра огонь, и он будет страдать. Воткни его достаточно глубоко, и, наверно, он умрет раньше, чем полностью очистит замок от людей Ливии.

Головни сыпались на него градом, пока не иссякли, но к тому времени дым со Змея повалил в двунадесяти местах. Ливия и все остальные в лазарете чуть не оглохли от криков чудовища.

Затем он умолк и начал свое преображение. Ливия не знала, собирался ли он атаковать или поискать где-нибудь еще добычу полегче, молилась, чтобы верно оказалось последнее, и знала, что молитвы вряд ли помогут. Поэтому она следила за тем, как Змей отрастил три добавочные пары ног и неуклюже потопал за ворота. Камни повалились в обе стороны, когда чудище вышибло их, и часть арки ворот с грохотом рухнула. Но каменные блоки размером с человека произвели не больший эффект, чем галька, — они безвредно соскользнули с чудища.

Затем она отползла от бойницы и вернулась к перевязыванию ран, наложению мази на ожоги и держанию за руки тех, кто получил только душевые раны, а не телесные.

Акимос поощряющее закричал своим людям, когда увидел, что те побежали к замку. Атака сейчас, когда защитников что-то отвлекало, могла оказаться успешной. А затем он обругал их, когда увидел, что они бегут обратно.

Но ругательства застряли у него в горле, когда он увидел, что заставило их бежать. Он преградил бегущим путь, размахивая мечом:

— Соберись, соберись, ребята! Ради чести Дома Перам! Ради победы над проклятыми!

Его заглушили ругательства убегающих. А один из них не ограничился руганью. Он рубанул господина Акимоса кейфом. Удар вышел торопливым и неуклюжим, но случай направил клинок

в шею Акимоса.

Тот почувствовал, как кровь брызнула, а затем потекла по плечу и груди. Струя крови стала обильней, и с каждой каплей уходили из тела силы.

Акимос упал на спину. Он еще не потерял сознания от потери крови, когда Змей спустился по тропе и принял смахно жрать добычу.

Бойцы Конана не дрогнули, когда перед ними появился монстр. Селяне же не обладали ни таким хорошим предводителем, ни знанием, как бороться с чудовищами. Они рассыпались и с воплями обратились в бегство.

Те из воинов Акимоса, какие еще остались в живых, последовали за ними. Некоторые еще подумывали драться, другие же всего-навсего делали то же, что и селяне, — оставляли между собой и чудовищем как можно больше лиг.

Немногие сильные духом слуги Дома Перам попытались и отстаивать свою позицию, и вести бой с воинами Конана. Но их превосходили числом три к одному, даже не считая того, скольких стоил киммериец. Они были перебиты, взяты в плен или бежали, прежде чем Змей закончил поглощать труп Акимоса.

— Конан, нам придется послать людей в замок и вывести Ливию, — воскликнул Арфос.

— Как мы пошлем их в обход этого? — проворчал Конан, показывая мечом на Змея. Тот теперь отрастил три головы, с маленькими беззубыми пастьями, но с огромными горящими глазами. Он казался готовым топтаться на месте, пока искал добычу, но Конан ничуть не сомневался в том, что он сделает, когда найдет ее.

— Мы не можем бросить Ливию! — только что завопил Арфос.

— Не можем, но она не может бросить своих людей и раненых в замке, — отрезал Конан. — Для нее вопрос будет стоять — все или ничего, она именно такой капитан. А раз всего не может быть, пока мы не убьем это...

— Конан, я пойду один, если...

Конан схватил Арфоса за плечо. Юноша заизвивался, как рыба на крючке, но вырваться не смог.

— Никуда ты не пойдешь. Если ты поднимешься по этой тропе и закончишь свой путь съеденным, Реза возжаждет моей крови, даже если Ливия этого не захочет. Останешься или я должен тебя связать?

— Конан, — вздохнул Арфос. — Бывают минуты, когда ты, по-моему, понимаешь мою невесту лучше, чем я сам.

— Из-за того что женщины такие, какие они есть, подобное уже случалось, — обронил Конан. — Но я знаю не столько эту женщину, сколько этого боевого капитана. — Он хлопнул Арфоса по плечу более дружески: — А теперь давай займемся поисками головешек и огня. Хороший костерчик у него в зобу — и это чудовище отправится следом за первым!

Арфос кивнул и начал подзывать к себе воинов. Когда юноша отправился на поиски, Талуф подошел и встал рядом с киммерийцем.

— Как, по-вашему, сколько эта тварь собирается нас ждать, капитан? — спросил сержант.

— Одним богам известно, а я с ними в последнее время не разговаривал, — пожал плечами киммериец. — Если гад доистата сожрал всех в замке, то, возможно, он некоторое время будет двигаться помедленнее, как сытый лев.

Он не добавил того, о чем слыхивал, что сытые чудовища могли разделиться надвое, и каждый новый монстр будет обладать всей страшной мощью старого. Это было еще одной причиной того, почему он отказался послать мимо Змея людей спасти тех, кто в замке. Если никто не будет стоять между чудовищем и открытой местностью, а оно тогда разделится, то на

всё будут бродить, пожирая все на своем пути, два Змея.

И Конану не потребовался капитан Хаджар, чтобы преподать один важный урок по части войны. Когда враг перед тобой, дерись с ним, если можешь! Не сиди на заднице, пока неприятель не обратится в бегство, а когда обратится — гонись за ним, как старый гончий пес за молодым зайцем.

Конан с Талуфом стояли перед Змеем, когда киммериец заметил одетую в темное фигуру, спускающуюся по склону выше чудовища. Луна на небе давала как раз достаточно света, чтобы можно было разобрать столь маленькую и худенькую фигурку.

Скирон? Неужели колдун приобрел власть над Змеем, превратив его из безмозглого чудища в оружие? Конан наблюдал за тем, как фигура, спотыкаясь, приближалась, прикладывая расстояние. Может, он и сумел бы — нет, точно сумел бы — добраться до колдуна и убить его, но ему никак не проскочить мимо монстра.

Ну, время любого человека раньше или позже придет, в основном раньше для тех, кто жил своим мечом и умом, и для Конана в этом не было ничего удивительного. Он сделал все, что в его силах, и если Кром не сочтет это достаточно хорошим, то это уж дело бога!

Конан двинулся вперед. Он прошел десять шагов, когда сзади его окликнул Талуф:

— Капитан, смотри!

Вдоль спины Змея появлялась трещина. Она достигла головы, а затем потянулась вниз, к шипастым хвостам. Каждый шип был длиннее человеческой руки, каждый молотящий с достаточной силой, чтобы вонзить эти шипы сквозь латы. Змей разделялся.

Конан не знал, во что это превращало его шансы на спасение. Он знал, что теперь еще важнее зарубить Скирона прежде, чем колдун обретет власть над обоими чудовищами.

Конан сорвался на бег, ревя боевые кличи полудюжины стран и размахивая мечом. Он не видел, как Талуф бросился бежать следом за ним. Его глаза смотрели только на Змея и на темную фигуру, теперь приблизившуюся к нему, поднимающую руки в безошибочном жесте колдуна, собирающегося навести чары.

Скирон не замечал киммерийца, пока тот не начал выкрикивать боевые кличи. И даже тогда он мало думал о нем. И десять варваров, вместе взятых, не чета двум монстрам, каждый из которых будет под властью чар, повелевающих им кормиться и делиться, кормиться и делиться, пока не будут столь же многочисленными, как муравьи, и голодными, как отощавшие тигры.

И тогда они заполонят весь Аргос, пока другие чары не заставят их подчиниться. И человек, который сможет навести эти чары, сможет потребовать любую цену, и сами архонты отдадут достаточно золота, чтобы основать дюжину школ для обучения магии! Акимос, может, и умер, но надежды Скирона — нет.

Он почувствовал, как чары нарастают в нем, и знал, что, делая это, они черпают силы из его же тела. Его немой слуга канул в ночи, наверно в утробе первого Дракона, а с ним и все магические предметы Скирона. Это не будет иметь значения, если власть над монстрами поможет выиграть время для восстановления сил и предметов.

Поэтому он вил свою силу в чары, не волнуясь о том, окажется ли он в конечном итоге полностью опустошенным или нет. Не волновали его и другие вещи, такие, как подбегающий к чудовищу киммериец. Когда Конан приблизился, две из голов Змея вырастили зубы и метнулись к нему. Он рубанул их мечом по мордам, а затем отпрыгнул за пределы досягаемости. Скирон лишь различил быстроту рук и ног киммерийца и не поверил увиденному.

А затем он ясно увидел, что киммериец бежит вверх по склону к нему. Третья голова чудища тоже отрастила зубы и метнулась следом за киммерийцем, но лишь ударила о камни позади него. Отлетевшие куски камня посыпались вниз по склону, и пыль поднялась, полускрыв своей

завесой Змея.

Скирон почувствовал, как на коже у него выступил пот, прокладывая дорожки в облепившей ее пыли. Пока он наращивал чары власти над Змеем, тот утратил свою обычную молниеносность. Не замедляли ли его чары и разделение?

Размышая над этими вопросами, колдун продолжал наводить чары. То, что отвлекло его наконец от чар, было заметное приближение Конана. Еще несколько шагов, и он окажется в пределах досягаемости меча.

Хватит и простого заклинания для простой угрозы. Руки Скирона заметались, и меч вылетел из руки северянина. Клинок описал высокую дугу, и одна из голов чудища метнулась к нему, хватая его на лету, как птица, склевывающая насекомое у себя на крыле.

Скирона охватило беспокойство. Это было быстрое движение у Змея — и Конан по-прежнему приближался.

Беспокойство превратилось в страх. Скирон начал пятиться, но с таким же успехом и ягненок мог попытаться, пятясь, уйти от волка.

Конан добрался до колдуна и сцепился с ним голыми руками. Скирон завизжал от ужаса, когда почувствовал себя поднятым над головой киммерийца. А затем страх парализовал ему рот и дыхание, когда киммериец швырнул его в монстра.

Это не ослепило его глаз. Они увидели, как все три головы взметнулись с разинутыми ртами. Они увидели опускающиеся зубы. Они даже увидели, как зубы вонзаются в его тело, прежде чем сперва боль, а затем смерть навеки сделали их слепыми.

Конан выхватил кинжал, стал спиной к скале, когда головы Змея разрывали Скирона на части. Несомненно, чудовище бросится на него достаточно скоро. Колдун-то едва ли больше чем на один зубок, а при разбитых чарах монстр будет слишком быстр для того, чтобы смог спастись даже киммериец.

По крайней мере он покончил со Скироном и, как он надеялся, уменьшил опасность, что чудовищ окажется больше одного. Тех, кто поднимется на гору с огнем и сталью закончить работу, будет ждать облегченная задача, и некоторые из них, возможно, выживут и расскажут Ливии...

Змей содрогнулся, и трещина, вытянувшаяся теперь от головы до хвоста, расширилась. Из нее повалил дым, такой густой и зловонный, что Конан был слишком занят прикрыванием носа и рта, чтобы увидеть то, что находилось под дымом.

Дым этот был тяжелым, как морской туман. Он растекался вокруг Змея, также поднимался к Конану. На мгновение у киммерийца похолодело внутри, когда вонючие серые клубы задели его кожу.

Но в дыме не содержалось никакой магии, только тошнотворный запах, похуже даже того, который дошел до Конана от первого монстра. Он попытался определить, что же происходит с чудищем за дымовой завесой, но она стояла теперь такой густой, что он с таким же успехом мог попытаться смотреть сквозь кирпичную стену.

А затем раздался такой звук, словно все гнилые фрукты в Аргосе разом бросили на каменный пол. Глаза Конану опалил голубой свет, пронзая дым, но в тоже время ослепляя его. Он прижался лицом к скале, когда вонючий ветер с ревом пронесся мимо него, садня ему кожу камешками и песком и неописуемыми ошметками Змея.

Наконец голубой свет померк. Конан открыл глаза, смахивая с них песок, и уставился на открывшуюся ему картину. Там, где стоял Змей, образовалась огромная яма из дымящегося голубого стекла, окруженная почерневшим камнем и немногими обугленными ошметками гадины.

Отравил ли там зверюгу Акимос или нет, а пробудивший его от долгого сна своими чарами колдун уж точно отравил. Поглощение его, с чарами и всем прочим, оказалось для Змея слишком большим куском.

Скальный карниз был как раз достаточно широким, чтобы Конан смог присесть на корточки, пока ему снова станет легче дышать. А затем он начал пробираться обратно к тропе без особой спешки. Раз монстр мертв, то будет явной глупостью сломать шею, упав в оставшуюся после него яму!

Конан добрался до тропы примерно к тому времени, когда Арфос привел бойцов с головнями и факелами туда, где стоял на страже Талуф. Сперва они не могли говорить, только таращились на Конана, как на человека, восставшего из мертвых. Молчание нарушил Арфос:

— Конан, во имя всех богов!..

— Он съел что-то слишком жесткое для него, — объяснил с деланным смехом Конан. — Нашего друга Скирона.

— А, — молвил наследник Лохри. — Я бы рассердился, если бы его чары все еще сковывали мою мать. Но, похоже, они сковывали ее, только пока был жив Акимос. Она пробудилась, сказала, что он умер, поинтересовалась, что я делаю с моими целительными средствами, а потом снова уснула.

— Слава богам за небольшие милости, — отозвался Конан.

— Нам понадобится больше чем небольшая милость, когда она пробудится и попытается править вновь, — с сомнением произнес Арфос.

— Нет, не понадобится, — возразил Конан. Он схватил юношу за плечи: — Тебе нужно всего-навсего сделать две вещи. Первая: попросить у Ливии ее руки. Вторая — быть таким, каким ты был сегодня ночью.

— Даже с матерью?

— Прежде всего с матерью!

У госпожи Дорис хватило любезности проспать почти до следующего вечера: столь многое было достигнуто, пока она спала. Однако прошло не много времени с момента ее пробуждения, прежде чем она вызвала к себе в покой Конана, Арфоса и госпожу Ливию. Сидя на постели, одетая в длиннополую рубашку, сшитую из туник убитых солдат, она по-прежнему сохраняла многое от своей прежней силы. Конан наблюдал как Арфос отказывается встречаться взглядом с матерью, когда та продолжала бессвязно говорить о том, что она услышала о нем, Ливии и Конане.

— Эти люди явно не думали, что я слушаю, так как гоготали как гуси, столь же вонючие, сколь и тупые. Итак, сын, я должна спросить у тебя следующее. Ты предполагаешь жениться на объедках киммерийца? — Похоже, что после пережитого у Дорис сохранился не только прежний ум, но и решимость либо командовать своим сыном, либо сломать его.

Будь на поясе у Ливии кинжал, Конан бы отнял его у нее. Что бы ни учинила Ливия над госпожой Дорис, кроме убийства, старшая женщина вполне заслужила.

Мир восстановил Арфос, или по крайней мере предотвратил войну.

— Мать, — заявил он тем же командным голосом, какой он при Конане использовал в бою. — Я женюсь на госпоже Ливии из Дома Дамаос, если она захочет выйти за меня замуж. Это все, что я попрошу у нее.

— Ты не смеешь так со мной разговаривать, Арфос. Я должна дать согласие...

— Мама, — перебил Арфос. — Я совершенолетний. И не нуждаюсь в твоем согласии. Я бы предпочел получить его. Но по закону мне нужно только согласие госпожи Ливии. — Он посмотрел на младшую из женщин.

— Госпожа Ливия, вы согласны выйти за меня замуж по законам Аргоса и богов?

Прошел миг, в течение которого Конан следил одним глазом за госпожой Дорис, которая стремительно приходила в истерическую ярость. А другим глазом он смотрел на Ливию. Он поклялся всеми известными и неизвестными богами, что если она откажет Арфосу, то он разложит ее поперек колен и крепко отшлепает.

Затем Ливия протянула руки и взяла обе руки Арфоса в свои. Выражение ее глаз сказало больше, чем речь, тянущаяся целый день. Конан убрал руку с эфеса меча. Но госпожа Дорис еще не сдалась:

— Ее согласие должны засвидетельствовать граждане Аргоса. Я откажусь засвидетельствовать ее согласие. А Конан не гражданин. Следовательно...

— Я это помню. Но я помню и то, что если за обетами последовало осуществление брака, то никакие свидетели этим обетам не нужны. Такой брак невозможно аннулировать.

— Осущес... — начала было госпожа Дорис, а затем от ярости лишилась дара речи. Молчание оказалось благословенным, оно позволило всем прочим услышать стук в дверь.

— Госпожа?

— Заходи, Реза, — предложил Арфос.

Вошел рослый иранистанец и робко глянул в глаза Конану. Он не спас свою госпожу и, чтоб еще больше ухудшить дело, доверился человеку, чуть не ставшему убийцей жениха его госпожи.

— Реза, — обратился к нему Арфос. — В основном ты действовал отлично, но не совсем. Я прощу тебе то, что ты действовал не совсем как надо, если ты окажешь мне одну услугу.

— Сударь, я в вашем распоряжении.

— Превосходно. Не выпускай госпожу Дорис Лохри из этих покоев.

Чтобы добиться этого, потребовались усилия и Конана, и Резы, так же как одного из сонных зелий Арфоса. К тому времени когда Конан добрался до покоев Ливии, дверь была закрыта и заперта на замок. Однако кое-какие звуки изнутри все же доносились, ясно давая понять, как забавлялись находящиеся взаперти.

Конан поставил на стол принесенные им кувшин с вином и две чаши и спустился по лестнице. Он думал сам выпить вино, но не возникало никаких сомнений, что Арфосу восстановление сил понадобится больше, чем ему!

Глава 20

Стоило высунуть нос из "Пастушьего покоя", как попадешь под заливавший Мессантию дождь. Стол Конана стоял перед дверью на улицу, и поэтому он увидел, как быстро вошел человек, в насквозь промокшем плаще Воителя. Когда вошедший прошел через помещение, за ним потянулся след из воды.

— Талуф!

— Капитан Конан! Я слышал, что ты ищешь меня, но никак не мог столкнуться с тобой. Хвала богам, у нас, Воителей, есть свои средства!

Служанка таверны сердито смотрела на Талуфа из-за капавшей на пол воды.

— Еще вина для меня и этого доблестного Воителя, — распорядился Конан. — А потом поднимешься ко мне в комнату и спроси у находящейся там женщины шелковый кошелек с красной лентой...

— С красной лентой?

— Да. — Конан шлепнул ее одной рукой по заднице, а другой дал ей монету. Она ушла, улыбаясь.

— Это новая личина? — спросил Конан, показывая на плащ и тунику Воителя, открывшуюся теперь, когда Талуф сбросил плащ.

— Нет, клянусь яйцами Эрлика. Я настоящий Воитель, да притом еще и гражданин Аргоса.

Это нельзя было назвать таким уж удивительным. Тех, кто сражался с Акимосом, Скироном и Драконами, наградили щедро, если и негласно. Дом Дамаос и Дом Лохри не поскупились, так же как и архонты (хотя большая часть их щедрости шла за счет наследников господина Акимоса).

— Надеюсь, это не помешает тебе принять серебро, которое я хранил для тебя с тех пор, как мы распустили отряд. Ты последний, кому я что-то должен.

— Нет, нет, — заверил своего прежнего капитана Талуф. — Мне понадобится отложить жалованье. Я положил глаз на дочку одного виноторговца...

— На нее саму или на бочки ее отца?

— Признаю, сложением она довольно похожа на одну из них, но она — одна из двенадцати детей и готовит так, что от ее стряпни не отказались бы и сами боги. Так что если ты снова будешь в этих краях, то, вероятно, застанешь меня толстым и многодетным. Я достиг того возраста, когда в пользу этого воистину можно сказать многое.

— Только не мне. — возразил Конан. — Я хотел посмотреть Мессантию, но теперь, когда это сделано, я двинусь дальше.

Талуф помолчал, пока принесшая вино служанка не удалилась за пределы слышимости. А затем шепнул:

— Тогда лучше отправляйся побыстрей. У тебя хватает врагов, и если ты прольешь их кровь даже в порядке самообороны...

— Знаю, знаю. Законы Аргоса обрушатся на меня, как навоз с гигантского быка, и снова похоронят меня в Доме Харофа. Буду осторожен, Талуф. Клянусь в этом.

— Капитан, да в тебе нет ни капельки осторожности. А ты сам не думал поступить в Воители?

— Разве ты не знаешь? Все время, проведенное мной в Аргосе, я был капитаном этих парней.

Талуф с подозрением посмотрел на свою чашу с вином, а затем также на Конана:

— Воитель?

— Похоже, кое за что из сделанного нами мне пришлось бы отвечать перед законом, если бы не прикрывался званием Воителя. Поэтому записали, что я был капитаном Воителей, выполнившим тайное задание. Но за то, что я вышел за рамки закона и своих полномочий, меня уволили и навеки запретили поступать в Воители.

Талуф плюнул было на пол, но затем вспомнил гневный взгляд служанки и вместо этого плюнул в пустую винную чашу и покачал головой:

— Ох уж мне эти законы Аргоса!

— Ты уверен, что хочешь провести остаток своей жизни под их властью, заставляя и других подчиняться? — спросил Конан.

— Лучше уж это, чем холодная постель и скучный паек кондотьера или короткая жизнь вора, — отозвался Талуф. — Но если ты хочешь снова податься в кондотьеры, я могу назвать тебе два десятка ребят, которые с радостью последуют за тобой.

Мысль эта вызывала искушение. Аргос и Аквилония по-прежнему не нуждались в кондотьерах, но Шем и Коф нанимали щедрой рукой. Они боялись, что Морантес II может попытаться укрепить свой шаткий трон внешней войной и они окажутся первыми на пути любого такого конфликта. Но она была также бесплодной.

— Мне бы понадобилось больше серебра, чем у меня есть, а от спасенных нами больше не получишь. Но Ливия и Арфос усвоили, что для приведения в порядок Дома Лохри мало просто послать туда Резу с дубиной. Им понадобится все их серебро и еще столько же, сколько смогут выудить у архонтов.

Талуф, похоже, готов был недвусмысленно высказать все, что он думает о втюрившихся аргосийских магнатах, когда подошла женщина из номера Конана и подала ему шелковый кошелек, завязанный красной лентой. Талуф осторожно взял его, улыбнулся его тяжести, а затем уставился на женщину:

— Шилка!

— Она самая, сержант... Талуф?

— Точно. Как ты оказалась в Мессантии?

— Вместе с сестрой, когда та поступила на службу к госпоже Ливии. Я подумала, что мне следует посмотреть город, прежде чем я отправлюсь домой, и нашла человека, придерживавшегося того же мнения.

— Ну, я не стану спорить ни с кем из вас, — сказал Талуф, поднимая чашу. — Но запомни вот что, капитан. В Аргосе слишком многие желают видеть тебя только со спины, когда ты окажешься на борту отплывающего корабля.

— Запомню, Талуф, — пообещал Конан, наливая из кувшина женщине. — А теперь давай выпьем за старых товарищей и перейдем к более приятным делам! Три чаши поднялись.

— За старых товарищей! — сказали хором.

— И за новые приключения, — добавил Конан.